

Лев Н. Толстой

Дневники - избрана

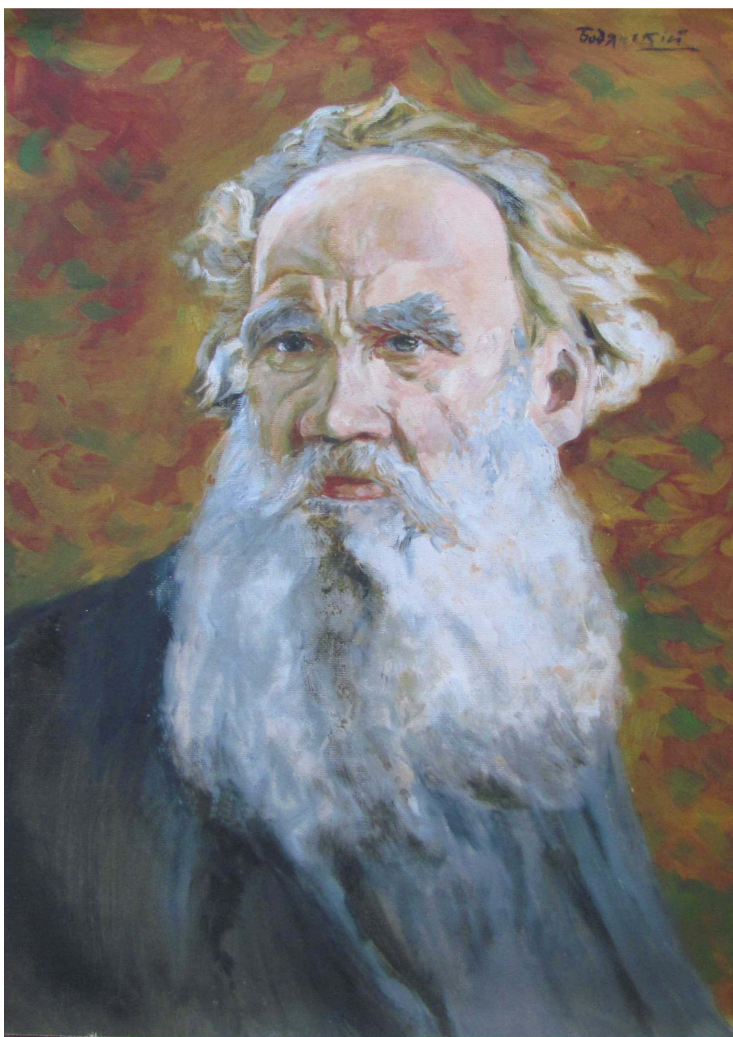
1881 - 1910г.

Двухтомно издание

ПРЕПЕЧАТВАНЕТО СЕ РАЗРЕШАВА БЕЗВЪЗМЕЗДНО

Издател: НЧ „Ясна поляна - 2014“, гр. Варна

Портрет на Лев Н. Толстой - 1903г А. Богуславский

Лев Н. Толстой
Дневники - избрание
1881 - 1910г

Двуязычно издание

Съдържание:

Дневниците на Лев Толстой като огледало на духовните ценности и същност на човека.....	5
Том 49 (1881-1884)	9
Том 50 (1888-1889)	13
Том 51 (1890).....	19
Том 52 (1891-1894)	24
Том 53 (1885-1899)	43
Том 54 (1900-1903)	72
Том 55 (1904-1906).....	88
Том 56 (1907-1908).....	115
Том 57 (1909)	129
Том 58 (1910).....	152

Содержание:

Дневники Льва Толстого как зеркало духовных ценностей и сущности человека	174
Том 49 (1881-1884)	178
Том 50 (1888-1889)	182
Том 51 (1890).....	187
Том 52 (1891-1894)	192
Том 53 (1885-1899)	210
Том 54 (1900-1903)	238
Том 55 (1904-1906).....	253
Том 56 (1907-1908).....	278
Том 57 (1909)	291
Том 58 (1910).....	313

Дневниците на Лев Толстой като огледало на духовните ценности и същност на човека

Дневниците на руския и световноизвестен писател и мислител Лев Н. Толстой заемат 13 тома от 90-томното издание на събраните му съчинения, издадени през 1928 - 1958г. в бившия вече СССР. До днес няма друго пълно тяхно издание в Русия и света. Издава се и се разпространява в Русия и света съкратеното тяхно издание в два тома, които са част от двадесеттомното издание на събраните съчинения на Лев Толстой, издадени през 1965 г. в СССР. Съставител на това съкратено издание е Николаи Йосифович Шифман. Особено много е съкратен текста на Дневниците на Толстой от 1881 г. до 1910 г., като са пропуснати всички религиозно философски и някои социални мисли на Толстой. В България е издаден 1 том - Дневник, изд. „Народна култура“ София, 1994 г. Той е съкратен вариант на руските два тома и е съставен от София Бенц.

Настоящото двуезично издание на Дневниците на Лев Толстой има за цел да запознае българските читатели с избрани части и пропуснатите и непубликувани вече 60 години религиозно - философски и социални мисли на Толстой. Те се съдържат в дневниците му от 1881 - 1910 г., това са том 49 - том 58 от 90 томните събрани съчинения. Запазени са без редакция на текста и промени в номерацията, така както са в том 49 - том 58. Дневниците му от 1847 до 1881 г. не са предмет на това издание.

Лев Толстой пише до най - близкия си приятел и съмишленик В. Г. Чертков - „От всичките ми писания само изданието на Дневниците ми от последните години, като се премахне случайното и неясното в тях, може би ще е полезно за хората“ (13.05.1904 г.). Дневниците от втория период от живота и творчеството на Лев Толстой са най - обективния документ за неговите чувства и мисли, за неговото състояние и светоусещане, за неговата вяра и смисъл на живота. Всичко това е нужно на хората, за да разберат този чуден прелом през 1879 - 1880 г. в живота и творчеството му, след който Лев Толстой се

отказва от авторските си права, от собствеността си и започва да се труди физически на село.

Тайната за това му поведение и за новите му религиозно - философски трудове е открита и споделена в Дневниците му от 1881 - 1910 г. След като е изпълнил своите социални функции като е бил военен, учител, писател, съпруг, баща, пред Толстой застава въпросът - кой е той всъщност? Не намира задоволителен отговор в религията, науката, философията, изкуството. Затова се обръща към себе си, към своята интуиция, ум, логика и знание. Обръща се и към непосилния, жестоко натоварен физически трудов живот на селяните и работниците. Така се ражда неговото спасение от самоубийство, така намира смисъл на своя живот, така отговаря на въпроса - кой съм?

Образът на Толстой, който се изгражда от Дневниците му след 1880 г. е невероятен, необясним, противоположен и неприемлив за съществуващата и тогава и днес религия, наука, философия и изкуство. Защото коренно се различава от изграждания от тях образ - модел на човека. Религиозният модел на човека е на грешник, който се спасява чрез вяра, която му предлагат богослужителите - посредници между него и Бога. Научният модел - човек е интелектуално и физическо оръдие за материално благодеяние. Философският модел е софизъм, след софизъм без разумна основа. Изкуството изгражда човек за развлечение и игри, отдал се на чувствата и инстинктите. Подходът на Толстой към човека е изграден чрез съединение на разумните компоненти от религията, науката, философията, изкуството, взети в тяхната взаимовръзка. Този комплексен подход на Толстой към себе си, към човека - загадка е в нарушение на общоприетите правила на съществуващото познание. Толстой анализира религията с методите на науката, средствата на философията и интуицията на изкуството. Ражда се нов образ на човека - „Моето тяло не съм аз, моя разум също не съм аз, моето съзнание - също не съм аз. Аз, моето истинско аз е това, което съзнавам. Съзнавам своята духовна божествена същност. Не разбирам тази същност, но единствено тя е моето истинско аз“.

(10.06.1907 г.) Изводите на Толстой са изцяло въз основа на личния му

опит, след като е превърнал себе си в научна лаборатория за изследване на своя човешки дух.

Човекът в Дневниците на Толстой дефинира основното си понятие за познание - разум. Той се ражда в отношение към незнанието и необяснимото, извънвременно и извънпространствено начало, което е в човека и извън него, което дава живота и го отнема чрез смъртта. Това отношение - разум изгражда съзнанието на човека. Това съзнание Толстой нарича разумно религиозно съзнание, което съзнава, че в него има „нещо свободно, всемогъщо, извън временно, извън пространствено“.

Ако човек пренесе в духовното си съзнание смисъла на живота си, е постигнал най - висшето благо за себе си, изпълнил се е с любов. Любов, която е осветена от разума и е станала проявление на съзнанието. За Толстой душата, това е съзнанието - „Колкото и да ни се иска безсмъртието на душата, такова нещо няма и не може да има, защото няма душа, а има само съзнание на Вечния - Бог (25.02.1904 г.). До това непоколебимо и истинско съзнание се достига, ако признаеш безсмислието и нещастията на материалния, животински живот и безумието с материални закони да се обяснява духовното. Духовното съзнание е изпълнено с любов към всички и всичко. Това според Толстой е истинската радост, щастие и благодат на човека, осъзнал божествената си същност и проявил нейното съдържание - любовта. Това е възвишена любов на съпричастие, състрадание, милост, себераздаване и саможертва. Човекът според Толстой има два избора - да живее според животинската си материална природа, или чрез духовното си съзнание, което е на неизвестен, непознаваем, но съзнаван Бог.

След като изяснява себе си, Толстой се обръща към действителността край него. И започва от физическия труд: „Поша пише превъзходно, че във всичко е нужна мярка - и във физическата работа; иначе физическата работа озверява. Но знаейки, че тя озверява, той пише, че затова още повече не бива да я стоварваме върху другите. Колко кратко и силно“ (25.01.1891 г.). Това е и първата видима

промяна в поведението на Толстой - той започва да се труди физически. Споделя радостта от осъзнатия труд и се чувства пълноценен и удовлетворен.

Толстой отрича насилието, което съществува само защото хората не осъзнават духовната си същност и неземната любов в нея. Успешната борба с насилието е възможна само чрез неучастието и неприлагането му в живота - „Царството божие е вътре в нас и се достига с усилие“ (17.05.1890 г.)

Неговият съмишленик Б. Мазурин обобщава: „Колко е хубаво, че Л. Н. Толстой не е създал никаква църква, никаква партия, никаква секта и никакви догми. Той показва на хората пътя на живота, който счита за истински. Той споделя своя опит по този път, направлява и оставя всеки сам посвоему, самостоятелно да мисли, самостоятелно да взема решения и живее, ръководейки се от своя разум и своята съвест, съгласно силите и изискванията на душата си,,

Йордан Йорданов
Съставител

Том 49

1881 г.

18 май 1881. Сутринта Серьожа ме изкара извън равновесие, и Соня ме нападна непонятно и жестоко. Серьожа говори: Цялото учение на Христа е известно, но трудно. Аз му казвам: Човек не трябва да казва „трудно“ и да бяга от горящата стая към единствената врата. Започнахме разговор. – Да се бесят – трябва, да се колят – трябва, да се бият по зъбите без свидетели и слабаци – трябва, уж да не се разбунтува народът – страшно. Но да се бият чифутите – не е зле. После в промеждутъка разговор за разврат – с удоволствие. Някой не е с всички си – те или аз.

27 юни 1881. Страшно много бедни хора.

28 юни 1881. Обявват, а талигата вече ги кара на пикник помежду селските каруци, возещи измъчените от работа хора.

6 юли 1881. Икономическата революция не е това, което може да бъде. А не може да не бъде. Чудно, че я няма.

22 юли 1881. Молокани. Аз прочетох своето. Слушат с жар.

11 август 1881. Цял ден съм в лошо настроение. Тежко.

3 септември 1881. Много омраза има в народа.

5 октомври 1881. Москва. Воня, камъни, разкош, нищета. Разврат. Събрали се злодеите, ограбващи народа, наели войници, съдии, да им охраняват оргията, и пируват. Народът нищо повече не може да направи, освен, използвайки страстите на тези хора, с измами да си връща назад ограбеното. Селяците са много по-ловки в това.

Дневник 1884 г.

Из Лао Дзъ. XXVI

Когато човек се ражда, той е гъвкав и слаб; когато е твърд и силен – умира. Когато дърветата се раждат, те са гъвкави и нежни. Когато са сухи и твърди, те умират.

Твърдостта и силата са спътници на смъртта. Гъвкавостта и слабостта са спътници на живота. Затова силното не побеждава.

Когато дървото стане здраво, го отсичат.

Това, което е силно и голямо, е нищожно; това, което е гъвкаво и слабо, то е важното.

Конфуций не споменава за Шанг-ти – небесният Бог, а винаги само за небето.

А ето отношението му към духовния мир: запитали го как да служат на духовете на умрелите. Той казал: Щом не умеете да служите на живите, как ще служите на мъртвите. - Попитали го за смъртта: Щом не знаете за живота, защо ме питате за смъртта?

6/18 март 1884. Москва. Превеждах Лао Дзъ. Не излиза това, което си мислех.

7/19 март 1884. Грехове: 1) Четох писмото на Ролстън. – Соня, без да ме доизслуша, започна да ми забранява. Аз веднага се ядосах. 2) Станах лениво, не разтребих стаята.

18/30 март 1884. Писмо от Чертков. Обичам го и вярвам в него.

[март. Повторение] Четох Конфуций и записвах. Религиозно – разумно обяснение на властта и китайското учение за него беше за мен откровение. Ако е угодно Богу, ще бъда полезен на хората, като изпълня това. Все повече и повече ми се изяснява това, което ми беше неясно. Властта може би не е насилие, когато се признава като нещо висше - нравствено и разумно. Властта, като насилие, възниква само тогава, когато се признава за нещо висше това, което не е висше според изискванията на нашето сърце и разум. Но когато човек се е подчинил на това – било то отец или цар, или законодателно събрание – което не уважава напълно, тогава се е появило насилието. Когато това, което считам за висше, е станало невисше, и аз го осъждам, то обикновено се използват два способа: 1) самият аз да стана по-висш от това, което е било висше (какви между синове и бащи, революции), или, въпреки че

висшето е престанало да бъде висше – да продължавам да го считам за висше – конфуцианство, славянофилство, Павел (да се носи власт, не дадена от Бога).

23 март/4 април 1884. Струва си да влезеш в работническо жилище, душата разцъфтява.

26 март/7 април 1884. Четох Кривенко: Физическият труд. Превъзходно.

29 март/10 април 1884. Четох Конфуций. Все по-дълбоко и по-хубаво. Без него и Лао Дз Евангелието не е пълно. И той е нищо без Евангелието.

Писмо от Чертков следобед. Той се сърди за разбиране вместо Бог. И с досада си помислих: Ако само знаеше за целия труд и напрежение, и отчаяние, и възторг, от които е излязло това, което е. Ето къде е нужно уважение. Но за да го има, то трябва да се заслужи. Но за да се заслужи, то не трябва да се желае. - Две неща ми станаха ясни вчера: едното не е важно, другото е важно. Неважното: аз се боях да казвам и да мисля, че 99/100 от всички са побъркани. Но не само, че няма от какво да се страхува човек, ами не бива да не се говори и да не се мисли за това. Ако хората действат безумно (живот в града, възпитание, лукс, безделие), навярно и ще говорят безумно. Така и ходиш сред луди, стараяйки се да не ги подразиш и да ги излекуваш, ако е възможно. 2) Важното: ако аз живея (отчасти) просто по волята на Бога, то безумният, болен свят не може да ме одобрява за това. А ако те ме одобряват, то аз бих престанал да живея по волята Божия и бих започнал да живея по волята на света, бих престанал да виждам и да търся волята Божия. Ето таква би било твоето благоволение.

Чертков ме огорчи, но не задълго.

30 март/11 април 1884. Сетих се за „Записки на един нелуг“. Как живо ги преживях – какво ще стане? Колко е удивително, че няма гняв – цял месец почти.

6/18 април 1884. Той [Чертков] е удивително егнoцентричен с мен.

14/26 април 1884. Трябва и в нещастния живот да си щастлив.

16/28 април 1884. Те със Соня ме нарекоха луд и аз насмалко да се разсърдя... Не е нужно да се бориш. Умът трябва да се очисти до святост.

18/30 април 1884. Лвов разказваше за Блаватска, за преселването на душата, за силата на духа, за белия слон, за заклеване в новата вяра. Как да не се побърка човек при такива впечатления? Ших ботуши.

26 април/8 май 1884. Всички ме смятат за измамник.

3 май/15 май 1884. Бедната, как ме ненавижда... Може да се говори за ползите на града като за ползи, но щом се постави въпрос кое е по-нравствено, всичко свършва.

Тежко ми е. Аз съм едно нищожно, жалко, никому ненужно същество и при това занимаващо се със себе си. Само едно нещо е хубаво, че искам да умра. Имах писмо от Юргенс. Искан моите съвети, а какво мога аз?

4 май/16 май 1884. Прокурорството на Давидов е непоносимо – отвратително ми е. Виждам, че в тези компромиси има само зло. Не му казах. Той разказваше невероятни гадости и глупости от тяхната служба и отношенията с губернатора. Върнах се късно. Много ядох и пуших. Вечерта ших.

По-добре да умра, отколкото да живея така.

5 май/17 май 1884. У дома е все същата всеобща смърт. Само малките деца са живи.

6 май/18 май 1884. Той [Сергей] ме ненавижда за моята вяра.

[Май. Повторение] И още съзнанието за това, че трябва да правиш само добро, да радваш хората около себе си – без всякаква цел, ето това е голяма цел.

30 май/11 юни 1884. Косих.

Отчуждението към жена ми все расте. А тя не вижда и не иска да види.

2 юни/14 юни 1884. Втори ден откакто не ям месо.

4 юни/16 юни 1884. Косих дълго. Обядвахме. Веднага отидох да шия и ших до късно вечерта. Не пуших. Около мен върви все същото тунеедство.

18 юни/30 юни 1884. Тръгнах и исках да си отида съвсем, но

бременността ѝ ме накара да се върна на половината път до Тула.

Ако някой управлява делата в нашия живот, то ми се иска да го упрекна.

Това е твърде трудно и безжалостно.

23 юни/5 юли 1884. Работих непрестанно и много се уморих. Не можах да спя – ръцете ме боляха, но е много хубаво и телесно, и душевно.

24 юни/6 юли 1884. Препрочитам си дневниците от онези дни, когато търсех причината за съблазънта. Всичко това са глупости, тя е една – отсъствието на физическа, напрегната работа.

7 юли/19 юли 1884. Сцена. Аз излязох. – Тя започва да ме съблазнява плътски. Бих искал да се удържа, но чувствам, че няма да се удържа при настоящите условия. А съжителството с чужда духом жена, т.е. с нея, е ужасно гадно.

14 юли/26 юли 1884. Напразно не си заминах. Струва ми се, че това е неизбежно. Макар че ужасно ми е жал за децата.

1 август/13 август 1884. Главното е, колко е лъжовно учението за любовта. Не е шега, че ненавиждам любовта като учение. Любовта е самият живот, цел, закон, а те и Павел, и неразбиращите учението на Христа я излагат като правило. Като правило, това е величайша лъжа.

3 август/15 август 1884. Почти целия ден косих.

Том 50

1888 г.

25 ноември 1888. Трябва да спрем да пишем, да четем и да говорим, трябва да се работи.

28 декември 1888. Доиде Поша. Заяви ми, че са се целунали с Мария.

1889 г.

5 януари 1889. Обяснявах се с Поша. Все повече и повече го обичам. Няма за тях бог, няма нравствени принципи – само едно течение. Страшни лицемери, книжовниците са вредни.

8 януари 1889. Поша си замина. Аз му казах в какво го упреквам.

19 януари 1889. Рано. Много мислих още в постелята. А именно: страданието идва от греха. От страданието – разбирането. От разбирането – любовта. Разбирането унищожавя греха; любовта унищожавя страданието.

6 март 1889. Аз казах: Хората живеели и не знаели защо, Христос им обяснил закона на живота: Установяване на Царството Божие на земята и дал смисъл в живота на всеки – участие в това установяване. И всичко това е най-точната, ясна реална философия. А те я наричат мистицизъм. Да, жалки са, ужасно жалки.

27 март 1889. Да вършим Божията воля? Как да я узнаем? Едно е средството – да живеем без да нарушаваме закона (на чистотата, смирените и любовта).

28 март 1889. Да се устройва управление, да се подобрява то. За какво? За това, за да може тази гибел на хората, и гибелта в други видове, да продължава успешно и безпрепятствено. Удивително!

30 март 1889. ...а истината е в християнския живот, а християнският живот е в пълното отричане от собствеността, безопасността, следователно и от всякакво насилие.

19 април 1889. Сякаш съм направен нарочно точно за това с моята репутация – да бъда камбана.

22 април 1889. Мислех си: Отделяне в община, образование в общината, поддържане на нейната чистота – всичко това е грях – грешка. Не бива да се пречистват един или няколко души; като ще се пречиства, то всички заедно...

Цялата работа е в това, да се изпълнява закона на истината...

Нужно е едно: всеки сам да се доближи до идеалите според възможностите си да свети. О, ако само започнем да правим това. Какво ли би станало с цялото зло на света?

23 април 1889. По-важно е унищожението. Премахването на нравствено най-добрите хора. Това се и върши. И все пак светът не загиба.

1 май 1889. Гадно, отвратително. Нищо не можах да правя.

19 май 1889. Обикновено предполагат и Христос даже така (по Лука) е учил за собствеността, че тя трябва да се отдаде. Това не е вярно.

Църква, държава, собственост. Всичко това трябва да унищожих само вътре в себе си; у себе си да унищожих признанието за действителността на тези неща, а нищо не трябва да се разрушава. За човека, унищожил в себе си поне собствеността, не е нужно нищо да отдава, а трябва само да живее като не я признава.

23 май 1889. Той е много, много лекомислен и тщеславен човек... Защо живеят всички тези хора?

30 май 1889. Хора, които не са възкръснали за живот, са заети винаги и само с приготовления за живот, а животът го няма. Заети са с хранене, сън, учение, отпих, продължение на рода, възпитание. Само едно нещо го няма – животът. Израстването на собствения живот - да служиш на Бога.

Закуска на крикета. Все същия този разврат на лукса и безделието сред нищетата и труда: тежко. Пък и ме боли и не съм в настроение. Макар че в дълбината на душата ми е добре и израствам и обичам всички.

6 юни 1889. Нещастен съм, защото не съм чист. Как да постигна чистотата?

13 юни 1889. Страхот разказваше, възкресението на вазнеровата опера. Ужасно е да слушам, до какво пълно безумие са стигнали хората. Трябва да пиша за изкуството.

Но кой е този, който помага за борбата? Не зная. Трябва да е Бог. Този, който е в мен, този, когото съм длъжен да обичам от цялото си сърце, от цялата си душа и с целия си разум. Да, 1) тяло, животнно, 2) разумен човек и 3) Бог. Ето от какво съм съставен.

19 юни 1889. Все същия мъчителен и неправилен живот. Всички са в злото и всички се мъчат.

20 юни 1889. Станях в 6 и отидох да ора. Много приятно.

26 юни 1889. Косих цяла вечер, дойде Файнерман. Спорих с него. Той съжаляваше за мен, че не отдавам имението и не устройвам община.

Той, заедно с Алехин, е твърде едностранчив. И слабо религиозен.

28 юни 1889. Станях в 5. Прекрасно работих цял ден. Изпращах Файнерман. Той е млад и не защото е революционерен, а по-скоро

социалистическият идеал у него заглушава всичко. — Вечерта почувствах тъга под лъжичката и не спях цяла нощ.

1 юли 1889. Едно е лошо: социалистическата марксистка представа, че ако много бързо се прави лошо, то от само себе си ще стане хубаво. Капиталите отиват у малко на брой ръце, а накрая ще дойдат само в едни. Работническите съюзи също ще се слоят в един. И капиталът и работната сила ще бъдат разделени. Тогава властта или революцията ще ги съедини, и всичко ще бъде благополучно. Главното е, нищо в нашата цивилизация да не намалее, да не тръгне назад: ще бъдат същите дворци, гастрономически обеди, лакомства, вина, екипажи, коне — само че ще бъдат достъпни за всички. Ето това е непонятно, как не виждат, че това е невъзможно. Вземете сега разкоша от дома в Ясна поляна и го разделете между селяните. Не бива. Не става. (Трябва да се откажем от разкоша.) Докато има насилие, силата на капитала и изобретенията се насочват не към това, което е нужно...

Трябва да решим на кого да служим: на Бог или на Мамон. На двамата не може. Ако ще служим на Бога, то трябва да се откажем от разкоша и цивилизацията, и да бъдем готови да ги устроим още утре, само че общи и равни.

14 юли 1889. Като се върнах в къщи заварих Соня озлобена срещу Романов, затова че в кухнята се удивлявал, че за 12 господари се грижат 16 слуги и не одобрявал това.

17 юли 1889. Телеграма от Черткови — дъщеря им починала...

25 юли 1889. За какво им е да се женят?

27 юли 1889. Човек, вършещ Божията воля, никога не знае, не може да знае какво ще стане, видимите последствия. Той винаги е със завързани очи. И колкото по-добре изпълнява Божията воля, толкова е по-спя...

...Само че тази вяра за мен не е онази вяра, за която говорят православните, вяра, ръководеща живота; тази вяра е следствие от мирозгледа. И от това е ясна разликата между вяра и мирозглед.

Мирозгледът е това, в името на което живееш, постъпваш така, а не иначе, защото то определя доброто и лошото, прокарва черта между тях...

Трябва хората да разберат, че не бива да се купуват и продават хора. А за това е нужно – свобода от вмешателството на управниците и преди всичко, свободата, давана от въздържанието. За нея никои не говори.

1 септември 1889. Най-изгодното за всички устройство се получава не тогава, когато целта на всеки ще бъде изгодата, земното благо, то ще се получи само тогава, когато целта на всеки ще бъде благо, независимо от земното, когато всеки си каже от сърце: блажени нищите, плачещите, гонените. Само тогава, когато всеки ще търси не земното благо, а когато ще търси духовното.

13 септември 1889. Повече от всичко ме успокоява съзнаването на това, че съм дължен да постъпвам по Божему така, както постъпва Бог. Той не се сърди, не се огорчава и не отслабва, а е все така добър, радостен и всемогъщ. Такъв трябва да бъда и аз.

14 септември 1889. Признаци за това, че живеем по Божията воля: Най-първият, главен и несъмнен признак, който сме така склонни да пренебрегваме, е отсъствието на усещане за духовно страдание. Ако изпитваш пълна свобода, ненарушавана от нищо, то живееш по Божията воля. Другият признак, проверяващ първия, е ненарушаването на любовта към хората. Ако не чувстваш враждебност към никого и знаеш, че и към теб не изпитват нищо лошо, значи живееш по Божията воля. Третият признак, отново проверяващ първия и проверяван от него, е духовното израстване. Ако чувстваш, че ставаш по-духовен, че побеждаваш животинското, значи живееш по Божията воля.

15 септември 1889. Четох за калмиците, за това че им е нужно малко, и не се мъчат с работа, като европейците, които се приучават към хиляди капризи и после отдават целия си живот за тяхното удовлетворяване. Мислех си: Радвай се! Радвай се! Делото на живота, неговото предназначение е радостта. Радвай се на небето, на слънцето, на звездите, на тревата, на дърветата, на животните, на хората. Избягвай труда за себе си, мъчителния, тежък труд. Деятелността за друго не е труд. Бъдете като деца, винаги се радвайте. Какво

страшно заблуждение в нашия свят, според който работата, трудът е добродетел. Нищо такова, а по-скоро е порок. Христос не се е трудил. 24 октомври 1889. До истинското и непоколебимо религиозно съзнание ме доведе признанието за безсмислеността и нещастieto на живота, и то не разсъдъчно признание, а чувство на цялото същество.

28 октомври 1889. Мислех си: 1) За роман или драма: „Духовно раждане“. Пред него се открива лъжовността на неговия живот и истинската истина и той избира първия попаднал му път: да оказва помощ на бедните, да се грижи за болните, да учреди община, да проповядва... и зреша. И ето че всички във възторг започват да нападат него и истината.

30 октомври 1889. ...седях с Алехин. Той не е християнин. Той е самоуверен, самодоволен, и затова – жесток. Тежко е с него.

31 октомври 1889. ...дълго писмо от Чертков. Той критикува „Кройцеровата соната“ много правилно, щеше ми се да последвам съвета му, но нямам желание. Апатия, тъга, униние.

В мен, чувствам, израства нова основа на живота – не израства, а се отделя, освобождава се от своите покрови, нова основа, която заменя, включвайки в себе си стремлението към благото на хората. Тази основа е служенето на Бога, изпълнение на неговата воля по отношение на тази негова същност, която ми е поверена.

11 ноември 1889. Моето недоволство от живота е заради това, защото забравям, че не съм господар, а работник. Инструкциите от господаря са ясни – истина и любов.

13 ноември 1889. Нашето съзнание за истинския живот е изгубено и е подменено с лъжливо съзнание за плътски живот.

Том 51

1890 г.

3 февруари 1890. Ходих в Царево. Пиянството се увеличава, пияни жени ми се смееха и ме удариха с камшик.

17 февруари 1890. Едно е усилието, главното, което е присъщо на човек да прави и което никога не трябва да прекратява – това е усилието да се просвети – не знанието на запетайките и левкоцитите, а истинската мъдрост на хората. Когато човек е просветен, той без усилие ще върши това, към което го влече неговата природа.

19 февруари 1890. И е несправедливо да се разпределят задълженията: семейни, обществени, лични. Задълженията са само едни – пред своята съвест. Какво ще бъде – не зная и не мога да зная, а какво трябва – зная.

9 март 1890. Църквите направиха от Христа Бог спасител, в когото трябва да вярваш и да му се молиш. Очевидно, че неговият пример вече е станал ненужен. Работата на истинските християни е в това да разширят тази божественост (картината на Ге). Ако той е човек, най-важен е примерът му, и ще ме спаси, както е спасил и себе си, т.е. ако правя това, което е правил той.

15 март 1890. Хубаво е с Файнерман, и това, което говори за общинниците, е хубаво, но за общините е лошо. Започват да чувстват неправдата.

13 март 1890. Не да се стараем да правим добро е нужно, а да се стараем да бъдем добри; не да се стараем да светим е нужно, а да се стараем да бъдем чисти. Човек носи в себе си диамант, чиято призма може да очисти и да не очисти. Затова делото на човек не е да прави добро, не да свети на хората, а да изчисти себе си. И светлината и доброто за хората са неизбежни последствия от очишчението.

18 март 1890. Соня дойде и започна да говори за продажбата на новите съчинения, и ми стана досадно. Срам ме е.

28 март 1890. Любовта към самката, към самец, към децата, е нужна на животинския род. Но любовта към всички, към животните, към враговете, тя за какво е? И как е могла да възникне от животинските сили? Любовта е това, което се е вселило в животното, и не може да умре с него.

10 април 1890. Сега само малка част от хората, тези, които имат власт, се ползват от богатата на цивилизацията, а по-голямата част от хората е лишена от тези блага... Никакво увеличение на производителността и богатството ни най-малко няма да увеличи богатата на низшите класи дотогава, докато висшите имат и властта и желанието да потребяват излишъка от богатство... Досега са измислени три средства против това, и е трудно да се реши, кое от тях е най-злунаво; защото и трите са злунави. Едното, първото е средството на революционерите, което се състои в това, да се унищожи висшето съсловие, при което отиват всички богатства. Но всички богатства пак ще отиват у тези хора, които ще имат власт, дотогава, докато съществува властта. Другото средство е да не се променя съществуващия ред, от висшите съсловия, имащи богатство и власт, да се подбира малка част от тези богатства и да се хвърля в бездънната пропаст на нищетата. И накрая третото средство, което особено силно се проповядва сега в Америка. Средството се състои в това, да се замени съревнователното, индивидуалистичното начало в икономическия живот с общинско, артелно, кооперативно начало. А средството е едно – да се показва на хората истинското им благо и това, че богатството не само не е благо, но ги отвлича и скрива от тях истинското.

Едно е средството: Да се откажем от светските желания. Само така ще има достатъчно за всички.

20 април 1890. Орах и писах.

26 април 1890. Орах и много се изморих. Ужасна горещина.

18 май 1890. Анархистите са прави за всичко. Грешат само за това, че анархията може да се установи с революция – да се учреди анархия!

25 май 1890. Най-голямото сближение с Бога е най-голямото съсредоточаване в настоящето. И обратното.

17 юни 1890. ...иска ми се да разпространявам Неговата истина не със слово, а с дело, с жертва, с примера за моята жертва да служи на Бога. Той не запоядва. Вместо това живея пришит към полата на жена си, подчинявам ѝ се, и самият аз, заедно с всичките си деца, водя нечист, подъл живот, който лъжливо оправдавам с това, че не мога да наруша любовта. Но Ти знаеш, какво има в сърцето ми и какво искам...
Господи, Боже. Обичам те, вземи ме. И ти благодаря за това, че ми се откри. Не се скривай от мен.

Помня как предполагах, че всичко добро ще се осъществи в селския живот; виждам хора, вярващи в осъществяването на идеала в европеизма, в монашеството, у тодите в индийските планини. Те не знаят и не искат да повярват, че то не трябва да се търси там и тук, в пространството и времето, а че идеалът им е даден затова, за да го осъществят сега, тук. Царството Божие е вътре в нас и се достига с усилие.

26 юни 1890. Мислех си, като лежах в гората и гледах далечната гора и небето: не ми е нужна, безполезна ми е красотата на природата, както и красотата на изкуството е много по-нисша. Друго ми е нужно и ме радва. А това само ме развлича и отвлича. Но за какво е то?
Косих и работих много. Зави ми се свят и се уплаших. И започнах да мисля за смъртта. И видях колко съм се покварил, отишъл съм далеч назад към плътската мерзост.

28 юни 1890. Писмото от Аненков също е осъдително.

29 юни 1890. Общината на Алехин е прекрасно дело, за тези, които могат да го вършат. (Мисля, че на стари години бих могъл да го правя.) Но ни най-малко не е загължително дело за всички. Но и да се мисли, че светият божествен живот е осъществим на земята, и да се устройва живот, който изглежда такъв на другите, а и на мен самия – също е неправилно и вредно.

3 юли 1890. Ако мъжете не бяха свързани с жените чрез половото чувство и произхождащата от това низходителност, те биха видели

ясно, че жените (в по-голямата си част) не ги разбират, и не биха говорили с тях. С изключение на девствениците.

6 юли 1890. Събирах сено. После дойдоха Зиновиеви. Много ми е трудно с мъртви хора. А те са такива съзнателно, нарочно мъртви.

31 юли 1890. За какво е физическата сила на тялото. Само затова, като я изгаряш, да осветява духовното.

3 август 1890. Православието и християнството имат нещо общо само в името. Ако църковниците са християни, то аз не съм християнин, и обратното.

6 август. Колкото по-безнравствени са хората, толкова по-големи са предявяваните от тях искания.

19 август 1890. Пирогово. Страхов и Темирязев са добри, порядъчни хора, а ето че се ругаят. Защо? От науката е това, както селяците – от виното; значи тяхната наука е скверна.

Църквата е учреждение за скриване на Христовото учение.

23 август 1890. Делото на живота, работата на живота, целият живот е установяване на царството Божие, на царството на любовта. Това е и самият живот.

26 август 1890. Всичките ми болести, моята женитба, характерът на жена ми – всичко, което понякога ми се е струвало зло, е било и е – благо. Всичко е благо, зло няма.

27 август 1890. Това са шайка разбойници – съдии, министри, царе, за да получават пари, погубват хората. И без съвест.

11 септември 1890. Представяме си, че висшата степен на добродетелност и радост е висшата степен на напрезнатост и възторг. Напротив: висшата степен на добродетелност е тогава, когато изпитваш във висша степен лекота, а висшата степен на радост е, когато изпитваш във висша степен не възторг, а спокойствие.

19 септември 1890. Колко недостъпни за учението са истинските селяни. Те са тъй изпълнени със своите интереси и привычки. А кой е достъпен? Този, който ще привлече Отца – тайна.

22 септември 1890. А за това, че църковниците не са християни, ще пиша отделно.

Христосовци, може би и по-добри от този, когото познаваме, е имало много. Хубава би била историята на неизвестния Христос.

6 октомври 1890. Цялата вяра Христова е за вършенето на дела, а не в изповядването на извършените дела.

Вредата от безумното църковно учение е в това, че то подрива вярата в разума. Щом е възможна Троицата, то тогава всичко е възможно.

16 декември 1890. Вчера легнах и не можах да спя. Сърцето ми се свиваше, и, главното, отворително съжаление към самия мен и злоба към нея. Удивително състояние! При това нервен подем, яснота на мисълта. Бих могъл да напиша с тези усилия прекрасно нещо.

Бележници 5-6 август 1890 г.

5 август 1890. Ще ни бъде простено само, когато ние простим, т.е. няма да има последствия. Когато обичаме.

Как да се узнае Божията воля? Всичко, което е духовно болно, тежко, не е Божията воля.

6 август 1890. Колкото по-безнравствено, толкова по-високо се предявяват искания. – Юродство, не се безпокой за мнението. Трябва да се безпокоиш за лошото мнение.

Том 52

(1891 – 1894)

1891 г.

26 януари 1891. Колко бих бил щастлив, ако утре запишех, че съм започнал голяма художествена работа. – Да, да започна сега и да напиша роман, би имало такъв смисъл. Първите, предишните ми романи са били безсъзнателно творчество. С Ана Каренина, струва ми се, че повече от 10 години разчленявах, разделях, анализирах; сега зная кое какво е, и мога всичко да смеся отново и да работя в това смесение. Помогни ми, Боже.

16 февруари 1891. Все същата умора и равнодушие. - Започнах да шия ботуши. Разговорът с Павел ми напомни за истинския живот: неговото момче с майстора, изработващи по 6 чифта ботуши на седмица, за което работят 6 дни по 18 часа от 6 до 12. И това е истина. А ние носим тези ботуши.

Днес, наминах при Василий с разбитите зъби, нечистотата и на ризите и на въздуха и студът – най-вече, вонята – ме поразиха, макар да познавам това отдавна. Да, на гумите на либерала, който ще каже, че науката, свободата, културата ще поправят всичко, може да се отвърне само с едно: „уреждайте, а докато не е уредено, на мен ми е по-тежко да живея с тези, които живеят в изобилие, отколкото с тези, които живеят в лишения. Уреждайте, но по-бързо, аз ще очаквам това долу“. – Ох, ох! Лъжа е това, всичко е разядено от лъжа. Но какво е нужно, за да се устрои това? Те мислят, че всичко би трябвало да е много, и хляб, и тютюн, и училища. Но това е малко. Серьога, грамотният, откраднал пари, за да отиде в Москва. Той б....., бащата бие. Константин го мързи. За да се устрои, не е достатъчно да се промени всичко материално, да се увеличи, трябва да се преправи душата на хората, да се направят те добри, нравствени. А това няма

да уредите скоро, увеличавайки материалните блага. — Начинът е един — да се направят всички добри. Но ако и да не направиш това, а дори само, за да съдействаш за него, едва ли не най-доброто средство е да се махнеш от празнуващите и живеещите от потта и кръвта братя, и да отидеш при измъчените братя? Не едва ли, а навярно.

25 февруари 1891. Всички учения до Христа, ако са имали за цел общ живот, като Мойсей, Солон, Ликург, Конфуций, то те са изисквали изменения формите на живот, изисквали са насилие, стремили са се към това, животът да може да върви тъй, като че ли няма зло, за да може злите, престъпниците да бъдат прогонени, унищожени, или, ако са имали за цел единствено вътрешния живот, като учението на брамините, будистите и всички аскетически учения, те са отричали външния общ живот, не искали да знаят за него. Християнското църковно учение във връзка с държавата е учение от първия тип: животът се устройва така, като че ли няма зло, или в крайна сметка така, че не се вижда съществуването на злото: злодеите в изгнание и в затворите или се боят да се отгадат явно на своето зло и действат с хитрост. Християнското аскетическо учение е от втория тип. Хората, следващи това учение, са загрижени само за своята душа и изоставят развратения свят и се оттеглят от него. Истинското учение на Христа съединява двете, то дава средство за осъществяване на най-висшата външна справедливост, и то не привидно, а истинско средство, състоящо се в усъвършенстване личността на всеки в обществото и за обществото, само за обществото.

26 февруари 1891. Нощес мислих и сега разговарях с Горбунов за науката и изкуството. А ходът на мислите е такъв: Науката, това, което наричат днес наука, е празна работа, защото все изхожда от лъжливо начало. Тя признава реалността само за материалния свят. Писах на Страхов, с което той е съгласен, противно на твърденията на Бекетов, че нравствеността може само да е вредна за индивида, а даже и за рода да е вредна, тъй както огънят е вреден за лойта на свещта. Ако

на мравката е изгодно да живее в мравешка държава, да се подчинява и смирява – да бъде нравствена, то по отношение на друга мравешка държава това ще е неизгодно, и тя трябва да бъде безнравствена. Но дори ако всички мравки се съберат в един мравуняк, то заради собствената си изгода те би трябвало да бъдат безнравствени по отношение на другите животни. Но и не само това: дори да не се счита за безнравствена борбата с другите същества, никога не може да се каже, къде свършват мравките и къде започват другите същества. Същото е и с човека: къде свършва човекът и къде започва животното.

И ето че науката на нашето време, признавайки реалността само там, където я няма, твърдейки за себе си, че е единствената истина, изучава сенките, гони призраци, тъпче на едно място, като сама чувства, че има нещо нередно, и че трябва някак да се обоснове човешкият живот, който, при строга последователност на мисълта, се унищожава изцяло, старейки се чрез най-нелогични разсъждения да направи невъзможното – с материални закони да обясни духовния живот.

26 март 1891. Заспах късно, станах рано и нямах желание за писане; само написах още три писма... Но затова пък се изясни заключението на статията за това, че да отричат войната, т.е. да признават закона за неубийството, могат само признаващите закона за половата чистота.

22 май 1891. 1) Послеслов към послеслова: Тъй ли е, не е ли тъй, аз обясних, защо е нужно най-голямо полово въздържание – не зная. Но без съмнение зная, че съвкуплението е мръсно нещо, на което може да се гледа, за което може да се мисли без отвращение само под влияние на сладострастието. Даже, за да имаш деца, не бива да причиняваш това на жената, която обичаш. Пиша това във време, в което самият аз съм обзет от сладострастие, с което не мога да се боря.

2) Говориш: искам да се откажа от себе си, да взема своя кръст и да вървя след Христос, а си мислиш: дано по-скоро да свърши молитвата, за да започна да правя по своя воля това, което ми е приятно.

5) Ако авторитетите на църквата и науката не затуляваха от хората истинския смисъл на Христовото учение, то хората не биха могли да бъдат толкова глупави, че да не го разбират, щом се нуждаят от него и го имат пред себе си.

9) Към художественото: Не само ям и пия, ами се занимавам с изкуство, свиря на пиано, рисувам, пиша, чета, уча се, а тук идват бедни, дрипави, пострадали от пожар, вдовици, сирачета, и не бива да продължавам в тяхно присъствие – съвестно ми е. Защо ги доведе дяволът, да си бяха стояли там, където им е мястото - да не пречат. Това явление сред едящи и занимаващи се с изкуство и наука е доказателство повече от всякакви расъждения.

27 май 1891. Поша пише превъзходно, че във всичко е нужна мярка – и във физическата работа; иначе физическата работа озверява. Но знаейки, че тя озверява, той пише, че затова още повече не бива да я стоварваме върху другите. Колко кратко и силно.

11 юни 1891. Умствената мода - да се възхваляват жените, да се твърди, че те не само са равни по духовни способности, но и са по-висши от мъжете, е много лоша и вредна мода.

Това, че жените не бива да бъдат ограничавани в никакви права, това, че към жената трябва да се отнасят по същия начин, със същото уважение и любов, както и към мъжа, че тя има равни права с мъжа, в това не може да има никакво съмнение; но да се твърди, че жената средно е надарена със същата духовна сила, както и мъжът, да очакваш да срещнеш във всяка жена това, което очакваш да срещнеш във всеки мъж, значи умишлено да заблуждаваш себе си, и да се заблуждаваш във вреда на жената. Ако ще очакваме от жената това, което очакваме от мъжа, то и ще го изискваме, а като не срещнем изискуемото, ще се дразним, ще приписваме на злата воля това, което произлиза от невъзможността.

Тъй че, признаването на жените такива, каквито са, по-слаби духовно същества, не е жестокост към жената; признаването им за равни е

жестокост. – Слабостта или по-малката духовна сила, аз наричам по-малка покорност на плътта към духа, по-специално – главната женска черта – е по-малката вяра в заповедите на разума.

1892 г.

3 февруари 1892. Отношенията към народа са много лоши. Сега разбрах, че това именно е досадно просителство, завист, измама, недоволство и стоящата зад всичко това нужда, и има показател за особеността на положението и за това, че стоим в средата му.

1) Когато видиш много нови хора, такива, каквито никога не си виждал, било то някъде в Африка, Япония: един човек, друг, трети, и още, и още, и няма край, все нови и нови, такива, каквито можеше никога да не видя, никога няма да видя, а те живеят същия егоистичен, свой отделен живот, също като мен, изпаднах в ужас, недоумение, какво значи това, защо толкова? Какво е отношението ми към тях? Нима не съм ги виждал, и са ми чужди? Не може да бъде. И един отговор – те и аз сме едно. Едно са и тези, които живеят, и са живели, и ще живеят, едно са с мен, и аз живея чрез тях, и те живеят чрез мен.

29 февруари 1892. Селякът продължава да говори, описвайки своето положение. Нито отопление, нито хляб. Обикаляли да молят за подаяния, не им дават. На двора виелица, студ. Оглеждам момчето. Прекрасни очи, пълни със сълзи, и от едното вече се стичат светли, големи сълзи. И отивам да изнеса петак и да се отърва.

Да, зарубяваш от това проклето началство и пари.

3 април 1892. 5) Във всички духовни дела – в религиозните, за да бъде точен, трябва да се прилага гумата quasi - като че ли, както я е използвал Нютон за определението на своя закон за притеглянето – телата: quasi atrahuntor, т.е. отнасят се едно към друго така, като че ли се привличат. Същото е и с Бога, и с бъдещия живот, и със стремежа към доброто. Живей така, като че ли има Бог, в чиято власт

се намираш, и който обича доброто и ненавижда злото. Живей така, като че ли ще се събудиш за друг живот, който ще бъде продължение на този. Живей така, като че ли целият ти живот е увеличение на любовта в теб и у другите.

5 юли 1892. 2) Когато поживееш дълго – както аз – 45 години съзнателен живот, то разбираш колко лъжовни, невъзможни са опитите да се приспособиш към живота. Няма нищо stable/устойчиво в живота. Все едно да се приспособяваш към течещата вода. Всичко – личности, семейства, общества – всичко се изменя, изчезва и променя формата си, като облаците. Още неуспял да привикнеш към едно състояние на обществото, и него вече го няма, преминало е в друго. Тъжно, тъжно. Тежко, тежко. Боже, помогни ми. Съжали ме. Не зная какво и как трябва да правя. Помогни ми. Научи ме да обичам.

15 септември 1892. 1) Говорих за музиката. Това е чувство на наслада, като чувствата, като (sens)/сетивата вкус, зрение, слух. Съгласен съм, че то е нещо по-висше, т.е. по-малко похотливо от вкуса, от яденето, но смятам, че в него няма нищо нравствено, както се стараят да ни уверят.

2) Съблазните не са случайни явления, приключения, все едно - живееш, живееш спокойно, и изведнъж – съблазън, а постоянно съпътстващо нравствения живот условие. В живота винаги се налага да вървиш сред съблазни, по съблазни, като из бласто, затъвайки в тях и постоянно изтъквайки се от тях.

1 октомври 1892. Все същото: същия упорит труд, същото бавно движение и същото недоволство от себе си. Впрочем, малко по-добре. Днес ходих до Козловка, мислих за първи път: Колкото и да е страшно да си мислиш и кажеш: целта на живота е също толкова малко във възпроизвеждане на себеподобни, продължение на рода, както и служене на хората, също толкова малко и в служене на Бога. Да възпроизвеждаме себеподобни. Защо? Да служим на хората. А тези, на които ще служим,

те какво ще правят? Да служим на Бога? Нима Той не може и без нас да направи това, което му е нужно. Не може да бъде нищо да не му е нужно. Щом Той ни повелява да служим на самите себе си, то това е само за нашето благо. Животът не може да има друга цел, освен благо, освен радостта. Само тази цел – радостта – е напълно достойна за живота. Отричането, кръста, отдаването на живота, всичко това е за радостта. – И радостта е и може да бъде ненарушима от нищо и постоянна. И смъртта преминава в нова, непозната, съвсем нова, друга, по-голяма радост. И има извори на радост, които никога не пресъхват: красотата на природата, на животните, на хората, никога не отсъства. И главният източник: любовта – моята към хората и на хората към мен. Колко хубаво би било, ако това е истина. Нима ми се открива нещо ново. Красотата, радостта, само като радост, независимо от доброто, е нещо отвратително. Аз узнах това и го захвърлих. Добро без красота е мъчително. Само съединяването на двете, и не съединението, а красотата като венец на доброто. Струва ми се, че това е истина.

1893 г.

23 май 1893. Не се преструвайте, че ме съдите, че ми прощавате, че ме омаловажавате, че ме заплашвате. Вие сте разбойници. Аз съм във вашата власт, тъй както Луи XVI е бил във властта на обушарите. Но с тази разлика, че всичко, с което ме заплашвате, е точно това, което желая. Аз живея само за изпълнение на Божията воля, за установяване на Неговото царство; за установяване на Неговото царство е нужно гонение на невинни. Колкото повече гонения, толкова по-очевидна е неговата истина. И затова, всичко лошо, което ще ми сторите - до изтезания и екзекуция, е полезно за Божието дело и радостно за мен.

25 юни 1893. Не бива да се спира, и къде да се спре? Само тези, които не познават съвсем това чувство за съзнание на братството между хората, вследствие на което тези хора са дошли на село, или които

така са привикнали да лъжат, че даже не забелязват разликата между лъжа и истина, ще кажат, че има предел, на който може и трябва да се спрат. Точно в това е работата, че такъв предел няма, че това чувство, в чието име се върши това дело, е такова, че за него няма предел, че ако то има предел, то значи само, че това чувство съвсем не е съществувало, а е било само лицемерие.

Колкото и страшно и трудно да е положението на човека, живеещ християнски живот сред живот, изпълнен с насилие, за него няма друг изход, освен борба и жертва – жертва до край. Трябва да се види тази бездна, която разделя въшлясалите и изнурени милиони хора от изпонахранените, в дантели, други хора, и за да се запълни тя, са нужни жертви, а не това лицемерие, с което сега се стараем да скрием от самите себе си дълбочината на тази пропаст.

19 юли 1893. 10) Жените, както и евреите, плащат за робството, в което са ги стържали, с покоряване на мъжете. И заслужено. Но не трябва да се поддаваме и трябва да унищожаваме в себе си тази слабост, с която те ни улавят. Така че това е полезно.

16 август 1893. 3) Една от главните пречки пред движението на човечеството напред към установяване на Царството Божие, това са децата, юношите, жените, хора, лишени от религиозно чувство. Но същата тази сила, която у тези същества задържа движението напред, укрепва това движение, когато то вече е започнало, и го разпространява.

4) Не само че всяка лудост е достигнал до последния предел егоизъм, самодоволство, самовъзвеличаване (мания за величие), но и всяко отслабване на духовната сила се изразява в увеличаващ се егоизъм, самодоволство и самовъзвеличаване, изключителна грижа за самия себе си.

5) Разговор със социалдемократи (юноши и девойки). Те говорят: „Капиталистическото устройство ще премине в ръцете на работниците, и тогава няма да има повече потисничество наг

работниците и неправилно разпределение на печалбата“. „А кой ще урежда работите, кой ще ги управлява?“ питам аз. „Те ще вървят от само себе си. Самите работници ще се разпореждат“. - Но нали капиталистическото устройство се е установило само затова, защото за всяко практическо дело са нужни организатори с власт. Има ли работа, ще има и ръководство, ще има организатори с власт. А има ли власт, ще има злоупотреба с нея, същото, с което сега се борите.

8) Август 11, утро. Синя мъгла, росата е като пришита на тревата, на храстите и гърветата на сажан височина. Ябълковите гървета са увиснали от тежестта. От колибата – ароматно пушече на прясно изпечени питки. А там, в яркожълтото поле, вече изсъхва росата по ниското овесено стърнище и работа – връзват, возят, косят, а на кремавото поле орат. Навсякъде по пътищата и по клоните на гърветата са се закачили измъкнати, сборени житни класове. В росния цветарник пъстри девойки, тихо тананикайки, поливат, лакеи търчат по работа в престилки. Домашно куче се грее на слънце. Господарите още не са станали от сън.

5 октомври 1893. 1) Науката е затвороучение /учение за затворите.

2) Има два вида умове: единият ум е логичен, егоистичен, ограничен, дълъг, а другият – деликатен, съчувстващ, широк, къс.

3) Има два метода за опознаване на външния свят: единият е най-грубият и неизбежен способ на познание посредством петте чувства. От този метод на познание у нас не би могъл да се формира този свят, който знаем, а би бил хаос, даващ ни различни усещания. Другият метод се състои в това, като познаеш любовта към самия себе си, после да познаеш любовта към другите същества; да се пренесеш чрез мисълта в друг човек, животно, растение, даже камък. Чрез този метод познаваш отвътре и образуваш целия свят, какъвто го знаем. Този метод е това, което наричат поетически дар, точно това е любовта. Това е възстановяване на като че ли нарушеното единство между съществата. Излизаш от себе си и влизаш в друг. И можеш да влезеш във всичко. Всичко – да се слееш с Бога, с всичко.

12) Главната беда на много културните хора, като Амиел, е техният баласт от разностранно и, особено, от естетическо образование. Това им пречи повече от всичко да знаят това, което знаят, както е казал Лао Дз (това е болест). На тях им е жал да изхвърлят този баласт, а с този баласт не могат да се поместят в лодката на християнското съзнание. И не им се вярва, че за такова просто дело, като християнското спасение, може да пожертват нещо толкова сложно и изтънчено. Това е Амиел; името им е легион.

...и още това, че вече три седмици съвсем захвърлих чая, кафето, захарта, и, главно, млякото, и се чувствам толкова по-богър.

1894 г.

24 януари 1894. 5) Пристигнахме при Илюша. Още от сутринта виждам, ходят из виелицата, селяните в цървули яздят, возят с конете на Илюша зоб за кравите, гърва за дома. В къщата – старец готвач, дете – момиче работят за него и за неговото семейство. И толкова ясно и ужасно ми стана това всеобщо обръщане в робство на този нещастен народ. И тук, и у Илюша – неотдавна бивше дете, момче – и у него също такива хора, превърнати в роби, работят за него. Как да се строшат тези окови. Господи! помогни ми, щом ми откри това така ясно и тъй ме заставяш.

9 февруари 1894. Мислех:

1) Това, че смисълът на живота за мен стана изключително в това, да служа на Бога, да спасявам хората от греха и страданията. Страшното е само това, че като поискаш да отгатнеш този път, който иска да направи Бог, и ще сбъркаш, ще избързаш, и вместо да съдействаш, ще попречиш, ще забавиш. Едното средство да не сбъркаш – да не предприемаш нищо, а да чакаш призива на Бога, такова положение, в което не трябва да постъпиш така или иначе: за Бога, а не против него; и в такива случаи всички сили на душата се напрягат, за да

вършат първото. Как трябваше да постъпя със собствеността, как трябва да постъпя сега с N^o (N^o така е в ръкописа)

2) Това вече съм го писал, струва ми се. Но съвсем ясно мислех: човек стои на пътя на истинския живот само тогава, когато това, което върши, го води до съвършенство и съдействия за установяване Царството Божие на земята. И само тогава чувстваш пълно удовлетворение, когато осъзнаваш, че вървиш напред, и когато виждаш, че си послужил на хората, на света, когато им служиш. Това не е разсъждение, а утвърждаване на несъмнен факт. Само тези две чувства дават удовлетворение.

23 март 1894. 1) Изкуството е истинско само тогава, когато вътрешното стремление съвпада със съзнанието за изпълнение на делото Божие: може да се стремиш да изразиш това, което те занимава, но не е нужно Богу, и може да се стремиш да съдействаш за делото Божие чрез произведението на изкуството, но да нямаш към него вътрешно стремление, и ще бъде неизкуство.

7) Често в последно време, ходейки из града и понякога слушайки ужасните, жестоки и нелепи разговори, изпадах в недоумение, не разбираш какво искат те, какво правят, и се питах: Къде съм? Очевидно, моят дом не е тук.

21 април 1894. 1) Тежестта от загубата на любими хора: дете, мъж, жена, баща, майка се заключава главно в това, че лишавайки се от тях, човек се лишава от това, което го е изкарвало извън него, от неговия егоизъм, и без тях той остава в най-ужасното за човека положение, ако не е християнин, пак е сам със самия себе си.

4) Молих се днес, разхождайки се, Бог да затвърди в мен вярата, че зная делото Божие и че го творя. И си мислех, че цялото дело е в тази вяра. Ако вярвам, че творя делото Божие в себе си, то значи вече го творя. Увеличавайки вярата в себе си, аз я увеличавам и у другите по вътрешен и външен път, по вътрешен – с това, че тази част от моето „аз“, в която увеличавам вярата, е тази единна същност, която е

във всички хора, и, увеличавайки я в себе си, аз я увеличавам у всички, като че ли увеличавам тази течност, която е разлята във всички (пиша лошо); по външен път я увеличавам в другите чрез това, че моята вяра неизбежно поражда вяра във всички окръжаващи така, както капка в морето, имаща възможност да развие топлина в себе си, неизбежно би преграла тази топлина на всички обкръжаващи я капки.

22 април 1894. Вчера четох поразителна с наивността си статия от професора от Казанския университет Капустин за вкусовите вещества. Той иска да покаже, че всичко, което хората употребяват: захар, вино, тютюн, опиум даже – е необходимо във физиологическо отношение. Тази глупава, наивна статия ми беше полезна във висша степен; тя ясно ми показа, в какво според лицемерите на науката се състои делото на науката. Не в това, в което трябва да бъде: определение за това, което трябва да бъде, а в описанието на това, което е. Съвършеното извращение на науката е станало именно по времето на експерименталната опитна наука, т.е. наука, която описва това, което е, и затова не е наука, защото това, което е, всички ние така или иначе знаем, и това описание не е нужно никому. Хората пият вино, пушат тютюн, и науката си поставя задачата физиологически да оправдае употребата на вино и тютюн. Хората се убиват един друг, науката си поставя задачата да оправдае това исторически. Хората се мамят един друг, отнемат срещу нищожна плата земята или оръдията на труда от всички, и науката икономически оправдава това. Хората вярват в безсмислици, и теологическата наука оправдава това.

Задачата на науката трябва да бъде познанието за това, какво трябва да бъде, а не за това, какво е. А сегашната наука, напротив, си поставя за главна задача да отвлече вниманието на хората от това, което трябва да бъде, и да ги привлече към това, което е, а то не е нужно никому.

2 юни 1894. Сега получих телеграма за смъртта на Ге. Не ми се пишат тези думи: смъртта на Ге. Колко сме слепи, все пак виждаме само това,

което ни се струва. Така ни се струва, че той беше нужен със своите проекти и планове. Но не. Аз много го – не искам да кажа: обичах, много го обичах, но все пак ми се струваше, че той, макар далеч да не беше приключил в художествен смисъл, далеч не беше приключил и в смисъл на християнското развитие на движението. Страшно ми е да пиша това. Но така ми се струваше. Ужасно ми е жал за него. Той беше прелестно, гениално старо дете.

13 юни 1894. 2) Разхождайки се в гората, мислех: всичко, което виждам: цветя, дървета, небе и земя, всичко това са мои усещания. А същността на моите усещания не е нищо друго, освен съзнанието за пределите на моето „аз“. „Аз“ се стреми да се разширява и в този стремеж се сблъсква със своите предели в пространството, и осъзнаването на тези предели му дава усещания; а то обективизира усещанията в цветя, дървета, земя, небе. После си помислих: а какво е любовта? За какво е любовта, щом животът се състои от тези стълкновения с твоите предели. Стълкновението с тези предели е необходимо, и в тези стълкновения е играта на живота. Какво общо има това с любовта? Не помня как, но тази представа за живота премахваше любовта, правеше я ненужна. И ме нападна съмнение и униние. Дали не е измислица всичко това, което мисля и говоря за любовта. Вярно е, че не само аз говоря за нея, не съм я измислил аз. А си е открай време. Но макар това да дава някаква вероятност, че тук има нещо, дали това все пак не е самоизмама? Отидох по-далеч и си помислих; а отде знам аз, че аз съм - аз, ами ако всичко, което виждам, е само моя предел? Освен съзнанието за пределите, има и съзнание за самия себе си, за този, който осъзнава пределите. А какво е това съзнание? Ако то чувства пределите, то значи по самата си същност е безпределно и се стреми да излезе от тези граници. С какво мога да изляза от тези граници? С какво мога да проникна извън тях? Само като обичам това, което е отвъд пределите. Така че любовта унищожава границите, съединявайки този, който обича, с това, което е отвъд пределите, с Бог, с любовта (неясно).

Посредством любовта човек разрушава ограничаващите го предели, може да стане безпределен – Бог. Отначало човек унищожава тези граници между най-близките му, най-понятните му същества, после между по-отдалечените, по-трудно разбираемите.

... в този свят е немислимо осъществяването на пълна любов, т.е. унищожаване на пределите между себе си и света. Не е възможно пълно осъществяване, но е възможно безкрайно приближаване. Но този свят не е единствен, има и други светове, в които това осъществяване навярно е възможно. Човек, от една страна, приближава в този свят осъществяването на Царството Божие, т.е. любовта, от друга страна - сам се готви за този живот, в който това ще е възможно.

14 юни 1894. 2) Наближавайки Овсянниково гледах прелестния залез на слънцето. Просвет в струпаните облаци, и там, като червено ъгълче с неправилна форма, слънцето. Всичко това над гората, над ръжта. Радостно. И си помислих: Не, този свят не е шега, не е само земен път на изпитания и преход към един по-добър, вечен свят, а е един от вечните светове, който е прекрасен, радостен и който не само че можем, но и трябва да направим по-прекрасен и по-радостен за живеещите с нас и за тези, които ще живеят с него след нас.

25 юни 1894. 1) Целта на живота е в това, да призовеш в себе си Бог, който желае благо на всички.

26 юни 1894. Писах предния ден. Все съм слаб физически и умствено. А напротив, духовно твърд, и затова е радостно. Постоянно си спомням, че съм посланик и трябва да върша делото Божие: да раздухам в себе си Божията искра – любовта е това, което установява Царството Божие в себе си, т.е. покорност към Него, сливане с Него, и Царството Божие извън себе си, това, което често заразява другите, предизвиквайки в тях същото разгоряване на искрата на Божията любов. Не пиша, вчера и не косих. Не пиша, защото все не намирам

точна и ясна форма за изразяване, и нямам потребност, влечение да пиша.

Отидох на пясъчните ями. Там селяните, влизайки в тях, работят с опасност за живота. На обяг казах, че трябва да се направи кариера. Соня каза отначало, че няма да даде пари. Имаше минута на раздразнение. Искаш да подложиш другата, когато те ударят по едната, а когато ти се предостави истински случай, както сега, то не искаш да подлагаш, а да отвърнеш.

6 юли 1894. 1) Често се ядосваме на хората за неприемането им на християнския мироглед, въпреки че го разбират. Напразно. Той не им е нужен. Те живеят като животни - не в обиден смисъл, а в смисъл, че им е невъзможно да обхванат въпроса за живота в цялото значение, на което християнството дава свой отговор. Живее, весели се, скърби, радва се, страда, расте, старее и умира, без да си задава въпроса: защо; и не му е нужно християнско учение, то е неуместно за него. Хората от каменната епоха и преди нея са живеели като животни, тогава напредничавите хора едва започвали да разбират необходимостта от общуване, но напредничавите хора станали повече, и така се сложил животът, и тълпата се покорила. Точно така е и сега: на хората на нисша степен на нравствено развитие не е нужно християнското учение, те самите не могат да разберат, защо е то; но те могат и трябва да бъдат ръководени от тези, които разбират...

9 август 1894. Идва през това време Мак-Гахан със сина си и донесе книги, от Хенри Джордж. Прочетох отново „Perplexed philosopher“ („Обърканият философ“). Прекрасна. Много живо осъзнах отново зреха от владеенето на земи. Удивително, как не го виждат. Колко необходимо е да се пише за това – да се напише нова Uncle Tom's Cabin („Чичо Томовата колиба“).

През това време си мислех: 1) неважното е това, че за съгласието на съпрузите е нужно, ако възгледите им за света и живота не съвпадат, този, който е мислил по-малко, би трябвало да се подчини на този,

който е мислил повече. Колко бих бил щастлив да се покоря на Соня, но това е също тъй невъзможно, както гъската да влезе в своето яйце. Би трябвало тя да го стори, но не иска – няма разум, няма смирение, няма любов.

2) Важното, което мислех, е това, че едно от най-объркващите всичките ни метафизически понятия суеверия е суеверието за това, че светът е сътворен, че е произлязъл от нищото и че има Бог - творец. Същност не сме имали никакви основания да предполагаме Бога създател и никаква нужда (китайците и индийците не знаят това понятие), а същевременно Бог творец и промислител не може да се съвмести с християнския Бог отец, Бог дух, Бог, частица от който живее в мен и съставлява моя живот и проявяването и възвишаването на която съставлява смисъла на моя живот, Бог любов. Богът творец е равнодушен и допуска страдание и зло. Богът дух избавя от страдание и зло и винаги е съвършено благо. Бог творец – няма. Съществувам аз, познаващ света с дадените ми оръдия на чувствата и знаещ вътрешно своя Отец Бог. Той е моето духовно начало. А външният свят е само моят предел (съвсем неясно. Спя).

18 август 1894. За анархистите: с огромен всестранен труд на мисълта и словото се разпространява сред хората едно разбиране, заучава се от тях, в най-разнообразни форми и ползвайки се от най-странни средства, то (започва) да завзема хората: кой заради модата, кой заради самохвалство, под формата на либерализъм, наука, философия, религия, то става свойствено на хората. Хората вярват, че са братя, че не бива да се потискат братята, че трябва да се помага на прогреса, образованието, да се борят със суеверията; то става обществено мнение, и изведнъж... терор, френската революция, 1-ви март, убийството на Карно, и целият труд пропада даром. Също както събраната от яза капка по капка вода с един удар на лопатата излиза и размива без полза поля и ливади. Как могат анархистите да не виждат вредата от насилието? Искат ми се да им напиша за това. Всичко е така, всичко е вярно – това, което мислят и вършат, разпространявайки

понятието за безполезността и вредата от държавното насилие. Само едно трябва да им се замени: насилие – убийство – с неучастие в насилия и убийства.

Ужасна е тази гухова стена, която израства между хората – живеещи понякога десетки години заедно и като че ли близки. Искаш да я пробиеш и, като муха зад стъклото или птичка, блъскаш се по цялото стъкло, и никъде няма проход и възможност за съединение. Понякога си мислиш: може би и аз съм такъв, представлявам също такава стена за другите. Но не, аз зная, че съм открит, и зова, и търся сближаване, и радостно приемам всяко обръщение, всеки повик за откровеност.

27 август 1894. Плод на дейността на разума е истината. Плод на дейността на любовта е доброто. Но за да има плод, трябва двете дейности да съвпадат. Доброто ще произлезе само от разумна, проверена чрез истината любов, а истината – само от дейността на любовен – имащ за цел доброто - разум. Всичко това не съм го измислил, а съм го видял. Какво искаш от мен? Тласни ме, Боже. И ми прости, че не умея да чакам. Казах това и радостно, умилено чакам.

6 септември 1894. .. животът не се състои в достигане на цели, а в изпълнение на посланичество.

10 септември 1894. Въпросът не е в това - да се устрои държава: по сегашному или по новому. Аз и никои от нас не е турен да реши този въпрос. А нашето решение подлежи и не произволно, а неизбежно, въпросът е в това, как да постъпя в постоянно заставащата пред мен дилема: да подчиня ли своята съвест на делата, извършвани около мен, да се призная ли за солидарен с управниците, които бесят заблудени хора, гонят за убийство войник, развъртават с опиум и водка народа и тем подобни, или да подчиня своите дела на съвестта, т.е. да не участвам в управление, чиито дела са противни на моето съзнание? А какво ще излезе от това, каква ще бъде държавата, не зная, и не че не искам, а не мога да зная. Зная само, че ако следвам вложеното в мен

висше свойство на разума и любовта или на разумната любов, нищо лошо не може да излезе.

3) Още по-важно: делото на живота е съвършенството. Оръдието аз – любовта. За да бъде любовта действена, е нужен разум.

21 октомври 1894. 1) Спомнях си младите си години и своите отношения с жените. Ако човек поиска да отнеме от себе си всяка възможност за свободна умствена дейност и свободни отношения с хората, то трябва да прави това, което правех аз: да яде месо, да пие кафе, чай, вино, да не работи, но да прави гимнастика и да чете възбуждащи страстите книги. Аз бях през цялата си младост като охранено, палаво жребче, странно е да си спомня.

2) Сякаш дяволът ме беше хванал ужасно. В моята работа над катехизиса той ми подсказа, че може да се мине и без понятието за Бога, за Бога, който е в основата на всичко, за Бога, по чиято воля живеем на този свят, по чиято воля нашата божествена същност е затворена в личността за някакви си Негови цели, да се остави единствено само този Бог, който се проявява в нашия живот, и изведнъж започна да ме връхлита униие, страх. Ужасих се, започнах да мисля, да проверявам и открих едва ли не иззубения Бог и като че ли отново Го намерих и заобичах. Каквото и тъжно, тежко нещо да ти се случи или да си помислиш, струва си да си спомниш, че има Бог, и ти става радостно.

26 октомври 1894. 1) Всеки човек, колкото и да е порочен, престъпен, неучен, неумен, каквито гадости и глупости да върши, непременно се счита за съвършено прав. И не можем и не трябва да му се сърдим за това: той не може да не се счита за прав. Ако той не се смяташе за прав, не би могъл да живее така, както живее.

27 октомври 1894. Сега си мислех: Удивително, как съм могъл да не видя преди тази несъмнена истина, че за този свят и за нашия живот в него има Някой, Нещо, което знае защо съществува този свят, и ние в него,

като мехурчета във вряла вода, скачаме, пукваме се и изчезваме. Безспорно е, че нещо се върши в този свят, и се върши с всички живи същества, и се върши с мен, с моя живот. Иначе за какво е това слънце, тези пролети, зими и, най-главното, за какво е това 3-годишно, беснеещо от изобилна жизнена енергия момиченце, и тази оглупяла старица, и умопобъркания. Тези отделни същества - които очевидно нямат смисъл за мен, а заедно с това тъй енергично живеят, така пазят своя живот, в които така здраво е завинтен животът, - тези същества повече от всичко ме убеждават, че са нужни за някакво разумно, добро, но недостъпно за мен дело.

4 ноември 1894. Не ми се иска да пиша и да мисля. Иска ми се да работя с ръцете си.

Бележник 3

Февруари 1892. Мислят, че спасението ще стане с ужаси, революция, постепенно. Няма и не би имало спасение, ако управниците биха могли да спрат израстването на съзнанието – новото разбиране на живота. Управляващите могат всички да ограбят, всички да убият, всички слаби да подложат на хипнотизация, но не могат да спрат израстването. Колкото повече хипнотизират, толкова по-енергичен е ръстът. – Контраст, колкото повече дърва натрупват, толкова по-ярко гори, и толкова по-трудно се гаси. Спасението не е отвън, а отвътре. Царството Божие е вътре във вас.

Бележник 5

Май 1893. Спомням си, какво ми даде бракът? Нищо. А страдания – бездна.

Том 53

(1895 – 1899)

1895 г.

7 февруари 1895. 1) Лудостта е егоизъм, или наопаки: егоизмът, т.е. живот за себе си, единствено за своята собствена личност, е лудост. (Иска ми се да кажа, че няма група лудост, но още не зная дали е истина.) Човек е така създаден, че не може да живее сам, тъй както не могат да живеят сами пчелите; в него е вложена потребността да служи на другите. Ако е вложена, т.е. ако служенето е негова естествена потребност, то е вложена и естествената потребност да му служат, *ktre servi*. Ако човек се лиши от второто, т.е. от потребността да се ползва от услугите на хората, то той е побъркан, мозъчна парализа, меланхолия; ако се лиши от първата потребност – да служи на другите, то той е болен от всякакви най-разнообразни видове лудост, най-характерната от които е манията за величие. Най-големият брой луди са лудите от втория вид – тези, които са се лишили от потребността да служат на другите – лудостта на егоизма, както казах отначало. Лудите от този вид са огромно количество, повечето светски хора са обхванати от тази лудост. Тя не ни се набива в очите, само защото тази лудост е обща за масата хора и лудите от този вид се обединяват. Те малко страдат от своята лудост, защото не срещат отпор, а напротив – съчувствие. И затова всички хора, обхванати от тази лудост, със страшно упорство се държат за отпъкните коловози, за предаването на външни, светски условия. Само това ги спасява от мъчителната страна на тяхната егоистична лудост... Такива луди: всички трупащи богатства, честолюбци - граждански и военни.

12 март 1895. Толкова много е почувствано, премислено, преживяно за това време, че не зная какво да пиша. Смъртта на Ванечка беше за мен, както и смъртта на Николенка, не, в много по-голяма степен, проявление на Бога, привличане към Него. И затова не само не мога да

кажа, че това беше тъжно, тежко събитие, а казвам направо, че това е (радостно) – не радостно, това е грозна дума, но милосърдно от Бога, оправящо лъжата на живота, приближаващо до Него, събитие. Соня не може да гледа така на това. За нея болката, почти физическа - на разрива, скрива духовната важност на събитието. Но тя ме поразя. Болката от разрива веднага я освободи от всичко, което помрачаваше душата ѝ. Като че ли се разтвориха двери и се откри божествената същност на любовта, която съставлява нашата душа. През първите дни тя ме поразяваше със своята удивителна любвеобилност: всичко, което по някакъв начин нарушаваше любовта, неодобрението към някого, към нещо, даже недоброжелателството, всичко това я оскърбяваше, заставяше я да страда, заставяше болезнено да се свиwa оголеното кълнче на любовта. – Но времето минава и този кълн отново се скрива, и страданието ѝ престава да намира удовлетворение, преминава във всеобща любов, и става неразрешимо мъчително. Тя страда най-вече за това, защото предметът на нейната любов я е напуснал, и на нея ѝ се струва, че нейното благо е било в този предмет, а не в самата любов. Тя не може да отдели едното от другото; не може да погледне религиозно на живота въобще и на своя. Не може ясно да разбере, да почувства, че едно от двете: или смъртта, увиснала над всички нас, която има власт над нас и може да ни раздели и да ни лиши от благото на любовта, или смърт няма, а има редица изменения, извършващи се с всички нас, сред които едно от най-значителните е смъртта, и че тези изменения се извършват над всички нас, - съчетавайки се различно – някои преди, други после, - като вълни.

10) С особена нова сила разбрах, че моят живот, както и на всички, е само служене, а няма цел сам по себе си.

6 април 1895. 2) Единението на хората и съществата е възможно само в истината, и затова за установяване на единение е нужно познание за истината. Така че преди проявяването на любовта е нужно познание за истината. Познанието за истината е познание за Бога. Може да се обича само Бог, само божественото в света и хората. Но за да Го

обичаш, трябва да Го познаеш, да умееш да го познаеш. И затова преди любовта към Бог трябва да е познанието за Него. – Да познаеш Бог значи да опознаеш сам себе си, да отделиш божественото „аз“ от телесното – да отделиш съдържанието от формата. Всичко е в това.

7) Истинският живот е живот Божески, но ние не го виждаме: съблазните го скриват от нас.

8) Преди живееш само за благо на своята личност. После разбрах, че в мен има друга, висша същност и че трябва да се живее за тази висша същност; но само разбрах това. После започнах от време на време да живея за тази същност. Сега трябва да се направи така, че винаги да се живее за тази същност, и ако вече не може иначе, само понякога да се живее за личността. Цялата работа е в това, животът за Бога да стане нещо естествено, а животът за себе си да стане изключение.

10) Цел на живота е благо. Благо е само в служене на Бога. Служене на Бога за увеличаване на любовта в света. Увеличаването на любовта в света се постига само с увеличаване и проявяване на любовта вътре в нас. Любовта вътре в нас ни дава това висше благо, към което се стремим.

10 април 1895. Вчера ходих по улиците и гледах лицата на хората. Рядко се среща лице, което да не е отровено от алкохол, никотин и сифилис. Ужасно жалко и обидно безсилие, когато спасението е тъй ясно. Овните скачат във водата, а ти стоиш и ги пъдиш, махайки с ръце, а те все така скачат, и изглежда, че те вършат нещо, а ти им пречиш. Страшно ме гложди да напиша за отношението на обществото към царя, обяснявайки го като лъжа пред стария, но болестта и слабостта на Соня ме задържат.

25 април 1895. Вчера Соня замина за Киев с Таня, която дойде да я вземе. Здравето ѝ се подобри малко - тя се вдигна, но цялата е разбита и нравствено все не намира опорна точка. Страшно трагично е положението на майката: Природата е вложила в нея преди всичко неудържимо сладострастие (същото е вложила и в мъжа, но у мъжа

това няма такива съббоносни последици – раждането на деца), последица от което се явяват децата, към които е вложена още по-силна любов и любов телесна, тъй като и носенето, и раждането, и кърменето, и отглеждането е телесна работа. Жената, добрата жена обрича цялата си душа на децата, цялата се отдава, усвоява душевната привичка да живее само за тях и чрез тях (най-страшното изкушение, още повече, че всички не само го одобряват, но и го възхваляват); минават години и децата започват да си отиват – в живота или смъртта – по първия начин бавно, отплащайки се за любовта с досада, като завързан на шията камък, който им пречи да живеят, по втория начин – смъртта, мигновено причиняваща страшна болка и оставаща пустота. Трябва да се живее, а няма с какво. Няма навици, няма граже сили за духовен живот, защото всички сили са изразходени за децата, които вече ги няма. Ето какво би трябвало да се изкаже в романа за майката.

През това време започнах да се уча на манежа да карам велосипед. Много странно защо ме влече да правя това. Евгений Иванович ме разубеждаваше и се огорчи, че карам, а на мен не ми е съвестно. Напротив, чувствам, че тук става дума за някаква естествена глупост, и ми е все едно какво мислят, а и е просто безгрешно да се забавлявам по детински.

2) Ходих с момичетата – Саша и Н.Мартинова – на театър, и на връщане оттам те започнаха да говорят за това, какъв материален прогрес ще има скоро, като електричество и тем подобни. И ми стана жал за тях, и започнах да им говоря, че чакам и мечтая, и не само мечтая, а се старая за друг единствено важен прогрес – не за електричество и летене във въздуха, а за прогреса на братството, единението, любовта, установяването на Царството Божие на земята. Те разбраха, и аз им казах, че животът се състои само в това, да се служи на приближаването, осъществяването на Царството Божие. Те разбраха и повярваха. Сериозните хора са деца, „тяхно е царството Божие“. Сега четох още мечтанията на някакъв американец за това, как хубаво ще бъдат устроени улиците и пътищата и тем подобни в

2000-та година, и идея си нямат тези диви учени, в какво се състои прогресът. Няма дори намек. А казват, че войната ще бъде премахната, само защото пречи на материалния прогрес.

28 април 1895. Вчера сутринта отидох у Хохлов. Той е почти свободен, казва, че се е объркал. „Наистина съм се объркал.“ Не зная как да му помогна. Вероятно всичко се дължи на похотта. Познал жените в младежките си години, той вече не можел да се овладее и тръгнал на борба със своята похот. У него са останали изводите от християнското учение, а самото учение го няма. Станал е егоист вследствие на тази напрегната борба със самия себе си. Както давещият се, падащ човек мисли само за себе си.

Въпросът е: какво да се прави? От същото страда и Иван Михайлович. Какво да се прави? Какво да каже на сина си, встъпващ в тази възраст на борбата? Вчера говорих за това със Сеницин. Целият живот е борба на плътта с духа, и е постепенно възтържествуване на духа над плътта.

Половата борба е най-напрегнатата, но затова пък винаги завършва с победа на духа. Трябва да каже на сина си, че тази борба не е случайно, не е изключително явление, а дело на целия живот, че трябва да знае и да се готви за тази борба – като атлетите – трябва винаги да бъде нащрек, да не се отчайва и да не унива, когато е победен, а да се вдигне и отново да се готви за борба. Има случайно падение, падение с такива жени, които не искат да свързват своя живот само с един мъж, но има и падение на женитбата, която може да продължи, като моята, 32 години, но падението си е падение, ала въпреки това не бива да се унива, а да се чака освобождаването, което ще дойде, струва ми се, че при мен вече е дошло.

Все така нищо не правя, тъжно е и някак срамно.

2) Има три средства за облекчаване положението на работниците и за установяване на братството между хората: а) да не се заставят хората да работят за себе си, нито пряко, нито косвено да не се иска от тях работа – да няма нужда от такава работа, която изисква

излишък на трус: във всички предмети на лукса. 2) Сам да вършиш за себе си (а ако можеш и за другите) тежката и неприятна работа и 3) само по себе си не средство, а последствие от приложението на второто: да изучаваш законите на природата и да измисляш начини за облекчаване на работата: машини, пара, електричество. Само тогава ще измислиш истинско, а не излишно, когато ще измисляш за облекчаване на своя – или поне лично изпитан трус.

А хората са заети само с прилагането на третото средство, и то неправилно, защото се отдръпват от второто, и не само не искат да употребяват истинските средства 1 и 2, но и не искат да чуят за тях. Вчера написах писмо на Чертков. Днес искам да напиша макар и няколко гуми на Хилков.

22 септември 1895. 1) Ето коя е истинската вълшебница – любовта. Струва си да обикнеш, и това, което си заобичал, става прекрасно. Само че как да направиш така, че да обикнеш, да обичаш всички? Не ни харесва този, който в действителност е добър, а считаме за добър този, когото харесваме. Как да стане? Зная едно: да не пречиш на любовта със съблазни, и най-важното, да обичаш любовта, да знаеш, че само в нея е животът, че без нея е страдание.

2) Спомних си, колко често съм спорил с религиозни догматици: православни, евангелистки и др. Колко е нелепо. Нима може да се разсъждава сериозно с човек, който твърди, че вярва в това, че има само един правилен възглед за света и за нашето отношение към него, това, което е изразено преди 1500 години от събраните от Константин епископи в Никея, - мирозглед, според който Бог – Троица, преди 1890 години изпратил Сина в девата, за да изкупи света и т.н. – С такива хора не може да се разсъждава, може да ги управляваш, съжаляваш, да се опитваш да ги излекуваш, но на тях трябва да се гледа като на душевноболни, а не да спориш с тях.

4) Няма нито един вярващ човек, който да не е спохождан от мигове на съмнения, съмнения в съществуването на Бог. И тези съмнения не са вредни; напротив, те водят до по-висше разбиране на Бога. Този Бог,

когато си знаел, е станал обикновен и повече не вярваш в него. Напълно вярваш в Бог само когато той ти се разкрива отново. А той ще ти се открие от нова страна, когато Го търсиш с цялата си душа.

25 септември 1895. Да живееш за Бога? Как да стигнеш до това, да живееш за Бога? Така, както си стигнал до това, че си живял само за себе си: да се убедиш, че всеки груг живот е безсмислен, безполезен, пагубен, че всеки груг живот не е живот...

Може да се мисли, че живот за Бога е: да се съдейства за установяването на Царството Божие е възможно, най-вече убеждавайки хората да бъдат добри, да се въздържат от съблазни, уреждайки живота на другите хора. Това е заблуждение: да живееш за Бога е възможно само чрез това, да обичаш хората, да проявяваш любов, да заразяваш с любов, да ги заставляш да вярват в любовта. Много ми е необходимо да зная това сега, и решавам така, че нищо не е нужно да се устройва или да се внушава на хората, а да се отнасям с ласка и любов към всички. Това е най-силното средство за установяване на царството Божие.

24 октомври 1895. 2) Щом разумът отхвърли съблазънта, т.е. благо от нисш порядък, то човек неизбежно ще започне да се стреми към истинското благо, т.е. към любовта. Ще се опитам да го изразя по-точно.

Докато човек живее животински живот (в детството винаги), той има само един път. Но щом като в него се събуди разумът, той винаги има два пътя: или да подчини разума на своята животинска природа, или разумът да застави животното да му служи. Съблазните се състоят в това, да заставят разума да служи на животинската природа. Ако човек подчини своята животинска природа на разума, отхвърли съблазънта, то разумът ще открие на човека другия, единствения път, и човек ще се стреми към него.

25 октомври 1895. 2) Главните съблазни са четири: 1) за благо на собствената личност, 2) за благо на семейството, 3) за благо на отечеството, 4) за благо на цялото човечество. Бидейки затворен в условията на пространството и времето, човек не може да достигне нито своето, нито нечие друго благо, не може даже да съдейства за това благо, защото не може да знае какви ще бъдат последствията от неговите постъпки в безкрайното пространство и време, следователно, сред безкрайната сложност на условията. Единственото, което може да направи с увереността, че не греша, това е - да действа съответно на тази светлина на разума, която е в него.

3) Човешкият живот е движение. Осъзнавайки се като живеец, човек вижда, че неговият живот се движи, и се движи по закон, намиращ се извън него, и заедно с това осъзнава, че разумът, проявяващ се в него, е новият закон, намиращ се в самия него, по който той може и трябва сам да направлява своя живот. Движението на живота, силата на това движение не зависи от човека, но откакто в него се е проявил разумът, направляването на това движение вече се намира в негова власт. Съблазната се състои в това, че вместо да употреби разума за насочване движението на живота, човек го насочва към усилване на това движение, към прищипването му. От това изопачаване е и животинският живот и безполезното прахосване на разума. И затова най-обикновената грешка на хората се състои в това, посредством разума да заставят себе си да действат, докато разумът е нужен само, за да направлява не даденото от мен самия движения, а само съзнаваното в мен движение. Разумът е рулят, животинската личност – платната. Вятърът е силата Божия. Не, това сравнение не е хубаво.

5) Силата Божия, движеща живота, е любовта. Неосветена от разума, тази сила е любов към себе си, а осветена, насочена от разума, тя е любов към съществата, към хората, към истината, към доброто, към Бога.

6) Въздържанието, смирението усилват дейността на разума. Разумът освобождава любовта.

7) Често са ме поразявали уверените, красивите, внушителните интонации на хората, говорещи глупости. Сега зная, че колкото по-внушителни и по-импозантни са и звуците и зрелищата, толкова са по-безсъдържателни и незначителни.

7 декември 1895. 13) Щастието е удовлетворяване на потребностите на съществуването на човека, живеещ от раждането до смъртта само в този свят, ала благомото е удовлетворяване на потребностите на вечната същност, живееща в човека.

1896 г.

27 февруари 1896. 3) Рачински говори: забележете, че по едно и също време с разпространяването се употреба на наркотици през 17 век са започнали и поразителните успехи на науките, особено на естествените. Дали не от това, казвам му аз, е произлязло и лъжовното направление на науката – изучаване на това, което не е нужно на човека, а е предмет на празно любопитство, или е нужно, но не е най-необходимото? Дали именно по това време не е захвърлено най-необходимото, т.е. решаването на нравствените въпроси и приложението им в живота?

5) В борбата с лъжата и суеверията хората често се успокояват със същото количество суеверия, които са разрушили. Това не е правилно. Не бива да се успокояваме дотогава, докато не унищожим всичко, което противоречи на разума и изисква вяра. Суеверието е като рак (саркер). Трябва да се изчисти всичко, ако си се заловил с операция. А оставиш ли съвсем мъничко, и от него отново ще се разрастне всичко.

7) Днес на обяд разговаряха за това, че едно момче с порочни наклонности било изгонено от училище и че би било добре да го дадат в изправително заведение. Това е свършено същото, което прави човек, живеещ лош, вреден за здравето живот, и който, когато го застигне болест, се обръща към доктора, за да го излекува, но дори не му идва наум, че неговата болест е благодетелен знак, който му е

гаден за да разбере, че целият му живот е лош и трябва да го промени. Същото е и с болестите на нашето общество. Всеки болен член на това общество не ни напомня, че целият живот на обществото е неправилен и че трябва да се измени, а мислим, че за всеки болен член има или трябва да има учреждение, избавящо ни от този член или поправящо го. Нищо не пречи така на движението напред на човечеството, както това лъжливо убеждение. Колкото по-болно е обществото, толкова повече учреждения има за лечение на симптомите и толкова по-малка грижа за изменението на целия живот.

2 май 1896. Друго важно събитие е книгата на Африкан Шпир. Сега прочетох това, което съм написал в началото на тази тетрадка: по същността си не е нещо друго, освен кратко изложение на цялата философия на Шпир, която не само че не съм чел тогава, но за която не съм имал ни най-малка представа. Това поразително съчинение освети от някои страни и подкрепи моите мисли за смисъла на живота.

5 май 1896. С малък капитал не е изгодно никое предприятие. Колкото повече капитал, толкова по-изгодно: по-малко разходи. Но от това никак не следва, както смята Маркс, че капитализмът ще доведе до социализъм. Може и да доведе, но само до насилствен. Работниците ще бъдат принудени да работят заедно и ще работят по-малко, и заплатата ще бъде по-висока, но ще бъде същото робство. Хората трябва свободно да работят заедно, да се научат да работят един за друг, а капитализмът не ги научава на това. Напротив, научава ги на завист, алчност – егоизъм. И затова от насилственото обедняване чрез капитализъм може да се подобри материалното положение на работниците, но никак не може да се постигне доволството им. Доволство може да се постигне само чрез свободно сдружаване на работниците. А за това е нужно да се учат на приобщаване, да се усъвършенстват нравствено – драговолно да служат на другите, без да се обиждаш, че не срещаш отплата. А никак не можеш да се учиш на

това при капиталистическото съревнователно устройство, а при съвършено друго.

17 май 1896. 16) Защо хората така страстно се гържат за семейното начало – създаването и възпитаването на деца? Защото за човека, непренесъл съзнанието си от отделното същество в Бога, само това изглежда удовлетворително обяснение за смисъла на живота.

17) Смисълът на живота се открива на човек, когато признае своята божествена същност, затворена в телесна обвивка. Смисълът е в това, че тази същност, в стремежа си към освобождение, към разширение областта на любовта, с това разширение върши делото Божие, състоящо се в установяване Царството Божие на земята.

20) Главната цел на изкуството, ако има изкуство и ако то има цел, е да прояви, да изкаже истината за душата на човека, да изкаже такива тайни, които не бива да се изказват с прости думи. От това – и изкуството. Изкуството е микроскоп, който насочва художника към тайните на душата и показва на хората тези общи за всички тайни.

22) В последно време започнах да чувствам такава твърдост и сила, които не са мощ, а принадлежат на делото Божие, на което искам да служа, че са ми странни разгразнението, укорите, насмешката над хората, враждебни на делото Божие – те са жалки, трогателни.

28) Който живее напълно духовен живот, за него животът тук става толкова безинтересен и тежък, че лесно се разделя с него.

28 май 1896. 1) За мен сега е съвършено ясно, че това, което наричаме зло, е това благо, чието действие още не виждаме.

8 юни 1896. Дочетох Шпир. Прекрасно.

1) Когато човек живее животински живот, той не знае, че чрез него живее Бог. Когато в него се пробужда разумът, той знае това. А знаейки, той се съединява с Бога.

2) В животинския живот човек трябва да се ръководи от инстинкта; разумът, насочен към това, което не му подлежи, всичко ще развали.

19 юли 1896. Господи, отче наш, избави ме от моето гнусно тяло. Очисти ме и не позволявай да погине и заглъхне твоят дух в мен.

26 юли 1896. Цяла нощ не спях. Сърцето боли непрестанно. Продължавам да страдам и не мога да се покоря Богу. Едното: овладях похотта, но – по-лошото – не овладях гордостта и възмущението... Едно ме утешава, не съм сам, а с Бога, и затова колкото и болно да ми е, чувствам, че нещо става. Помогни ми, Боже.

30 юли 1896. 12) Балове, безделие, зрелища, процесии, увеселителни паркове и тем подобни дават страшно оръжие в ръцете на учредителите. Могат да окажат страшни влияния. А ако ги подчинят под контрол, така е то.

13) Вървях по пътя и мислех, гледайки гората, земята, тревата, какво смешно заблуждение: да мисля, че светът е такъв, какъвто ми се представя. Да мисля, че светът е такъв, какъвто се представя на мен, значи да мисля, че не може да има друго познаващо същество, освен мен с моите 6 чувства. Спрях и записах това.

14) Често се удивляват на това, че хората са неблагодарни. А трябва да се удивляват на това, как те могат да бъдат благодарни за стореното им добро. Колкото и малко добро да вършат хората, те знаят несъмнено, че правенето на добро е величайшо щастие. Как хората да благодарят на другите за това, че тези другите са се опили в това велико наслаждение?

15) Свободен е само този, на когото никои не може да попречи да направи това, което иска. Такова дело е само едно: да обичаш.

17) Естетическата наслада е наслада от низш порядък. Затова и най-висшата естетическа наслада оставя неудовлетвореност. Даже, колкото по-висша е естетическата наслада, толкова по-голяма неудовлетвореност оставя. Все ни се иска още нещо и още нещо. И така безкрай. Пълно удовлетворение дава само нравственото благо. Тук е пълното удовлетворение – повече нищо не ти се иска и не ти е нужно.

20) Човек не може да живее плътски живот, ако не се счита за прав, и не може да живее духовен живот, ако не се счита за грешен.

21) Попов ми каза: Защо с мен се свърза така, че ми разваля целия живот, същество без брада, с дълги коси и изпъкнали гърди, много приличащо на човек, но съвършено различно от него по основните си свойства?

31 юли 1896. 1) Неверието в разума е източникът на цялото зло. До това неверие се достига чрез преподаване на лъжата на вярата още от детството. Повярвай в едно чудо – и доверието към разума е погубено.

17 ноември 1896. 1) Рагваме се на нашите технически успехи. И толкова сме доволни от тези успехи, че ако ни кажат, че тези успехи се постигат само чрез гибелта на човешки животи, то вдигайки рамене, ще кажем: трябва да се постареем да не бъде така – 8-часов работен ден, застраховане на работниците и тем подобни, но заради смъртта на няколко души не бива да се отказваме от достигнатите успехи... Допусне ли се този принцип, няма да има предел за жестокостта, и много лесно ще се домогнем до всякакви технически усъвършенствания... Те се правят с цената на човешки животи. А трябва да се цени всеки човешки живот, не да се цени, а да се постави по-високо от всякаква цена... и да се прекратява всякакво усъвършенстване, ако то вреди на човешкия живот.

20 декември 1896. 19) След смъртта по важност и преди смъртта по време няма нищо по-важно и безвъзвратно от брака. И също както смъртта е хубава само тогава, когато е неизбежна, а всяка нарочна смърт е лошо нещо, такъв е и бракът. Бракът не е зло само тогава, когато е непреодолим.

21) Ако вярвах в личния Бог, към когото човек може да се обръща с въпроси, бих казал: Защо, за какво Бог е направил така, че едните,

знаейки несъмнената истина, все горят от нейния огън, а другите не искат, не могат да я разберат и приемат, и даже я ненавиждат?

1897 г.

5 януари 1897. 2) (Към записките на лудия или към драмата) Отчаяние от безумието и злочестината на живота. Спасението от това отчаяние е в признаването на Бога и в признаването ни за неговите синове. Признаването на синовността е признаване на братство. Признаването на братството на хората и жестокото, зверско, оправдавано от хората небратско устройство на живота – неизбежно води до признание в лудост – твоята или на целия свят.

12 януари 1897. Рано сутринта. Не спя от мъка. И не са виновни нито злобата, нито егоизмът и чувствителността, а мъчителният живот. Вчера седях до масата и чувствам, че и аз и гурбетчицата сме еднакво излишни, и на двамата ни е еднакво тежко. Разговори за изгратата на Дузе, Хофман, шеги, премени, сладка храна минават покрай нас и през нас. И така всеки ден, цял ден. Няма с кого да си отгърна. Таня, бедната, би пожелала някога, но тя е слаба, натура със слаби духовни потребности. Серьожа, Илюша... В живота на другите има и поне нещо сериозно, човешко – наука, служба, учителство, докторство, малки деца, да не говоря за работа или служене на хората, а тук нищо, освен игри от всякакъв род и плюскане, и старчески флирт или още по-лошо. Отвратително. Пиша, да зная поне след смъртта ми. Сега не бива да говоря. По-зле от глухите са крещящите. Тя е болна, това е вярно, но болестта е такава, че я вземат за здраве и я поддържат в нея, а не я лекуват. Какво ще излезе от това, как ще свърши? Непрестанно се моля, осъждам се и се моля. Помогни ми, както Ти знаеш.

15 януари 1897. Рано сутринта. Почти цяла нощ не спях. Събудих се, защото видях на сън все същото оскъбление. Сърцето боли. Мислех: все едно от какво ще трябва да се мре. А Бог не повелява да умра за

неговото дело, трябва така глупаво, слабо да умирам от само себе си, заради себе си. Едно е хубаво, че леко се изтласкваш от живота. Не само не ми е жал, но ми се иска да си уда от този гнусен, унизителен живот. Мислех, че особено болно и недобро е това, че пожертвах целия божески живот, живот в служба на Бога, раздаване на имението, напускане на семейството, пожертвах това, за да не наруша любовта – вместо тази любов съм длъжен да присъствам при унизително обезумяване. Това са лоши, слаби мисли...

18 януари 1897. Унило, отвратително. Всичко ме отвращава в този живот, който живеят хората около мен. Ту се освобождавам от мъката и страданията, ту отново пропадам. От нищо друго не си личи повече, колко далече съм от това, което искам да бъда. Ако животът ми беше – целият в служба на Бога, нищо не би могло да го наруши. Все пиша за изкуството. Лошо.

4 февруари 1897. 1)... И общественото мнение е милион пъти по-силно от всякакви закони и войски. Доказателството за това, че общественото мнение е в ръцете на жените - това, че не само устройството на жилищата и храната се определят от жените – изразходват богатството, следователно жените ръководят работата на хората; успехите на произведенията на изкуството, книгите, даже назначаването на управляващите се определя от общественото мнение, а общественото мнение се определя от жените. Хубаво беше казал някой, че мъжете трябва да търсят еманципация от жените, а не обратното.

5) 20 пъти повтарях и 20 пъти, като нова, идва мисълта за това, че спасението от всичките вълнения, страхове, страдания, както физически, така и в частност духовните, е в това, да разбиеш в себе си илюзията за единството на своето духовно „аз“ с физическото. А това винаги е възможно. Когато е разбита тази илюзия, то духовният „аз“ може да страда само от това, че е свързан с физическия, но вече не и от глад, болка, печал, ревност, срам и тем подобни. В първия случай,

докато е свързан, той върши това, което иска физическият „аз“, сърди се, укорява, кара се, бие се; във втория случай, когато е отделен от физическия, той прави само това, което може да го освободи от мъчителната връзка; а освобождава само проявяването на любовта.

8) (Към възванието). Грешите бедняци, ако мислите, че ще засрамите или ще трогнете, или ще убедите богатия да раздели всичко с вас. Той не може да направи това, защото вижда, че искате същото като него, че се борите против него със същото средство, с което той се бори против вас.

Решавам непременно да пиша всеки ден. Нищо друго не затвърждава така в доброто. Това е най-добрата молитва.

1 март 1897. 1)... Така че живот – живот има само тогава, когато е осветлен от съзнанието. Какво е съзнанието? Какво са постъпки, осветлени от съзнанието? Постъпки, осветлени от съзнанието, са постъпки, които извършваме свободно, т.е. извършвайки ги, знаем, че бихме могли да постъпим иначе. Така че съзнанието е свобода. Без съзнание няма свобода, и без свобода не може да има съзнание.

3) За твърдостта и спокойствието има едно средство: любовта, любовта към враговете. Ето че тази задача ми се загаде от особена, неочаквана страна, и колко лошо успях да я реша. Трябва да се постарая. Помогни ми, Отче.

3 май 1897. Нравственият човек започва да се пробужда и е недоволен. Помогни ми, Отче, да се освободя от това, което ме връзва в мен самия. Отвращавам се от себе си.

16 май 1897. Написах писмо и го изпратих, струва ми се на 11-ти. Сега вече трябва да е погасено. На 13-ти идва София Андреевна. Вчера получих от нея писмо. Все същото. Цяла нощ не спях. Сраданията никога не са идвали с такава сила. Отче, помогни ми. Научи ме. Влез. Усили се в мен. Не мога да стигна до никакво решение. Да не мисля? Не бива. А нищо не мога да реша. Не мога да жаля, а не мога да

противодействам от жал. Боже, помогни ми.

17 май 1897. Ако съм жив, което е много съмнително. Сърцето ме боли ужасно. Сълзи в гърлото. Само да ме опусне и ще се разридая.

16 юли 1897. 7) Бог ни е дал своя дух, любов, разум, за да му служим, а ние употребяваме този дух в служене на себе си, използваме брадвата, за да дялкаме гръжката на брадвата.

14 октомври 1897. 1) Няма по-голяма подкрепа за егоистичен, спокоен живот от заниманието с изкуство за изкуството. Деспотът, злодеят непременно трябва да обича изкуството. Записано е нещо от този род, сега не помня.

2) Ясно си представих, какъв радостен, спокоен и напълно свободен би могъл да бъде животът, ако напълно отдадеш себе си на Бога, т.е. във всички случаи от живота да търсиш само едно: да направиш това, което Той иска, да правиш това в болест, в оскърбление, в унижение, в страдание, във всички съблазни и в смъртта, която тогава е само промяна на назначението. Слабост, неизпълнение на това, което иска Бог? Какво става тогава? Нищо: връщане към съзнанието за това, че животът е само в това изпълнение. Минутите на слабост са само промеждутъци между буквите на живота, а не живот. Помогни ми, Отче.

3) Видях насън, че мисля и говоря, че всичко е в това, да направиш усилие, същото, което е казано в евангелието: „Царството Божие се достига с усилие.“ Всичко хубаво, всичко истинско, всеки верен акт в живота се извършва с усилие; не полагай усилия, живеи по течението – и ти не живееш. А при това църковното учение проповядва, че усилието е грях, че е гордост, надежда в собствените сили; светското учение казва същото: „усилието над себе си е безполезно, всичко прави организацията, средата.“ Какво заблуждение. Усилието е най-важно от всичко. Всяко малко усилие: да победиш леността, алчността, похотта,

зневя, унието. Това е най-важното от важното, това е проявление на Бога в живота – това е карма, разширение на собственото „аз“.

5) Когато хората се възхищават на Шекспир, Бетховен, те се възхищават на своите мисли, мечти, извикани от Шекспир, Бетховен. Както влюбените обичат не предмета, а това, което той извиква в тях. В такова възхищение няма истинско, реално изкуство, но затова пък има пълна безпределност.

6) Само тогава можеш да разбереш и почувстваш Бог, когато ясно разбереш нереалността на всичко материално.

20) Най-ужасното от всичко: пиянство, вина, изри, корист, политика, изкуства, влюбване. С такива хора не бива да се говори, докато не се наспят. Страшно.

10 ноември 1897. 2) Най-обикновеното съждение за християнството, особено у новите ницшеански мислители е, че християнството е отричане от собственото достойнство, слабост, покорност. А е точно обратното: истинското християнство изисква преди всичко висше съзнание за своето достойнство, страшна сила и непоколебимост.

3) Вървях из селото, заглеждах се в прозорците. Навсякъде бедност и невежество, и мислех за предишното робство. Преди бе видима причината, видна беше веригата, която ги държеше вързани, а сега не е верига, и в Европа са само влакънца, но са толкова много, колкото тези, с които са вързали Гьливер. У нас все още са видни вървичици, е добре – върви, а там влакънца, но така здраво държат, че великанът - народът не може да помръдне. Спасението е едно: да не се ляга, да не се заспива. Измамата е толкова силна и толкова ловка, че често виждаш, как тези самите, които са изсмуквани и погубвани, страстно защитават изедниците и се нахвърлят върху тези, които са против тях. Ние имаме цар.

2 декември 1897. 2) Разговарях с Душан. Той каза, че тъй като неволно е станал мой представител в Унгария, то как трябва да постъпва.

Зарадвах се на сгодния случай да му кажа и поясня, че да се говори за толстоизъм и да се търси моето ръководство, да се пита за моето решение на въпросите, е голяма и груба грешка. Никакъв толстоизъм и мое учение не е имало и няма, има едно вечно, всеобщо, всемирно учение за истината, за мен, за нас особено ясно изразено в евангелията. Това учение призовава човека да признае Богу своята синовност и оттам своята свобода или робство (назовете го както искате); свобода от влиянието на света и робство пред Бога, пред Неговата воля.

11 декември 1897. През това време се изясни положението на Грот. Той е душевноболен като всички хора – нехристияни.

29 декември 1897. Получени са заплашващи ме с убийство писма. Жалко, че има хора, които ме ненавиждат, но това малко ме интересува и съвсем не ме безпокои.

1898 г.

4 януари 1898. Нужно е да запиша само едно: това, че всеки живот е безсмислен, с изключение на този, който има за цел служенето на Бога, служенето на извършването на недостъпното за нас дело Божие.

13 януари 1898. 2) Всеки един от нас е светлина, божествена същност, любов, Божи син, заключен в тяло, в граници, в цветен фенер, който сме изрисували с нашите страсти, привички, тъй че всичко, което виждаме, виждаме само през този фенер. Не можем да се надигнем, за да погледнем извън него, защото отгоре има също такова стъкло, през което виждаме и Бога, през изрисуваното от нас стъкло. Единственото, което можем – да не гледаме през стъклото, а да се съсредоточим в себе си, да осъзнаваме своята светлина и да я разпалваме. И това е единственото спасение от измамите на живота, от страданията и съблазните. И това е радостно и винаги възможно. Аз го правя. И е хубаво.

3 февруари 1898. 10) Това, че целият живот е самоусвършенстване, усвършенстването на безсмъртната душа е единствената цел на човешкия живот, е справедливо, защото всяка група цел, предвид смъртта – е безсмислена.

19 февруари 1898. Общото впечатление от тази статия „за науката“ е разкаяние. Чувствам, че това е истина, че трябва да се каже, но ми е болно, че оскърбявам, озорчавам много добри, заблудени хора. Очевидно 0,999 няма да разберат, в името на какво осъждам нашата наука, и ще бъдат възмутени. Трябваше да я направя с по-голяма доброта. И в това съм виновен, но вече е късно.

21 март 1898. 6) Социалистите никога няма да унищожат бедността и несправедливостта, неравенството на способностите. По-умните и по-силните ще използват по-злупавите и по-слабите. Справедливост и равенство на богатата не могат да бъдат постигнати с нищо по-малко от християнството, т.е. себеотричане и признаване за смисъл на своя живот – служенето на другите.

8) Умните социалисти признават, че за постигането на тяхната цел, главната работа е в умственото и физическо издигане на работниците. А това може да се направи само с религиозно възпитание, а те не го признават, и затова цялата им работа е безполезна.

9) Търсете Царството Божие и неговата истина, а останалото ще се прибави, това е единственото средство за постигане целите на социализма.

13) Колко би било хубаво да се напише художествено произведение, в което ясно да се покаже променливостта на човека, това, че един и същ човек може да бъде ту злодей, ту ангел, ту мъдрец, ту идиот, ту много силен човек, ту най-безсилното същество.

12 юни 1898. 5) Непротивенето на злото е важно не само затова, защото човек трябва да постъпва така заради самия себе си, за достигане на съвършенство в любовта, а защото само непротивенето

прекратява злото, поглъща го в себе си, неутрализира го, не позволява да отиде по-нататък. Действеното християнство не е в това, да се прави, да се твори християнство, а в това – да се поглъща злото.

12) Как странно и тежко ми действа като гледам моите деца, владеещи земята и заставащи народа да работи. Като угризение на съвестта. И това не е разсъждение, а чувство, и то много силно. Виновен ли съм, че не отдадох земята на селяните? Не зная.

14) Нищо не може да спаси човечеството от тази измама, в която е хванато от властта. Само религиозното чувство може да даде отпор и да победи.

28 юни 1898. Поша заминава за Швейцария, а Буланже - за България.

20 юли 1898. 1) Живот за себе си – мъка, и затова, че искаш да живееш за илюзии, за това, което го няма и не може да бъде не само щастливо, но изобщо не може да бъде. Все едно да обличаш и храниш сянката. Животът е само извън теб, в служене на другите и то не в служене на близки и любими – това пак е за себе си, а в служене на тези, които не обичаш, още по-добре в служене на врага. Помогни ми, Господи. Ужасна заблуда е да се смесва половата любов, любовта към децата, към приятелите, с любовта към хората чрез Бога, към хората, към които си равнодушен, а още повече към враговете, т.е. към заблудените хора.

3 август 1898. 4) Даже ако се случи това, което Маркс предсказва, то ще се случи само това, че деспотизмът ще се премести. Преди са властвали капиталистите, а после ще властват разпоредителите работници.

5) Грешката на марксистите (и не само тяхната, а и на всички материалистически школи) е, че те не виждат това, че животът на човечеството се движи от ръста на съзнанието, движението на религията, все повече и повече ясно, общо, удовлетворяващо всички въпроси за разбирането на живота, а не икономическите причини.

6) Главната недообмисленост, грешка в теорията на Маркс е в предположението за това, че капиталите ще преминат от ръцете на частни лица в ръцете на правителството, а от правителството, представляващо народа, в ръцете на работниците. Правителството не представлява народ, а също частни лица, имащи власт, малко по-различни от капиталистите, отчасти съвпадащи с тях. И затова правителството никога няма да предаде капитала на работниците. Че правителството представлява народ, е фикция, лъжа. Ако би имало такова устройство, при което правителството действително да изразява волята на народа, то в такова правителство не би имало нужда от насилие, т.е. не би имало нужда от правителство в смисъл на власт.

11) Голямо заблуждение е да се мисли, че човешкият разум е съвършен и може да му открие всичко. Ограничеността на разума е видна най-очевидно в това, че човек не може да разреши (и ясно вижда, че не може) задачата за безкрайността: след всяко време има друго време, след всяко пространство има друго пространство, след всяко число има друго число, така че всичко временно, пространствено е непознаваемо.

13) Моля се Богу да ме избави от страданието, което ме измъчва. А страданието ми е изпратено от Бога, за да ме избави от злото. Стопанинът шибя с камшик добичето, за да го изгони от горящия двор и да го спаси, а добичето се моли да не го шибат.

17) Всички хората са заети с три работи: 1) да се хранят, т.е. да поддържат своето съществуване, 2) да се плодят, да поддържат съществуването на рода и 3) да изпълняват това, за което са изпратени в света, да установяват Царството Божие, средството за което е едно – самоусъвършенстване. Почти всички хора са заети с първите две дела, а забравят последното, което всъщност е единственото истинско дело.

24 август 1898. 4) Често си мисля, че светът е такъв, какъвто е, само затова, защото съм така отделен от всичко останало. Само когато

свърши отделянето ми от ВСИЧКО, пределите ще се разкъсат и ще се установят други, така светът ще стане за мен совсем друг.

7) Егоизмът, целият егоистичен живот, е законен само дотогава, докато не се пробуди разумът; а когато е пробуден, то егоизмът ще е законен само в такава степен, в която е нужен за да поддържаш себе си, като оръдие, нужно за служене на хората. Предназначението на разума е да служи на хората. В това е и целият ужас, че го употребяват за служба на себе си.

2 ноември 1898. Юбилеят не беше тъй противен и тежък, колкото очаквах. Продажбата на повестта и получаването на дванадесетте хиляди рубли, които дадох на духоборите, се уреди добре.

14 ноември 1898. 9) Гледаш хора, целуващи икона, свираци се под нея, обожавачи я и боящи се от нея. Ако хората могат да бъдат измамени така, то няма измама, на която да не се поддадат.

11) Бог се проявява в нас чрез съзнанието. Докато няма съзнание, няма и Бог. Само съзнанието дава възможност за добро, въздържание, служение, самопожертване.

1899 г.

2 януари 1899. 1) Искаме да познаваме Бога, без да познаваме Неговите закони. А можем да знаем само закони, и за Бога, за Неговото съществуване, заключаваме само затова, защото има закони, затова трябва да има и законодател.

26 юни 1899. 15) Трябва винаги да се помни, че няма друг смисъл на живота, няма друг начин да се намери радост в живота, освен изпълнявайки Неговата воля. И как би могло да се живее спокойно и радостно!

16) По време на болест да се изпълнява Неговата воля, готвейки се за преминаване в друга форма.

17) Струва ни се, че истинската работа е работа по нещо външно – да се произвежда, да се събира нещо: имуществото, дом, животни, плодове, а да се работи над своята гуша – това е просто така, фантазия, когато всяка група работа, освен работата над собствената гуша, усвояването на добри навици, всяка група работа е празна работа.

20) Правителствената машина е страшна машина. Ако разбирахме ясно опасността от нея, никога не бихме допуснали нейното образуване.

22) Човечеството е огромно животно, което търси и не може да намери това, което му е нужно. Много бавно впечатления извикват афекти, а афектите се предават на мозъка, и мозъкът предизвиква действия. Деятелността на социалисти, либерали и революционери, това са опити да се галванизира, животното да се застави да действа, възбуждайки двигателните нерви и мускули. А има само един орган, който може да произведе всичко, ако е цял – това е главният мозък в животното, в народа – религията.

40) Уж всички сме съгласни, че е свободен само този, който е преборил страстите, а после, знаейки това, полагаме сериозни грижи за освобождението на хората, изпълнени със страсти.

28 септември 1899. 11) Всичко, което живее без съзнание, както живея аз, когато спя, както съм живял в утробата на майката, живее нематериално, т.е. не познава материята, а живее. Та животът е нещо духовно. Стараейки се да си спомня своето състояние до преди съзнанието, на прага на съзнанието – аз познавам само чувството на тежест, доволство, наслаждение, страдание, но нямам понятие за своето или нечие чуждо тяло. Понятието за тяло (материя) се явява само тогава, когато се появява съзнанието. Понятието за тяло се явява само затова, защото съзнанието дава да се разбере, че в него присъства началото на всичко (духовно). И в същото време, щом осъзнавам, че съм начало на всичко, осъзнавам и това, че не съм цялото начало, а част от него. И точно тази частичност, пределите, отделящи ме от всичко, осъзнавам телом: чрез своето тяло и телата, които ме обкръжават.

16) Ту съм простият човек Лев Николаевич, животни, ту съм посланик на Бога.

17) Човекът е извънвременно и извънпространствено същество, което осъзнава себе си в условията на пространство и време.

2 октомври 1899. 1) Отделността, невсеобхватността на нашето „аз“ се изразява в това, че признаваме себе си за част от движеща се материя: част от материята, с която се отъждествяваме, ни дава понятието за пространство; част от движението, с която се отъждествяваме, ни дава понятието за време. Или иначе. Не можем да си представим себе си като част от материята по друг начин, освен в пространството; не можем да си представим себе си като част от движението по друг начин, освен във времето. Пространството произлиза от невъзможността да си представим два или много предмети извън времето. Времето произлиза от невъзможността да си представим два, много предмети извън пространството.

Пространството е възможност да си представим два, много предмети в едно и също време, времето е възможност да си представим два, много предмети в едно и също пространство (еден излиза, друг влиза). Не би могло да има разделение само в пространството извън времето. Ако нямаше време (движение), всички предмети в пространството щяха да бъдат неподвижни и щяха да съставляват не много предмети, а едно неразделно, изпълнено с материя пространство. И не би могло да има разделение само във времето извън пространството. Ако нямаше пространство, не би могло да има движение, и „азът“ не би могъл да се отдели от всичко останало.

Моето тяло, осъзнавано от мен като „аз“, и познаващо всичко останало, е една движеща се в определено време част от материя, заемаща определено пространство.

Не е хубаво, не е ясно, а може би и невярно.

2) Анархията не означава да няма учреждения, а да няма само такива учреждения, които насилствено заставят хората да им се подчиняват, а - такива учреждения, на които хората да се подчиняват свободно, по

разум. Струва ми се, че иначе не може и не трябва да бъде устроено обществото на същества, надарени с разум.

13 октомври 1899. 1) Главната причина за семейните нещастия е тази, че хората са възпитани да мислят, че бракът дава щастие. Към брака ни примамва половото влечение, приемащо вид на обещания, надежди за щастие, които се поддържат от общественото мнение и литературата, но бракът не само че не е щастие, но винаги е страдание, с което човек плаща за удовлетворяването на половото желание, страдание във вид на неволя, робство, пресищане, отвращение, всякакъв род духовни и физически пороци на съпруга, които трябва да се търпят – злоба, глупост, лъжливост, суетност, пиянство, мързел, скъперничество, користолобие, разврат – все пороци, които трудно се понасят не в теб самия, а у другия, ала страдаш от тях, като от своите, и такива физически пороци, безобразие, нечистоплътност, воня, рани, лудост... и др., които още по-трудно се понасят извън теб... И затова избавлението от тези страдания е само в това, да не чакаш радост, а да очакваш лошото, готвейки се да го изтърпиш.

27 октомври 1899. 1) За свободата на волята - просто е: човек е свободен във всичко духовно – в любовта: може да обича или да не обича, повече или по-малко. Във всичко останало той не е свободен, следователно, във всичко материално. Човек може да насочи и да не насочи своята сила в служба на Бога. Само в това (но то е огромно) е свободен: да вози или да бъде возен.

2) Война, съдилища, смъртни наказания, потисничество на работниците, проституция, и много друго – всичко това е неизбежна последица и условие за този езически строй на живот, в който живеем, и да се промени нещо или много от това е невъзможно. - Какво да се прави? Да се измени самото устройство на този живот, това, на което той се крепи. С какво? С това, че, първо, да не се участва в този строй, в това, което го поддържа: във военщината, в съдилищата, в данъчните, в лъжливото учение и тем подобни, и второ, да се върши това,

единственото, в което човек винаги е свършено свободен: да замени в душата си себелюбието и всичко, което произтича от него – злоба, корист, насилие и др. – с любов и с всичко, което произтича от нея – разумност, смирение, милосърдие и др. Тъй както колелата на машината не могат да се обърнат със сила, защото всички те са свързани със зъбчатите колела и другите колела, а трябва да се пусне или да не пусне парата, която ги задвижва толкова лесно, точно толкова страшно трудно е да се изменят самите външни условия на живот, но да бъдеш добър или лош е лесно. А това: да бъдеш добър или лош – изменя всички външни условия на живота.

20 ноември 1899. 1) Говорим за целта на живота - макар и не такава, каквато би била разбираема за нас, а такава, каквато би била разбираема за висшия разум. Целта - все едно, че е причина. Причината – назад. - Целта – напред. А причината, понятието за причина (а затова и за цел) се явява само тогава, когато има време, т.е. съществуването в своето разбиране е ограничено от времето. И затова за Бога и за човека, живеещ божи живот, няма цел. Има живот, в който расте съзнание, това е всичко.

18 декември 1899. 2) Една от главните причини за злото на нашия живот е възпитаването в нашия християнски свят вяра в грубия, еврейски Бог – индивид; когато главният признак (ако може да се изрази така) на Бога е в това, че той не е ограничен от нищо, следователно не е индивид.

3) Трябва да се победи смъртта – не смъртта, а страха от смъртта, произлизащ от неразбирането на живота. Ако само разбереш живота и необходимото за него благо условие – смъртта, то ще престанеш да се боиш от нея, да ѝ се противиш. А като престанеш да се боиш от нея, ще престанеш да служиш на себе си – смъртния, а ще служиш на безсмъртния Бог, от когото си дошъл и при когото отиваш.

4) Материята е всичко това, което е достъпно за нашите чувства. Науката ни застава да предпологаме, че има материя, която е

недостъпна за нашите чувства. В тази област може да има същества, съставени от тази материя и усещащи я – тази недостъпна за нашите чувства материя. Аз не мисля, че има такива същества, мисля само, че нашата материя и нашите чувства, които я усещат, е само една от безбройните възможности на живота.

5) Аз съм роб, аз съм червей, аз съм цар, аз съм Бог. Роб и червей е истина, а цар и Бог – неистина. Напразно хората придават особено значение и величие на своя разум. Пределите на човешкия разум не са далечни и веднага се забелязват. Тези предели са безкрайността на пространството и времето. Човек вижда, че окончателните отговори на въпросите, които си задава, все повече се отдалечават и отдалечават, и във времето, и в пространството, и в тези гъвете области няма окончателни отговори, защото и гъвете области са безкрайни. Човешкият разум има не особено далечни предели. Той е напълно годен да отговори само на въпросите, как да живее човек. Само в тази област дава окончателни отговори.

6) Четох за книгата на Енгелхарт. Еволюция на прогреса на жестокостта. Мисля, че тук има голяма доза истина. Жестокостта се е увеличила преимуществено затова, защото се е извършило съдействащо увеличение на материалното богатство на хората, разделение на труда. Всички говорят за ползата от разделието на труда и не виждат това, че необходимо условие за разделието на труда, освен *омашинаването* на човека, е още отстраняването на условията, предизвикващи човешко нравствено общуване на хората. Ако вършим едно и също дело, като земеделци, разбира се, че между нас ще се установи обмен на услуги при нужда от помощ, но между овчаря и фабричния тъкач не може да има общуване. (Струва ми се невярно. Ще помисля.)

8) При съществуващия, споделян от всички мирозглед, че сегашният икономически и политически строй е най-добрият – би трябвало да има и войска, и съдилища, и капитализъм, и проституция, и църква. – И затова всички осъждения на съществуващия строй са неоснователни, и всички опити за неговото изменение, погребение, без да се променя

общия за хората мироглед, грубо материалистически, разделящ се на атеизъм и църковно суеверие, са безполезни.

9) Възможно е чрез личен опит да се провери истината за това, че Бог, част от който е моето *аз*, е *любов*, и по опитен път да се убедим в тази истина. Щом като е нарушена любовта, се прекратява животът, не ни се иска да правим нищо - всичко е тежко. И напротив, щом като се възстанови любовта – помиряваш се с този, с когото си се скарал, прощаваш, получаваш прошка – така ти се иска да живееш, да действаш – всичко ти се струва лесно и възможно.

10) Хубаво би било, макар и приблизително, да се изрази с цифри, а после и графически, количеството труд – работните дни, от които се ползват богатите хора в своя живот. Повече или по-малко приблизително това се изразява с пари. Ако аз преживявам с 10 рубли на ден, това означава, че за мен работят непрестанно 20 души. – (Неясно – не е това.)

Бележник 1

септември 1895 г.

Първо трябва да се приучиш на любов, а после да промениш живота. И първо трябва да промениш живота. От двата края *va et vient* (отива и идва): любов, дело.

октомври – ноември 1896 г.

Защо е тъй приятно и успокояващо да ореш? Защото целият живот е пътуване, движение.

Том 54

(1900 – 1903)

1900 г.

13 март 1900. За 36-часовия ден като че ли ще излезе. Главното е, да се покаже, че сегашното предстоящо освобождение ще бъде същото, каквото е било от крепостното право, т.е. ще разслабят едната верига, само когато хванат здраво другата. Неволничеството се отменя, когато утвърждават крепостното право. Крепостното право се отменя, когато земята е отнета и данъците установени; сега ще освобождават от данъци, когато оръдията на труда са отнети. Ще върнат – имат намерение да върнат – на работниците оръдията на труда, само при условие на задължителен за всички труд.

19 март 1900. 4) Когато общуваш с човек, помни, че е настъпил най-важният момент на делото.

5) Когато е жена, помни, че тя е майка и дъщеря, и главно човек сестра, а не самка.

24 март 1900. 7) Разумното съзнание е съзнанието на Бога. Само тогава съзнаваш себе си като отделен, когато се съзнаваш като всеобщ. Понятието за отделност не би могло да възникне без понятието за неразделност. Затова съзнанието унищожавя пределите на материята с любов и пределите на движението с разум.

6 април 1900. 2) „Волята на този, който ме е изпратил.“ Какво означава волята на този, който ме е изпратил? Не мога да я разбера, но издигнал се до божествения разум, макар и да не зная, в какво се състои тази воля, зная, че в нея има смисъл.

23 юни 1900. Много ми се иска да напиша художествено, и не драматическо, а епическо продължение на „Възкресение“: селският живот на Нехлюгов. До умиление ме трогва природата: ливадите, горите – житото, нивите, косибата. Мисля си – дали не доживявам последното си лято.

12 юли 1900. 33) Сериозно съм убеден, че светът се управлява: и държавите, и именията, и домакинствата, от съвсем умопобъркани хора. Нелудите се въздържат или не могат да участват.

21 август 1900. 6) Признак за развратността на нашия свят е това, че хората не се срамуват от богатството, а се гордеят с него.

30 август 1900. Два пътя, две средства, две форми за познание, за съзнаване на Бога: любовта и разумът.

22 септември 1900. 4) Единственото спасение и средство да живееш спокойно и радостно, това е да слееш своята воля с волята на Бога, да нямаш своя воля, да нямаш желания. Това са знаели и стоиците и будистите. Но отричането от желанията е живот без радост и без смисъл. Ако Бог, който ни е пратил в света, иска само да нямаме желания и да се отречем от всичко, то такъв Бог е деспотичен и налудничав. Защо имам желания, за да се отрека от тях?

Християнството казва същото, учи същото като стоиците и будистите, също изисква себеотричане, сливане с волята на Бога, но с тази разлика, че дава смисъл на живота и не унищожава желанията, а ги направлява към това, което иска Бог – към установяване Царството Божие на земята, т.е. замяната на борбата и насилието с любовта и съгласието.

5) Мислех си за просителната молитва. Може ли да се проси от Бога. Не бива, главно заради това, че всичко, за което можем да се сетим да молим за нашето истинско благо – всичко това ни е дадено в изобилие. Да молим Бога за блага е все едно да молим за глътка вода, стоейки до

извора. Това и означават вероятно думите: за това, че Той е изворът на живата вода, който е жаден, да отиде и да пие.

23 ноември 1900. 1) Ние, богатите класи, разоряваме работниците, държим ги в груб, непрестанен труд, ползвайки се от свободно време и разкош. Ние не им даваме, смазани от труд, възможност да създадат духовния цвят и плод на живота: нито поезия, нито наука, нито религия. А сме се заели да им даваме всичко това и им даваме лъжлива поезия, наука – юриспруденция, дарвинизъм, философия, история на царете, религия – църковна вяра. Какъв ужасен грях. Ако не ги изсмуквахме до дъно, те биха проявили и поезия, и наука, и учение за живота.

26 ноември 1900. Чета Евангелието на холандски и много места ме поразяват отново. Така, страшно ме поразил планиската проповед. Как може хората да не разбират, да не чувстват, че в нея е казано и това, което трябва да бъде в бъдеще за всички, и това, че за всеки човек сега – единственото, най-доброто, единственото спасение.

19 декември 1900. 3) Двете най-ужасни чуми на нашето време: църковното християнство или по-скоро догматичното, супернатуралистичното, което се присажда на хората от детството и се поддържа хипнотично до смъртта, и – материализмът, физиологическият, антропологическият, и най-вече историческият, т.е. убеждение в това, че всичко върви само по себе си по закони механически, физически, химически, биологически и даже психологически (в смисъла на материалистическата психология), и затова всички усилия да бъдеш добър, да вършиш добро, са напразни и безцелни. И този материализъм караули хората при тяхното освобождаване от догматическото християнство. Щом като се освободят от бенравствената църковна лъжа, веднага попадат в още по-лошата лъжа на материализма.

29 декември 1900. 1) Четох за удивителните машини, заменящи труда и страданията на човека. Но това е все едно да измислиш сложен апарат, посредством който да можеш да сечеш и да убиваш без труд и напрежение. По-просто е да не сечеш и да не убиваш. Така и с машините, произвеждащи пиво, вино, кадифе, огледала и т.п. Цялата сложност на нашия градски живот е в това, да си измислиш и да се приучиш към вредни потребности, а после всички усилия на ума се употребяват за това, те да бъдат удовлетворени или да се намали вредата от тяхното удовлетворяване: цялата медицина, хигиена, осветление и целият градски вреден живот. Преди да се говори за благо на удовлетворяването на потребностите, трябва да се реши, какви потребности съставляват благо. Това е много важно.

1901 г.

6 февруари 1901. 3) Когато материалистите говорят за това, че животът не е нищо друго, освен физико-химични процеси, извършващи се по определени закони, те са съвършено прави. Те разглеждат живота обективно, и разглеждайки го така, нищо друго не могат да видят. Но те виждат само тази основа, на която и в която се заражда и произлиза истинският, ненаблюдаваният от тях живот. Когато говорят при това за вътрешния опит (употребяван от тях за психологията), то това е само недоразумение: не бива да се наблюдава наблюдателя. Те са съвършено прави, търсейки и установявайки законите, управляващи видимия външен свят, но не са прави, когато искат или предполагат да обяснят по тези закони съществуването на наблюдаващия и затова отричат независимото съществуване на този наблюдаващ и способа за познаване на този наблюдаващ: съзнанието, то същото, от което се ползват за своите наблюдения, без което не биха могли да ги правят.

(Неясно изказано.)

Иначе това може да се каже също и така. Има два способа на познание: един външен – наблюдения, при който се допуска гаденото и

неизискващо обяснения съществуване на наблюдателя, на който се вярва; другият – такъв, при който се изследва самия наблюдател и на основание на неговото изучаване вече се признава достоверността на външния, наблюдавания.

4) Да се наблюдават обективно явленията на външния свят, не бих казал, че е много полезно, но не е лишено от своего рода полезност, но да се признават явленията в този свят за целия живот, е най-голямо заблуждение. Целият живот е само това, което съзнаваме, и затова целият живот може да се изучава само по вътрешен път, защото всичко това, което наблюдаваме обективно, е само последствия от живота. Животът е само това, което съзнаваме като живот. Не стига това, ами и собственото осъзнаване като отделна личност все още не е истинският човешки живот. Истинският човешки живот започва само тогава, когато започва божеското съзнание, т.е. човек се осъзнава като син, като слуга на Бога, а всичко останало е само подобие на живот. И в това останалото, материалистите са прави, считайки всички явления от наблюдавания от тях живот за физико-химични процеси.

Наблюдавайки в света, в растението процеса на обмяна на веществата, самосъхранението, растежа и цикъла на рождението, размножаването и смъртта, и съзнавайки същия този процес у себе си, казваме, че това е живот. Наблюдавайки после същия този процес в придвижващото се, проявяващо чувства животно, и откривайки същия този процес у себе си, казваме: растителният процес още не е живот – ето това е живот – отместваме линията, отделяща живота от неживота. Но не само това: наблюдавайки в другите хора и у себе си умствения живот, достигаш разностранно подобрене на живота, още повече отместваме линията, отделяща живота от неживота: казваме, това е животински живот, а това е истинският живот... Наблюдавайки в другите, най-добрите хора религиозния живот, живот не за себе си, а за цел извън себе си, и виждайки в себе си това свойство, казваме, и имаме пълно право на това, че само такъв живот – не за себе си, а за Бог, - е живот. Така се определя животът от християнството.

Тъй че аз зная три живота: 1) живот растителен, безсъзнателен; 2) живот, съзнаващ себе си за отделно същество, и 3) живот, съзнаващ в себе си божествената същност в пределите на личността. Само този живот наричам живот.

8 февруари 1901. 9) Обикновено казват: защо да натрапваш религиозните си убеждения както на възрастните така и на децата. Нека всеки сам да си ги състави. - Какво странно смешение на понятията! Да се натрапва, т.е. да се лиши човек от възможността да види и знае друго – както правят църковниците, разбира се е лошо, но да се предаде на детето и на възрастния всичко това, което е изработила човешката мисъл в областта на религията, не само че не е лошо, но е необходимо. Защо, ако уча детето или възрастния, че сумата от квадратите на катетите е равна на квадрата на хипотенузата, или че електричеството има два полюса и действа по такива и такива закони, не го насилвам; а когато го уча, че в човека има духовно, неумиращо начало и че с другите трябва да се постъпва така, както искаш да постъпват с теб, го насилвам? Такова странно мнение съществува само затова, защото е прието да се счита единствената нужна и важна основна наука – науката за религията и нравствеността – не за наука, а за нещо произволно, неважно.

19 март 1901. 10) Главното различие между лъжливата и истинната религия е това, че в лъжливата религия винаги се употребява възбуждане, въздействие върху външни чувства, предизвикване на умиление, възторг, екстаз. За това са и великолепните здания, и живописата, иконите, и музиката, пението, и тамяньот, и патосът на четенето и движенията на жреците, или коленопреклонението. А при това за проявяването на истинско религиозно чувство е нужна, напротив, бездейтелност на външните чувства, тишина, спокойствие, простота. (Тих ветрец, а не бурите на пророк Илия.)

Също така е нужно и в съжденията за религията, в изложението на нейната същност: не възторжен тон, и не красноречие, а простота, янност, точност, деловитост на изразите.

22 април 1901. 4) Цялата религия – вечната, всемирната, е една: вяра в Бога в мен и извън мен, в хората и в животните даже, и затова служението Му там, където Той е.

Цялата религия – братство на хората, основано на единството на произхождението или зависимостта.

б) Господи, помогни ми да върша Твоего дело безстрашно, спокойно и любовно.

8 юни. 1) Физическата работа без напъгане пряко сили предизвиква добродушно желание за общуване.

9 юни 1901. 2) Целият живот е бил само увеличение и укрепване на твоето божествено съзнание. Как може то да се унищожи? Не се съмняваме в това, че в материалния свят нищо не изчезва, нито материята, нито енергията. Как тогава ще мислим, че може да се унищожи духовното съществуване? Мислим така, само защото не вярваме в духовното съществуване, и още затова, защото не сме виждали, в какво се претворява то, както виждаме силата да се превръща в топлина и т.п., защото претворяващите се – това сме самите ние.

16 юли 1901. 13) Пределите на моето същество ми се представят чрез материята. Измененията на моето същество ми се представят чрез движението. Пределите на моето същества по отношение на групите същества ми се представят чрез пространството. Измененията на моето същество по отношение измененията на групите същества ми се представят чрез времето.

10 октомври 1901. 15) Правиш усилия да се събудиш, когато сънят стане ужасен и нямаш сили да го понесеш; така трябва да правиш и в живота, когато той стане непоносим, и да се събудиш от животинския живот за духовен живот – да осъзнаеш своето вечно божествено аз.

1902 г.

31 януари 1902. 5) Колко е ясно, когато стоиш на прага на смъртта, че това несъмнено е така, че не бива да живееш иначе. Ах, колко е благотелна болестта. Тя, макар и отвреме навреме, ни показва, какво сме ние и кое е нашето дело на живота.

21 март 1902. 9) Животът, какъвто и да е той, е благо, няма нищо по-висше от него. Ако казваме, че животът е зло, то това е само в сравнение с друг живот, по-добър или въображаем. В живота може да има зло, но самият живот не може да бъде зло. Благо може да има само в живота. И затова не бива да се говори, че отсъствието на живот може да бъде благо.

Здраве може да има само в тялото, и затова не бива да се говори, че отсъствието на тяло е здраве.

8 август 1902. Пиша Хаджи Мурат и всичко съвестно. Брошурата на свещеника – болно. За какво ме ненавиждат те? Трябва да им пиша любовно. Помогни ми.

26 септември 1902. 1) Много живо си представих вътрешния живот на всеки отделен човек. Как да опиша, какво представлява всяко отделно „аз“. А ми се струва, че е възможно. После си помислих, че именно в това се състои и целият интерес, цялото значение на изкуството – поезията.

2) Мислех си още и за особеностите на вярата на всеки човек и за първи път разбрах, че всеки вярва по своему, и ако наистина вярва, т.е.

установил е своето отношение към Бог, то неговата вяра е свещена. За първи път почувствах уважение към чуждата вяра, веротърпимост.

3) Иля попита: могат ли жените да бъдат умни? Не можах да отговоря, а после разбрах: жените могат да бъдат много умни, общо взето не по-глупави, ако не и по-умни от мъжете, но умът им не е на място, като зреда, която е положена не под покрива, а на покрива. У мъжете, какъвто и ум да имат, този ум служи за ръководство на дейността, у жените – умът е изграчка, украсение. Животът на жените се ръководи от всичко друго: тщестлавие, майчинство, корист, любов, но не и от ума.

6) Нашето съзнание е нещо неизменно, извънвременно и извънпространствено. То стои, а временните и пространствени явления преминават през него, а на човек се струва, че той със своето съзнание се движи из пространството и времето.

Но ще кажат: къде е било съзнанието, когато човек се е раждал? А аз ще кажа: там, където е по време на сън, където е било до смъртта... За вътрешния опит съзнанието винаги е едно и неразделно, колкото и дълги да са изглеждали отвън промеждутъците между едни или други негови проявления. Както сънят не разкъсва съзнанието, макар че той, както в приказките, за външното наблюдение продължава хиляди години, така и смъртта и раждането, т.е. преходите от един живот в друг, не прекъсват съзнанието.

4 ноември 1902. 6) 1. Съзнаването на християнската истина е първият етап; 2. това е опит веднага да я осъществиш в живота; 3. негодувание, озлобление срещу враговете на истината; 4. отчаяние; 5. опит за примирение; 6. всичко в себе си, пред Бога, без да се безпокоиш за последствията.

8) Четейки Мережковски за Еврипид, разбрах неговото християнство. Някому се иска християнство с патриотизъм (Победоносцев, славянофилите), някому – с война, някому – с богатство, някому – с женска похот, и всеки нагажда своето християнство според своите нужди.

11 декември 1902. 1) Знаем, че без физически усилия няма да постигнем нищо. Защо ще мислим, че в духовната област може да се постигне каквото и да било без усилие.

13 декември 1902. 3) Цялата първа половина на XIX век е пълна с опити за разрушаване на деспотичния държавен строй чрез насилствена революция. Всички опити свършили с реакция, и властта на управляващите класи само се усилила. Очевидно, сега революцията на може да надвие държавната власт. Остава само едно: такова изменение на мирогледа на народа, при което той ще престане да служи насилна на управлението. Такова изменение може да извърши само религията, и именно християнската. Но тази религия е толкова извратена, че все едно, че я няма. И най-лошото е, че мястото ѝ е заето. И затова не само главното, но и единственото средство да се служи на човечеството в наше време се състои в разрушаване на извратеното християнство и установяване на истинната християнска религия. Същото това, което се счита от всички за най-нищожното дело и което не само че никой не върши, но и най-бойките квази-учени са заети с обратното: с още по-голямо заплитане и затъмнение на извратеното християнство.

1903 г.

4 януари 1903. За да се изясни моето разбиране за живота, трябва да се застане зад гледната точка на Декарт за това, че човек несъмнено знае само, че той е мислещо, духовно същество, и ясно да се разбере, че строго научното определение за света е, че светът е моята представа (Кант, Шопенхауер, Шпир). Но какво е това духовно същество, което наричам себе си, и каква е причината за моята представа за съществуването на света? На тези въпроси, определяйки живота, аз отговарям така: животът е съзнаване на духовното, отделено от Всичко останало, същество, намиращо се в непрестанно общение с Всичко. Пределите на отделеността от Всичко на това същество ми

се представят чрез моето тяло (чрез материята) и телата на другите същества, съставляващи Всичко... Така че животът е съзнаване на отделеността на моето духовно същество, ограничено с предели от някакво друго безгранично духовно същество, съставляващо Всичко и Начало на Всичко.

13 февруари 1903. Животът е съзнаване на затвореното в предели и изменящо всички тези предели духовно (следователно, не пространствено и не временно) същество.

Пределите на това същество ни се представят чрез собственото тяло и телата на другите същества. Изменението на тези предели ни се представят чрез движението.

Ако нашето духовно същество не бе затворено в предели, нямаше да има тяло, материя.

Ако не се изменяха пределите на това същество, нямаше да има движение.

Не можем да си представим отношението на нашето тяло към другите тела по друг начин, освен в пространството. Не можем да си представим отношението на изменението на пределите на нашето същество към изменението на другите същества по друг начин, освен във времето. Струва ни се, че се изменя заключеното в предели същество, а в действителност се променят само пределите. Става същото, както когато ни се струва, че луната минава през облака по небето. Ала минава облакът, а луната стои. Същото е и с духовното същество, което съзнаваме. То е неподвижно и винаги равно на себе си; изменя се само неговата област, съзнавана от нас. Тези изменения са безкрайно разнообразни, но като цяло in the long run (в края на краищата) тези изменения се състоят във все по-голямо по-голямо разширение на областта на съзнанието.

20 февруари 1903. 1) Привържениците на социализма са хора, имащи предвид предимно градското население. Те не познават нито красотата, поезията на селския живот, нито техните страдания.

Ако ги познавах, нямаше да искам, както сега, да унищожат този живот, да го заменят с удобствата на градския живот, а щяха да се стараят само да го освободят от неговите бедствия.

11 март 1903. 3) Главното различие на социалистите от анархистите – християни, а и въобще от анархистит, е, че първите искат да изменят икономическото устройство. Ако искат да изменят политическия строй, то е само готолкова, доколкото той пречи на предполагазаното от тях икономическо устройство.

Но болшинството счита даже за необходимо да задържи този строй за постигане на своите цели. Анархистите пък виждат цялото зло в съществуващия политически строй, основан на насилието, и считат за своя първа задача неговото унищожаване, предполагайки, че при унищожаването на насилствения политически строй икономическите условия ще се получат сами по най-добър начин.

Много неща трябваше да запиша още, но забравих. Спомних си едно:

4) Често хората, либералите – гържавници, изобщо всякакви доктринери смятат за хубаво да се борят само с едно от проявленията на лъжата, да допускат и да не се борят с другите. Все едно при наводнение да спрете само една от заливащите ви струи вода, позволявайки на останалите да ви потопят.

13 март 1903. 1) За втори път срещам в живота си незаслужена, с нищо непредизвикана ненавист от хора само за това, че им се иска да имат репутация като моята.

14 април 1903. 1) Обикновено измерват прогреса на човечеството по неговите технически, научни успехи, смятайки, че цивилизацията води към благо. Това не е вярно. И Русо и всички възхищаващи се на дивото, патриархално състояние, също така са прави, или също така неправи, както и тези, които се възхищават от цивилизацията. Благомото на хората, живеещи и ползващи се от най-висшата, изтънчена цивилизация, култура, и на най-първобитните, дивите е свършено еднакво. Да се

увличава благото на хората с наука – цивилизация, култура е също така невъзможно, както и да се направи така, че на водната повърхност, водата на едно място да стои по-високо, отколкото на другите места. Увеличаването благото на хората е само от увеличаването на любовта, която по своето свойство изравнява всички хора; а научните, техническите успехи са дело на възрастта, и цивилизованите хора в своето благополучие също толкова малко превъзхождат нецивилизованите, колкото възрастният човек превъзхожда в своето благополучие невъзрастния. Благото е само от увеличаването на любовта.

2) Хората, лишени от вътрешно, религиозно ръководство, мислят, че ще го намерят в историческия закон, както го разбират. Но от какво са се ръководили тези хора, които са започнали историята?

3) Оздравявам и следя за подобряването на телесното си състояние – колко несвойствено е това за един старец. На стареца е присъщо само да следи за своето умиране, за разрушаването на пределите.

26 май 1903. Здравето не е лошо. Записах това-онова в книжката. Тук ще запиша следното:

1) Тукашният живот не е илюзия, и не е целият живот, а едно от проявленията, от вечните проявления на вечния живот.

27 май 1903. 5) Затова моята дейност тук не е безполезна, тя е нужна на другите същества. Аз им проправям път, давам по-голяма сила на тяхната дейност.

6) За какво е тази отделеност на духовните същества, разширяващи своите предели, на човек не е дадено да знае; но това несъмнено е необходимо дело.

7) Животът не е илюзия, а вечен живот, извършващ се и проявяващ се чрез съзнанието в своята отделеност.

8) Така че човек, отивайки си от тази форма на живот и преминавайки в друга, оставя своя вечна следа в този живот.

3 юни 1903. 1) Всяка власт усеща, че съществува само благодарение невежеството на народа, и затова инстинктивно и правилно се бои от просвещението и го ненавижда. Обаче има условия, при които властта волю-неволю е длъжна да прави отстъпки на просвещението; тогава тя си дава вид, че го покровителства, взема го в свои ръце и го извърщава. Но има и такива условия – толкова голяма сила на властта, при които това не е нужно. В такива условия беше Николај, разбра това, така и действаше.

4 юли 1903. Вчера разговарях с Голденвайзер за това, какво става в съзнанието по време на лудост, мислех следното:

1) Животът продължава по време на лудостта само за външния наблюдател; а истинският живот, животът на съзнанието липсва, тъй както липсва и в съня, в утробата на майката, в ранното детство, в моменти на страст. Човешкият живот е живот само тогава, когато човек съзнава в себе си духовното начало на живота. Това съзнание на човек за духовното начало претворява материалния, пространствения, движещия се, временния живот на света.

11 юли 1903. XII. Така че хората знаят два живота и приписват две различни значения на думата „живот“. Едното значение е движещо се понятие, отделено от цялата останала материя, и второто – неподвижно, винаги равно на себе си, духовно същество.

XIV. Различието между признаването на живота на духовното неизменно начало, а не неговите проявления в тези предели, в които то се намира, е много важно и винаги е било правено от всички религиозни учители. На това разяснение на различията между двете понятия за живота е основано учението на евангелието за истинския живот: животът на духа и лъжливият живот – плътският и временен живот.

XV. Това разяснение е важно, защото от съзнаването на измамата на лъжовния и от съзнаването на истинския живот произлиза ръководството на живота на хората, произлиза това учение за

доброто, истината и любовта, което дава най-голямо благо на човечеството.

XVI. От съзнаването на истинския живот в духовното съзнание произлиза всичко това, което наричат добродетел и което дава най-голямо благо на хората. От това съзнание произлиза това, което съставлява основата за всички добродетели: произлиза любовта, т.е. признаването за свой собствен живота на всички същества в света, и за изпълнение изискванията на любовта от това съзнание произлиза себепотвърлянето, въздържанието, безстрашието, произлиза усилено, изяснено изискване на това, което наричаме съвест, което не е нищо друго, освен съзнание за своята духовност.

15 юли 1903. 2) Казват: истинското безсмъртие е само това, при което ще се задържи моята личност. Но точно моята личност е това, което ме мъчи, което ми е най-отвратително от всичко в този свят. Да останеш навеки със своята личност, това наистина е мъчението на Ахасфер.

14 ноември 1903. 1) Когато животът на хората е безнравствен и отношенията им не са основани на любовта, а на егоизма, то всички технически усъвършенствания, увеличаването властта на човека над природата: пара, електричество, телеграфи, всякакви машини, барут, динамити, робулити, произвеждат впечатление на опасни играчки, които са дадени в ръцете на деца.

3) Обикновено мислят, че прогресът е в увеличаването на знанията, в усъвършенстването на живота, - но това не е така. Прогресът е само в по-голямото и по-голямото изясняване на отговорите на основните въпроси за живота. Истината винаги е достъпна за човека. Това не може да бъде иначе, защото душата на човека е божествена искра, самата истина. Работата е само в това, да се махне от тази искра Божия (истината) всичко, което я затъмнява. Прогресът не е в увеличаване на истината, а в освобождаването ѝ от нейните покрови.

Истината се придобива като златото, не като се уголемява, а като се отмива от него всичко, което не е злато.

24 ноември 1903. 1) Ние познаваме в себе си два живота: живот духовен, познаваем от нас чрез вътрешното съзнание, и живот телесен, познаваем от нас чрез външно наблюдение.

Обикновено хората (към които принадлежа и аз), признаващи за основа на живота духовния живот, отричат реалността, необходимостта и важността от изучаване на телесния живот, очевидно не можещ да ни доведе до никакъв окончателен резултат. По същия начин и хората, признаващи само телесния живот, напълно отричат духовния живот и всякакви основания на него изводи, отричат, както казват те, метафизиката. Сега ми е напълно ясно, че и двете страни не са прави, и двете знания: материалистическото и метафизическото имат своето голямо значение, само да не се иска да се правят несъответстващи изводи от едното или другото знание.

От материалистическото знание, основано на наблюденията на външните явления, може да се изведат научни данни, т.е. обобщения на явленията, но не бива да се извеждат никакви ръководства за живота на хората, както често са се опитвали да правят материалистите, - дарвинистите, например. От метафизическите знания, основани на вътрешното съзнание, може и трябва да се извеждат законите на човешкия живот, - как, защо да се живее: същото, което правят религиозните учения, но не трябва да се извеждат, както мнозина са се опитвали, законите за явленията и обобщаването им.

Всеки един от тези два вида знания има свое предназначение и свое поле на дейност.

Струва ми се, че е 30 ноември 1903.

1) Нощем, в постелята, някакси започнах да мисля за живота, за Бога, и смисълът на живота и Бог престанаха да бъдат ясни и ме обзе ужасът на съмнението. Стана страшно. Сърцето ми се свиваше. Но не продължи дълго. Главният ужас беше в съмнението, в това, че не

трябва да се моля, че никої няма да чуе, че нищо не е задължително. Не страх от смъртта, а страх от безсмислието. Не продължи дълго. Първата звездичка на просветването пламна от това, че винаги в основата на всичко е: от Когото, от Каквото съм излязъл, към него вървя и ще стигна. После съзнанието ми се просветли за това, какво иска от мен силата, която ме е изпратила, и ми стана леко, съмнението изчезна. Това беше по-скоро физическо затъмнение, при което е важно да се знае, че то е физическо, някакъв сън, сън на висшите духовни сили. И в такива минути не питаш, а чакаш. (Лошо описах целия процес на съмнение и избавление от него, а го чувствах много силно.)

2) Преди мислех, че същността на човешкия живот се състои във все по-голямото разширяване на пределите. Но това не е вярно. Не може да бъде. Не ни е дадено да знаем в какво е същността на човешкия живот. Единственото, което знаем е, че усъвършенстването на човека се състои във възможно най-голямото сливане с непостижимия за него вечен живот; във все по-голямото и по-голямо сливане на собствената линия на живота с тези две паралелни безкрайни линии, които го теглят към себе си.

Том 55

(1904 – 1906)

1904 г.

3 януари 1904. 3) Движението е илюзия, необходимо произтичаща от нашата отделеност. Не може да се признае, че смисълът на живота е в нашето отделно усъвършенстване (разширение на пределите), защото всяко усъвършенстване, всяко разширение е нищо сред безкрайното пространство и време; да се признае смисъла на живота, както го правех преди, в прогреса – в единението на съществата, също не бива, защото също всяко единение е нищо предвид безкрайността на

пространството и времето. Така че нашият живот е движение само за нас, а в действителност животът е неподвижен...

В това, че моят живот има неразбираем за мен, но дълбок смисъл, в това е истинската и необходимата на хората вяра. Аз вярвам че има Някой, за Когото моят живот има смисъл.

6 януари 1904. 1) Два ума: ум в областта на материалното – наблюдения, изводи, разсъждения за наблюдаваното, и друг ум в областта на духовното: отношение към Бог, към хората, към другите същества, нравствени изисквания... В по-голямата си част, даже винаги, колкото по-голям е единият ум, толкова по-малък е другият.

11 януари 1904. 1) Какво заблуждение, и колко обичайно: да мислиш и казваш: аз живея. Не аз живея, а Бог живее в мен. А аз само преминавам през живота или, по-скоро, появявам се в различен от другите вид.

14 януари 1904. 1) Какво празно занимание е нашата литература под цензура! Всичко, което е необходимо да се каже, което може да бъде полезно за хората в областта на вътрешната, външната политика, икономическия живот и, преди всичко, религиозния живот, всичко, което е разумно, не се допуска. Също и в обществената дейност. Остава една детска забава. „Израїте, израїте, деца. Колкото повече израете, толкова по-малка е възможността да разберете, какво правим с вас.“ Колко ясно ми стана това.

19 януари 1904. 1) Аз – духовно и затова извънпространствено и извънвременно, безкрайно, вечно същество, отделено от своето начало (зная, че гумата и схващането за отделеност е временно-пространствено понятие, но иначе не мога да разбера). И това отделено същество се стреми да излезе от своите предели, като състен газ; и в това е животът, че то, съзнавайки своята духовност, своето единство с Всичко, се стреми да се съедини с него.

25 февруари 1904. 4) Колкото и да ни се иска безсмъртие на душата, таква нещо няма и не може да има, защото няма душа, има само съзнание на Вечния (Бог). Смъртта е прекратяване, изменение на този вид (форма) съзнание, което се е изразявало в моето човешко същество... Вярвам, че не само съм в Бога, но съм проявление на Бога, и затова няма да загина.

29 март 1904. 5) Ако има безсмъртие, то е само в безличността. Истинското Аз е божествената безсмъртна същност, която гледа в света през ограничените от моята личност предели. И затова никак не могат да останат предели, а само това, което се намира в тях: Божествената същност на душата. При смъртта тази същност излиза от личността и остава такава, каквато е била, и е. Божеското начало отново ще се прояви в личност, но това вече няма да е тази личност. Каква? Къде? Как? Това е дело Божие.

24 май 1904. 3) Да, несъмнено, всички хора трябва да преживеят три степени яснота на съзнанието. Първата – когато приемаш ограничеността на божествената сила в теб за отделно същество. Не виждаш своята връзка с безкрайното начало. Втората – когато виждаш, че същността на твоя живот е духът, но неотказвайки се от схващането на своята отделност, мислиш, че твоят дух в тялото на отделното същество е душа. И третата – когато съзнаваш себе си като ограничено проявление на Бог, т.е. на единния истински съществуващ невременен и непространствен. От това има три вида живот: а) живот за себе си, б) живот за хората и в) живот за Бога. От неразбирането на това са споровете, несъгласията, грешките, укорите. Като кърмаче, намиращо се на първата степен, не мога да си внуша необходимостта да помня за другите хора и да се сдържам, така и на човек, живеещ за хората, ще бъдат непонятни доводите за това, че трябва да се живее за Бог, макар че това не би било в съгласие с исканията на хората. От това идват и всички несъгласия и укори. Старай се изобщо да повдигнеш брата на висша степен на съзнание, но

не искай от него съгласие с доводите от тази област, която още му е чужда.

30 май 1904. 1) Всички научни изследвания са нищожни без религиозна основа. Човешкият разум действа плодотворно само тогава, когато се опира на преимуществата на религията. Само религията, поставяйки разумни цели, разпределя постъпките на хората според тяхното значение. Най-прекрасната, доброжелателна, умна постъпка е безобразна, вредна, безсмислена не на място (Глупчо си ти, глупчо...). Мястото се определя само от религията. В името на какво трябва да отгнеш живота си, в името на какво и пръст да не помръднеш. Само религията дава относителна оценка на постъпките, защото единствено тя оценява постъпките по техните вътрешни достойнства. (Не е хубаво, защото не ми се пише.)

2 юни 1904. 1) Човек, възрастен човек без религиозен мироглед, без вяра, е духовен, нравствен инвалид, той може да върши това, което е свойствено за човека, може да живее само благодарение на изкуствени приспособления: забави, изкуство, похот, честолобие, користолюбие, любопитство, наука. И такъв човек – както и инвалидът – винаги е във властта на всички, с него можеш да направиш всичко, каквото поискаш. Такава е цялата наша, цялата европейска (и американска) интелигенция. Тази интелигенция - инвалид не вярва в нищо, не умее да прави нищо, освен глупости, но знае, че трябва да живее. А може да живее само от чужд труд... И затова всички нейни усилия са насочени към това, или да извърти тази вяра, която има народът, или съвсем да лиши народа от нея. С първото дело специално е заето духовенството, с второто учените: наука, литература, изкуство.

10 юни 1904. 1) Съзнанието в нас не е съзнание, а безвременно, извънпространствено начало на живота, което ние съзнаваме, - неподвижно, нетелесно, извънвременно и извънпространствено. То е единствено неизменно, а животът се състои във все по-ясното и по-

пълното му съзнаване. Осъзнаваме го все по-ясно и по-пълно, защото не съзнанието расте, - то е неизменно, - а скриващите го предели изтъняват. Сякаш тъмният, гъст облак, през който трудно проблясва слънцето, движейки се, затува слънцето и все по-светлите и по-светлите части, а слънцето изплува от него. Същото е и с нашия живот. В това е цялото движение на живота. Струва ни се, че ние се движим, а се движи това, което скрива от нас истинската ни същност.

3) Животът, истинският живот е само в настоящето, т.е. извън времето. Колко отдавна зная това, а го разбрах напълно едва сега, и то едва ли „напълно“. Винаги, във всеки момент от живота можеш да си спомниш това, да пренесеш своя живот в настоящия момент, т.е. в съзнанието за Бога. И щом го направил, в миг отпада всичко, което може да те тревожи, спомени за миналото, разкаяние, очакване или страх от бъдещето, и се появява спокойствие, твърдост, радост. Аз изпитвам това сега. И не мисли, че то унищожава енергията на живота и води до аскетически умна молитва и вътрешване в края на носа. Напротив, то дава несравнима с обичайния живот енергич, безстрашие, свободата и добротата.

13 юни 1904. 1) Този Бог, чието съществуване за мен е неизбежно, макар и нищо да не мога да зная за Него, освен че Го има, този Бог за мен е вечно Deus absconditus (Бог съкровен), непознаваем. Съзнавам нещо извънвременно, непространствено, извънпричинно, но нямам никакво право да го наричам Бог, т.е. да виждам Бог и Неговата същност в тази невещестественост, извънвременност, непространственост, извънпричинност. Това е само тази висша същност, към която съм съпричастен. Но Началото, principium на тази същност може да бъде и трябва да бъде съвсем друго и съвършено недостъпно за мен. Ще кажат: ужасно е да се чувстваш самотен. Да, ужасно е, когато си се приучил към мисълта, че имаш помощник, застъпник. Но нали това е все едно, да се укриеш в колиба от бомбите или, още по-лошо, под високо дърво – от мълниците - Няма Бог, когото да мога да моля, който да се грижи за мен, да ме награждава и наказва, но затова пък аз не съм

случайно появило се по нечия прищявка същество, а съм орган на Бога. Той не ми е известен, но моето назначение в него не само ми е известно, но моята съпричастност към Него съставя непоколебимата основа на моя живот.

18 юни 1904. 1) Дали не лъжа себе си, като хвала бедността? Видях това в писмото до Молоствова. Виждам това при Саша. Жал ми е за тях, боя се за тях без каляска, чистота, греха за яздене. Обяснението и оправданието е едно: не обичам бедността, не мога да я обичам, особено по отношение на другите, но още повече не обичам, ненавиждам, не мога да не ненавиждам това, което дава богатството: собственост върху земята, банки, проценти. Дяволът така хитро е подходил към мен, че виждам ясно пред себе си всички лишения на бедността, а не виждам тези несправедливости, които ще ни избавят от нея. Всичко това е скрито и всичко това се одобрява от мнозинството. Ако въпросът би бил поставен направо, колкото и болно да ми бъде, бих го решил в полза на бедността. Въпросът трябва да се поставя направо и да се решава направо.

28 юни 1904. 6) Мислих за състоянието на душата във висшето съзнание. Намирайки се в това състояние, се сливаш с висшата воля. Висшата воля е в благо, т.е. в просвещението на хората. И затова в това състояние не бива да си неподвижен. Напротив, всичко призовава към деятелност, само че насочена не към теб, а към другите. В това състояние е естествено да се възползваш от всеки случай да служиш на Бога и хората. И какво успокоение! Колко е трудно да угодиш на себе си, и колко е лесно да угодиш на Бога, на хората. И не да търсиш това служение, а да се възползваш от всеки случай. Когато търсят, то това е признак за това, че не се възползваш от случаите, които ни заобикалят винаги и навсякъде.

7 юли 1904. Но какво да се прави? Нищо ли? Не, прави всичко, каквото ти се иска, каквото е вложено в теб, но го прави не за добро (добро няма, както и лошо), а заради това, че го иска Бог.

12 юли 1904. Смъртта е пробуждане. Сега, живеейки, аз се намирам в това положение, в което се намирам, когато спя. Струва ми се, че преживявам разни събития, състояния, но всичко това е нищо и е само произведение на моето пробуждане. Струва ми се, че има време, пространство, а нищо такова няма, има само пробуждане. И че целият ми живот не е временен, ще почувствам, ще осъзная в момента на пробуждането – смъртта.

17 юли 1904. 3) Социализмът, освен за сегашното облекчение положението на работниците, е проповед за създаване на външни форми, на бъдещото икономическо устройство на човешките общества. И затова il a beau jeu (той има успех). Всичко се представя в бъдеще, без съдържание и осъществяване в настоящето, освен борбата за подобряване живота на работниците. Главната грешка в разбирането на социализма е, че под това понятие се смесват две неща: а) борбата с експлоатацията на капитала и б) въображаемото движение към осъществяване на социалистически строй. Първото е полезно и естествено дело, а второто – невъзможно фантастично представление.

18 юли 1904. 2) Обърни се към хората със своята духовна, божеска страна: на разума и любовта, на разумната любов, на любовния разум – и ще ги привлечеш към себе си и сам ще се привлечеш към тях. Обърни се към тях с телесната, личната страна – и неизбежно отдалечаване, борба, страдание.

22 октомври 1904. 1) Отново, както става тъй често с мен, идва мисъл, изглеждаща странна, парадокс; но идва от друга страна, втори, трети път, започваш да мислиш за предметите и мислите, свързани с нея, и

изведнъж идваш до убеждението, че това не само не е парадокс, не е случайна мисъл, а най-главната, най-важната, която открива нова важна страна на живота. Така беше с мен с мисълта за призванието на човек да се усъвършенства. Много внимателно и плахо се отнасях към тази мисъл, защото на някои тя се струва баналност, а на други нещо неприятно, глупаво смешно, против което озлобено се изправят. И ето аз стигнах до убеждението, че това е мисъл, разрешаваща всички съмнения, че в това е ясният и единствено достъпен нам смисъл на живота. Защо е нужно да се усъвършенстваме, не зная и не мога да зная. Но ако не зная защо, то аз несъмнено зная, че в това е законът и целта на нашия живот. Зная това по три най-убедителни довода: защото, първо, целият ни живот е стремеж към добруване, т.е. към подобряване на своето положение. И стремежът към усъвършенстване не е предписание на разума, а свойство, вродено у човека. Всеки човек винаги съзнателно или несъзнателно се стреми към това. Това първо. Второ, това е единствената дейност от всички човешки дейности, която не може да бъде спряна и която в притеснения, страдания, болести и в самата смърт може да се извършва така свободно, както винаги. Това второ. Третото доказателство за това, че това е отредено на човек, е това, че за човека, съзнателно поставил си тази дейност за цел, изчезва всичко това, което наричаме зло, или по-скоро се претворява в добро. Гонения, оскърбления, нужда, телесни страдания, болести собствени и на близки хора, смъртта на приятели и своята собствена, всичко това такъв човек приема като нещо, което не само трябва да бъде, но като нещо, което му е нужно за неговото усъвършенстване.

11) Трябва да се примирим с тайната, която ни обкръжава, да признаем нейната непроницаемост и да знаем, къде да се спрем в поставянето на въпросите и в отговорите на тях.

12) Но все пак е грешно да не се отговаря на метафизични въпроси, както и на всички.

13) Можем да знаем за нашия живот, за неговото предназначение и смъсъл точно толкова, колкото ни е нужно за нашето благо.

5 ноември 1904. Всъщност, всички вярващи в добрия Бог не могат да не вярват в това, че в света няма зло, и, главното, че нито един човек не може да направи зло на друг човек. Аз не бих могъл нито да вярвам в Бог, нито да живея в такъв свят, в който Нерон, Екатерина, глупавият Николай могат да причиняват нещастия на хората. Това не може да бъде. А ако е така, то няма нито разум, нито Бог.

3) Трета нощ поред изпитвам сиротно чувство, чувствам се отделен от Бога, с прекъснато общение с Него. Това не Му е нужно. А аз не мога без Него. Колкото и глупаво, неоснователно, младенческо да е моето отношение към Него, но то ми е нужно. Нужно ми е за известна дълбочина и висота на съзнанието.

Казват: може да се мине и без Бог. Разбира се, възможно е за този, който не е дорасъл до общението с Него. Аз прекарах без Него повече от половината си живот. И сега не се нуждая от Него, когато живея животински живот. Всеки от нас несъмнено знае, кога е най-здрав физически. Също така всеки мислещ човек знае, кога е най-здрав духовно. Ето в такива минути на духовно здраве не бива да се мине без Бог.

24 ноември 1904. 1) Би могло да се стори странно, но е несъмнено, че само в това, което са наричали ереси, се е проявявало и движело, т.е. се е изяснявало, ставало е достъпно християнството. Ересите може да са били нехристиянски, погрешни, но е несъмнено, че ученията, признаващи държавната, организирана религия: католицизъм, православие, лутеранство, не са били християнство.

1 декември 1904. Започнах „Кой съм аз?“. Много ми е хубаво на душата. Не мога достатъчно да благодаря на Бога, Бога, Бога (не се боя от тази дума и понятие) за всичко, което ми е дадено.

11 декември 1904. 1) Хората казват, че със своята дейтелност искат да служат на човечеството, на неговото развитие, като че ли могат да знаят, че в този безкрайно сложен процес на усъвършенстване на човечеството, какво и как съдейства и какво пречи на това развитие. А

за да не сгреша и наистина да съдейства за всеобщото усъвършенстване, човек може да прави само едно: сам да се усъвършенства, да се старае да бъде съвършен като Небесния Отец.

7) Медицината наука и практика, също както пианството, милитаризма, разкоша и потискането на работниците, е едно от най-големите бедствия на нашето време, и има същия произход като на другите бедствия: именно, отсъствието на религия, т.е. признаването на собственото ни положение в света. Основата за разумното (религиозно) разбиране на живота е *metemento mori*, т.е. памет за смъртта, - не толкова памет, колкото разбиране за краткостта и преходността на живота. Медицината наука е длъжна да се занимава само с живота, да търси средства за неговото удължаване. И този възглед се усвоява от тълпата. Обаче се свършва с това, че медицината не успява да удължи живота, а постига само това, че разваля живота, лишава го от разумно разбиране; да не говорим за нравствените ужаси на страха от зарази и нелепите теории за заразните бактерии.

22 декември 1904. 4) Има само два начина за съвместен живот в съгласие на хората: подчинение на един или няколко разпоредители под страх от насилие или свободно съглашение на хората, не изключващо и разпоредители, когато е нужно, но без право на насилие.

б) Животът, който създавам, е прохождение на духовната неограничена (божествена) същност през ограниченото с предели вещество. Това е вярно.

31 декември 1904. 1) Процесът на унищожаване пределите на тялото е радостен – би трябвало да е радостен. Животът е смърт. Ако обичаш живота, обичай и смъртта. Ако обичаш плътската любов, обичай и децата. Както плътската любов води до деца, така и животът води до смъртта. Смъртта е плод на живота. Как да не я обичаш, как да се страхуваш от нея? Колко много зло е причинила на хората лъжливата църковна вяра, според чието учение назначението, целта на живота –

смъртта – и дейтелността, употреблението на жизнените сили – трудът – се представят като зло, наказание за греховете! Трудът, грехът, смъртта са признати за зло. А трудът е не само най-доброто, но и единственото употребление на живота, грехът е осъзнаването на своята грешка, смъртта е достигането на целта. И всичко това е признато за зло.

4) Предаването на Порт Артур ме озорчи, мъчно ми е. Това е патриотизъм, аз съм възпитан в него и не съм свободен от него, също както не съм свободен от личния егоизъм, от семейния егоизъм, даже от аристократическия, и от патриотизма. Всички тези егоизми живеят в мен, но у мен има съзнание за божествения закон, и това съзнание гържи юздите на тези егоизми, тъй че мога да не им служа. И тези егоизми по малко атрофират.

5) Съвестта е въздействие на съзнанието на вечното, божественото начало върху временното, телесно съзнание. Докато не се събуди това съзнание, няма съвест. Напрасно ще се обръщаш към нея.

1905 г.

1 януари 1905. Не мога да се нарадвам на своето щастие. Бях у Маря Александровна. Тя изпитва същото. Колко леко би било на всички да живеят така. Ах, ако можех поне малко да съдействам за това!

1) ... Да търсиш т.нар. щастливи условия за живот: богатство, слава, здраве, красотата, привлекателност, е все едно да се зреееш до печката, а не да се трудиш здраво на чист въздух.

2) Устройването на външните форми на обществен живот без вътрешно усъвършенстване – все едно да пренареждаш без гасена вар, по нов начин, рушащо се здание от неодоляни камъни. Както и да зидаш, все няма да е защитено от лошо време и ще се руши.

20 януари 1905. 1) Живеем само, за да се ползваме от благомото на живота. Целият смисъл на живота, достъпен за нас, е само в това, да имаме възможност да участваме в божия живот; и затова трябва да бъдем

щастливи. Ако сме нещастни, това означава само, че правим не каквото трябва, или че не правим каквото трябва. Тъй че не само благото е последствие от изпълнението на дълга, но нашият дълг е да изпитваме благо.

2) Музиката е стенография на чувствата. Ето какво значи това: бърза или бавна последователност от звуци, тяхната височина, сила, всичко това допълва гумите и техния смисъл в речта, показвайки тези оттенъци на чувствата, които са свързани с частите на нашата реч. Но музиката без гуми взема тези изражения на чувства и оттенъци и ги съединява, и ние получаваме игра на чувства без това, което ги предизвиква. Затова тъй особено силно въздейства музиката, а от съединяването на музиката с гумите се получава отслабване на музиката, има връщане назад, изписване на стенографските знаци с букви.

6 март 1905. 2) Помислих за това, какво се преподава в нашите училища, гимназии: главните предмети: 1) древни езици, граматика – ненужни за нищо; 2) руска литература, ограничаваща се до съвременниците, т.е. Белински, Добролюбов и ние, грешните. Цялата велика световна литература е закрита. 3) История, под което се разбира описание на скверния живот на разни негодяи крале, императори, диктатори, военачалници, т.е. извращаване на истината, и 4) венец на всичко – безсмислени, глупави предания и догми, които наричат гръзко Закон Божи.

4) Истинското религиозно учение трябва да се състои в това, да показва на хората преимуществата на вечното, духовно съзнание пред временното и телесното, да научи хората да ползват временното и телесното за достигане на духовните цели.

24 май 1905. 5) Говорят за нечестността на селяните, за лъжливостта, за крадливостта. Ужасното е, че ние, които сме ограбили и ограбваме селяните – ние сме виновни за това. Каква честност, правдивост да

изискваш от човек по отношение на разбойниците, които са го ограбили и завладели?

9) Как никак не познаваме живота на трудовия народ! Не знаем за всички жертви на живота, които те понасят заради своя труд. Мислех за всичко това, гледайки как изравяха засипания Семьон Владимиров. Саможертвата, радостта от саможертвата – видна в Алексей Жидков, Герасим. Удивително. Трябва да се обясни това на хората.

6 юни 1905. 11) Струва ти се, че отслабваш, остаряваш, умираш, а то – укрепваш, растеш, раждаш се.

12) Не трябва да уговаряш, може само да помагаш за възвръщането във всемирния духовен живот: съединяването с Бога.

13) Ти си само предавателно оръдие, чрез което действа божията сила. Твоята задача се състои само в това, да поддържаш в изрядност оръдието – себе си, своята душа.

14) Аз съм оръдие, с което работи Бог. Моето истинско благо е в това, да участвам в Неговата работа. А мога да участвам в Неговата работа само като поддържам в ред, чистота, острота, правилност оръдието, което ми е дадено.

15) Да не се занимаваш със себе си, а да работиш някаква външна работа, която смяташ за нужна, е все едно да сечеш с тъпа брадва. Само ще развалиш брадвата и ще раздробиш на трески това, което сечеш, и нищо няма да направиш, няма да построиш.

31 юли 1905. 9) Главната пречка за осъществяване учението на Христа за жените е тяхната лъжливост, освобождаването им от техния дълг – раздането на деца.

10) За съществуването на разумно, нравствено общество е необходимо жените да се намират под внушението на мъжете. В нашето общество е обратното: мъжете се намират под внушението на мъжете.

11) Много по-добре е жените да кокетничат с рамене и задници, отколкото с принципи, убеждения...

15) Страдаш от това, че хората не са религиозни, не разбират религиозните изисквания, и като им досаждаш се озорчаваш. Трябва да се разбере, че способността за религиозно отношение към живота (сега най-висшата човешка способност) не може да бъде предадена с разсъждения или с каквото и да било духовно въздействие върху хората, които я нямат. Както не можеш да научиш кучето да затваря вратата, или конете да не тѳпчат тревата, или диваците да си направят къща или приготвят храна, докато у тях не се развие разсъдък, така не можеш да научиш хората – а те са болшинството сега – да живеят, разбирайки цялото значение на своя живот, т.е. да живеят, ръководейки се от религиозно съзнание. Такива хора едва сега започват да се създават – явяват се един на хиляда, и се появяват съвършено независимо от начина на живот, от материалната задоволеност, от образованието, също толкова и даже повече са те сред бедните и необразованите. Количеството им постепенно се увеличава, и изменението на общественото устройство зависи само от увеличението на техния брой.

20) Седим на двора, обядваме с 10 вида гозби, сладолед, лакеи, сребро, и идват бедняци, и добрите хора продължават спокойно да си ядат сладоледа. Удивително!!!!

23) Разликата между правилата и законите е, че правилата се предписват, а законите се осъзнават. Такива са законите на християнството.

24) Руската революция трябва да разруши съществуващия ред, но не с насилие, а пасивно, с неподчинение.

28) Социализмът е едно от малкото приложения на християнството, но е неверен, защото е непълнен.

27 август 1905. 2) Най-хубавото състояние е, когато нищо не желает. Но тогава какво е благо? Благо е трудът за изпълнение волята на Този, който те е пратил.

4) Всичко е благо. Всички бедствия само разкриват божественото, безсмъртното, самозадоволяващото, което съставлява нашата основа.

А най-голямото бедствие според хорските съждения – смъртта, ни открива напълно нашето истинско „аз“.

6) Хората често се страхуват, че може да се случи нещо особено. Но, уви, нищо особено не може да се случи с човека извън много тесните предели. И често на хората се иска също да почувстват нещо особено, велико. Нищо особено не могат да почувстват хората. Висшето чувство, достъпно за човека, е съзнанието за предаността на Божията Воля.

9 септември 1905. 5) В най-лошите мигове не чувствам Бог, съмнявам се в него. Същото беше и вчера през нощта. И спасението е винаги едно, и е вярно. Да престанеш да мислиш за Бог, а да мислиш само за неговия закон – и да го изпълняваш: да обичаш всички, да не обичаш себе си, и съмнението веднага ще изчезне, и ще живея.

6) Всички революции са били все по-голямо и по-голямо осъществяване на вечния, единния, всемирния закон на хората.

7) Законът (Божий) е един за всички хора: законът за умирането на плътта и за възкресението на духа - ...в този живот и винаги.

19 септември 1905. 5) Само миналото ми е благо. Бъдеще няма. В настоящето е възможно благо.

6) Човек е спокоен само, когато живее по висшия закон, който му е достъпен, какъвто и да е той.

7) Понякога мисля, че нямам право да говоря за Бог. Не мога нищо да зная за него...

Чета Кант. Много хубаво.

12 октомври 1905. 3) Съвършено ясно разбрах и почувствах цялото безумие на живота на нашите богати и освободени от труда съсловия, и че това не може да бъде иначе. Неработейки, т.е. неизпълнявайки един от законите на своя живот, хората не може да не се побъркат. Така полудяват от прехранване домашните животни: коне, кучета, свине.

23 октомври 1905. Революцията е в пълния си разгар. Убиват и от двете страни. Появи се нов, неочакван и отсъстващ в прежните европейски революции елемент – „черни сотни“, „патриоти“: по същността си, хора, грубо, неправилно, противоречиво представляващи народа, неговите искания за неупотреба на насилие. Противоречието е в това, както винаги, че хората искат да прекратят, да обуздаят насилието с насилие.

Въобще лекомислието на хората, извършващи тази революция, е удивително и отвратително: детинщина без детска невинност.

5) Човек не познава, не може да познае не само общия смисъл, но и този на собствения си живот. Но той има нужда от метафизическо обяснение за смисъла на живота, както на неговия собствен, тъй и на целия свят. Аз търсих навсякъде – и в чуждите души и умове, и у себе си, това обяснение, и не намерих нищо по-просто, по-удобно и най-относително вярно от това, че има Бог и ние сме длъжни да изпълняваме Неговата воля.

6) „Да служиш на Бог“. Разбира се, това е безсмислено за хора, които никога не са мислили за смисъла на своя живот. Това е лекомислие, и то е простимо; но когато това лекомислие е обмислено и изпитано, като нищезанството, това вече е глупост, sottise.

7) Щастие е удовлетворяване на желанията на животинското същество; благо е удовлетворяване на стремежите на целия живот на духовното същество.

3 ноември 1905. 1) Яздих към върха и мислих за своя живот: за безделието и слабостта в по-голямата му част. Само сутрин изпълнявам своето назначение – пиша. Само това се иска от мен. Аз съм нечие оръдие.

2) В цялата сегашна революция няма идеал. И затова не е революция, а бунт.

4) Истинският живот е съзнаване на себе си, и той е нравственият живот. Аз съзнавам себе си. Кои е този аз, който съзнава себе си? Това е божественото, вечно, всемирно начало, към което мога да бъда

причастен. Свободата на волята е само в това, че можем да преминаваме от низшето съзнание във висшето

16 декември 1905. 1) Често чувствам (а може би това е заблуда, прелест), че през мен иска да премине, иска да бъде изразена от мен ялната истина, а аз все не мога да я облека в най-достъпната форма. Тази истина е проста, до глупост проста: че за хората е най-добре да живеят не всеки за себе си, а за всички, както иска Бог. И че това е най-добре и за тялото и за душата. Може би ще ми се удаде да изкажа това. Разбира се, не за да ме хвалят или да се радват на това, което съм направил, а само заради това, да направя каквото трябва. – Било то само да подкладя огъня. Пък ако ще да изгоря, преди да се разгори огънят.

27 декември 1905. 1) Четох „Мисли на мъдри хора“. Казано е: всички страдания са от незнание. Спасението от страданията е знанието. Истинското знание се достига чрез усъвършенстване. И затова спасението от страданията е едно: усъвършенстване. Усъвършенстването се постига с работа над себе си в тишина, а не чрез външно изменение формата на живота. Искане ми се да добавя към това, че работата над външното изменение формата на живота, както това се върши сега у нас, не само нарушава тишината, необходима за вътрешната работа, но винаги понижава равнището на нравствеността. Много го понижава.

2) Дунаев се ужасява от зверствата на хората. Аз не се ужасявам. Това изглежда удивително, но произлиза само от това, че ужасът, който той изпитва сега при проявяващото се зверство (причината за което е в отсъствието на религия), аз го изпитах преди 25 години, когато видях себе си като въроръжено с разсъдък животно, лишено от всякакво разбиране за смисъла на своя живот (на религията), и се видях заобиколен от все такива хора. Тогава се ужасих и се удивлявах само на това, че хората не се колят идушат един друг. И това не е само ефектен израз, че се ужасих тогава. Аз действително се ужасих тогава

едва ли не повече, отколкото се ужасяват сега. Това, което се върши сега, е същото, от което се ужасих и което очаквах. Аз - като човек, стоящ на вагона с възлища след локомотива на влак, летящ под наклон, който се е ужасил, виждайки, че не може да спре влака. А пътниците се ужасили едва когато станала катастрофата.

3) Целият закон Божи се състои в едно нещо: да признаеш себе си за „раб божи“, да съсредоточиш всичките си желания в едно: в изпълнение на делото, за което си определен. Делото е едно: ти самият, твоята душа, довеждането ти до най-висшето достъпно за теб съвършенство.

4) Нищо не потвърждава тъй очевидно - че делото на живота е именно изпълнение на Божията воля – от това, че каквото и да си желал извън своето усъвършенстване и колкото и пълно да се е удовлетворило твоего желание, и колкото и бързо да е било удовлетворено, тъй бързо се унищожават прелестта на желанието. Колко неща си желал, започвайки от това да ти пораснат мустаци, и стигайки до това, да се учреди република в Русия, и щом само ти пораснат мустаци и се учреди република, се удивляваш, как си могъл да пожелаеш такова нещо, което не може да те радва.

Само търсенето на Царството Божие и неговата истина вътре в теб ти дава истинска, не преставаща, а нарастваща радост. Всяка крачка напред по този път носи със себе си своята награда, и тази награда я получаваш веднага. И нищо не може да ти отнеме тази награда.

31 декември 1905. 2) Моята двойственост: ту сутрин и нощем съм истински мъдрец и добър човек, ту съм слабо, жалко същество, което не знае какво да прави със себе си. Разликата е в това, че първото е истинско, а във второто състояние зная, че съм в мъглата на заблужденията.

1906 г.

6 януари 1906. 1) В мислите на мъдрите хора, днес, 6-ти, на Ръскин, за това, че грехът на хората е грехът на Юда, това, че хората не вярват

на своя Христос и го продават. За първи път разбрах: Да, главната грешка – източникът на всякакви страдания и бедствия е, че не вярваме в своята божественост и я продаваме за лещената чорба на телесните радости.

30 януари 1906. 3) Струва ми се, че движението на религиозното съзнание и чувство е било и е то какво: Осъзнал в себе си духовната сила: божественото начало, човек съзнавал и ограничеността в себе си на това начало: подчинението му на външни въздействия, и вследствие на това признавал съществуването на това начало извън себе си в много по-мощна (и по-малко ограничена), отколкото в себе си, форма: фетишизъм, поклонение на героите. Отначало тези божества били съвсем малко отдалечени от човека, тъй че той се отнасял фамилиарно към тях: принасял им жертви, подкупвал ги, подмазвал им се, в най-грубите прояви даже ги наказвал, не им давал жертви, биел ги (както чувашите своите идоли), правел съглашения с тях, като Завета на евреите, и т.н.

2 февруари 1906. 3) На хората им се струва, че не може да се живее без управление, но нали също така им се е струвало, че не може без мъчения, без роби, без магии, гадания. Тези, които казвали, че не са нужни мъчения, роби и др., не са се залавяли да доказват, че може да се живее и без тях, а просто казвали, че това е лошо - противно и на разумната и на добрата природа на човека. Същото е и с управлението. То е лошо, ужасно зло и материално и духовно. А злото не може да бъде необходимо, че без него да не може да съществува човечеството.

4) Струва ми се, че вече неведнъж съм изразявал това. Но вчера с особена яснота ми дойде мисълта, че грижата за себе си, цялото внимание, насочено към самия мен, е много лошо, ужасно състояние, когато това аз към което са насочени грижата и вниманието, е телесното аз със своите чувствени и умствени радости. Но съвсем на е така, когато цялата грижа, цялото внимание са насочени към духовното аз, към общото за всичко живо аз, когато цялата грижа и

внимание са насочени към усъвършенстването на това аз, т.е. разширяването му, сливането му с Бога и с всичко живо. (Обичай Бога и ближния.) – Само служейки на това аз е възможно благо – своето и на всички хора.

5) Бог може да се познае само чрез изпълнение на Неговия закон. („Правете това, което ви казвам, и ще разберете дали е истина.“) За да познаеш Бог, трябва да се слееш с Него. За да се слееш с него, трябва да изпълняваш Неговия закон.

2 март 1906. 15) Мислех: какво би било, ако всички хора разбираха и съзнаваха, че животът е само запазване на своето духовно „аз“ пред Бог и за Бог?! Защо да е невъзможно? Не само че е възможно, но е необходимо.

2 април 1906. 1) В последно време стана съвършено ясно, че земеделският живот не е един от различните видове живот, а е живот, като книга – библия, самият живот, единственият човешки живот, при който е единствено възможно проявяването на всички висши човешки свойства. Главната грешка при устройството на човешките общества, която отстранява възможността за разумно устройство на живота, е тази, че хората искат да устроят общество без земеделски живот или устройство, при което земеделският живот е само една и то най-незначителната форма на живот. Колко прав е Бондарьов!

17 април 1906. 3) Само при земеделския труд всички могат да имат разумен, нравствен живот. Трябва да се докоснем до земята.

25 април 1906. 10) Питат: защо има страдания? А трябва да се пита: от какво са страданията? Страданията идват от това, че в човека е заложено, първо, съзнание за неговото единство с Бог и с всичко съществуващо, и второ, стремеж към благо, към всеобщото благо. Когато човек е достигнал до съзнанието за своето всеединство и същевременно търси благо единствено за себе си, той вместо благо

получава и предизвиква страдания. Страданията показват на човек, че неговото благо е благо на всички. А всеобщото благо се постига само с едно средство: любовта.

Любовта е съединяване на съзнанието за всеединство и стремежа към благо.

22) У човек има, освен съзнание за своя живот, и висше съзнание, способност да се запита: истинно ли е и добро ли е това, което върша? Значи, в самия човек има мяра за истинното и доброто. В него, значи, има истина и добро.

24) Сънувах, че прогонвам сина си; синът - съединение на Илия, Андрей, Серьожа. Той не си тръгва. Съвестно ми е, че съм употребил насилие и че не съм го довел до края. Тук присъства Стахович, и ми е срамно. Изведнъж този събирателен син започва да ме измества със задник от стола, на който седя. Дълго търпя, после скачам и замахвам към сина със стола. Той побягва. Става ми още по-съвестно. Зная, че не го е направил нарочно. Синът го няма. Идва Таня и ми казва, че не съм прав. И добавя, че отново започва да ревнува мъжа си. Цялата психология е необикновено вярна, а няма нито време, нито пространство, нито личност.

3 май 1906. 5) Каква радост е да познаеш в себе си Бога! А в това, само в това е животът. Да познаеш в себе си свободно, разумно, любящо и затова блажено същество.

22 май 1906. 1) Само бъди напълно предан на волята на непостижимото, тайнственото начало – Бог – и посвети живота си в изпълнение на тази воля, и всичко ще бъде леко.

6 юни 1906. 5) Денят не е тази минута, която преживявам сега, а е всичко, което става от изгрев до залез слънце. Тази представа ми е дадена и от опита, и от спомена, и от разума. Също и представата за моя 40-годишен син. Той не е този плешив човек, който сега разсъждава

за политика, а това съществува, което се е родило, играло, учило, заблуждавало, възмъжало, и което ще остарее и умре. И така са всички.

3 юли 1906. 5) Към „Кръгът на четене“. Четири раздела:

1. Човек не живее за себе си, а за изпълнение на Божията воля.

2. Какво е Бог? Закон и законодател.

3. В какво се състои Божията воля? Във възвеличаването в себе си на Божия дух.

4. Какво очаква човека? Нищо не го очаква, а сегашното и вечното благо дава изпълнение на Божията воля.

13) Често гледаме на гревните като на деца. А ние сме деца пред гревните, пред тяхното дълбоко, сериозно, чисто разбиране на живота.

17) Какво спокойствие и безстрашие, ако желаеш само едно: да изпълниш Божията воля, Божието дело сега: да обичаш хората и да мислиш само за това.

24 август 1906. 20) Хората могат да живеят разумен и радостен живот само ръководейки се от религиозния закон. Без религия – страсти и хипнози, т.е. страдания и робство.

21) В последно време, гледайки хората, лишени от всякаква религия, започнах да уважавам хората, вярващи в Бог, макар и да си Го представят в най-груби форми. Вярата в иверската икона все пак е по-добро от пълното отсъствие на признание на висшия закон.

24 септември 1906. 9) Какво може да бъде по-отвратително от половото сношение. Стига само да се опише в подробности този акт, за да предизвика най-ужасно отвращение. И затова винаги у всички народи, излизайки от животинското състояние, встъпвайки в духовния живот, се е появявал срам от половия акт. Ако се запиташ защо е така, то отговорът е ясен: за да се въздържа човек от този акт в свят, в който той е разумно, духовно същество, и да го извършва само когато няма сили да се пребори с похотта. А за продължението на рода, докато е нужно, е заложено страстно животинско влечение към този

акт. Какво извращение на човешката природа е възвеличаването и възхваляването на този акт и на частите на тялото, нужни за него! Каквото правят сега така наречените естети, художници.

30 септември 1906. Чета Гьоте и виждам цялото вредно влияние на този незначителен, буржоазно егоистичен даровит човек върху това поколение, което заварих – в частност бедния Тургенев с неговото възхищение от Фауст (съвсем лошо произведение) и Шекспир – също произведение на Гьоте - и главно, с тази особена важност, която се приписва на разните статуи на Лаокоон, Аполон и на разните стихове и драми. Колко се мъчих, когато заобичах Тургенев, и исках да заобичам това, което той така високо ценеше. Старах се с всички сили и никак не можах. Колко ужасна е вредата от авторитетите, прославлените велики хора.

10 октомври 1906. 5) Записано е така, след много тежко настроение: не е ли твърде отвратителен нашият живот: развличат се, лекуват се, пътуват занаякъде, учат нещо си, спорят, занимават се нещо, което не им влиза в работата, а живот няма, защото няма отговорности. Ужасно!!!! Все по-често и по-често чувствам това.

6) Ходих на разходка. Чудно есенно утро, тихо топло, зеленина, мирис на листа. А хората вместо тази чудна природа, с полята, горите, водите, птиците, зверовете, си устройват в градовете друга, изкуствена природа, с заводски комини, дворици, локомотиви, фонографи.... Ужасно, и никак не можеш да оправаш това.

7) Много важно. Хората от нашето време се гордеят със своята наука. Това, че така се гордеят с нея, най-добре от всичко показва, че тя е фалшива. Истинската наука се познава по това, или по-точно, несъмненият признак на истинската наука е съзнанието за нищожността на това, което знаеш, в сравнение с това, което се разкрива. А че науката е фалшива, в това няма никакво съмнение. Не че това, която тя изследва е невярно, а че не е нужно. И аз съм твърдо уверен, че хората ще разберат това и ще започнат да разработват

единствената истинска и нужна наука, към която сега се отнасят лошо
– НАУКАТА ЗА ТОВА, КАК ДА СЕ ЖИВЕЕ.

14 октомври 1906. Трябва да запиша само:

1) За това, че нашето християнство, по-скоро Павлианството, е тъй далеч от истинското християнство, че трябва не само да се обявява, а да се опразва и спасява.

20 октомври 1906. Не, радвам се, че съзнаването на духовния живот, на Бога в мен, не отслабва. Изпитвам съвсем ново състояние на съзнанието, когато признавам себе си не за Лев Толстой, а за проявление на духовно безпределното, единно същество: равнодушие към мнението на хората, към състоянието на тялото, даже към своята производителност. Изпитвам кроткото, любовно безстрашие на всемогъществото. - Прекрасната руска пословица: „като пред Бога“. Да живееш пред Бога.

1) Неясното, за мен, понятие за Бога. Нямам никакво право да говоря за Бога, когато знам само, че в мен има нещо свободно, всемогъщо - исках да кажа „благодатно“, но това качество не може да бъде приписано на това „нещо“, тъй като всемогъщото и свободното и единното не може да не бъде благодатно. Познавам това съзнание и мога да живея в него, и в пренасянето в това съзнание на целия собствен живот е най-висшето благо за човека.

2) Съзнанието е съзерцание на съзерцателя. Съзерцателят е зависим, съзерцанието е свободно.

5) Успехът на революцията зависи от освобождаването от заблудите.

8) Все повече и повече ме занимава мисълта за отделянето на християнството (аз направих това отчасти несъзнателно) от църковното, главното - Павловото християнство. За първи път чувствам, че на моята възраст това начинание не е по силите ми.

23 октомври 1906. Ах, ах колко хубаво би било никога да не губиш откровеното си отношение към Бога, изключващо всякакъв интерес към

людските съждения. И това е възможно. Може да бъдеш в силно и слабо състояние, в състояние на бездействие, но не трябва да се поддаваш на съблазънта на желанието да обичаш себе си. Тази страшна съблазън, начеваща от ранното детство, която и досега ме гържи, или, по-скоро постоянно ме подчинява на своята власт. Сега съм свободен, благодарение на феълетона. Но задълго ли.

9 ноември 1906. 13) Не е хубаво да уверяваш себе си, че обичаш хората, че живееш с любов, да повтаряш фалшивите думи на Павел или сам да измисляш такива. Как да обичаме, когато целият ни живот се основава на злото. Всичко, от което се ползвам, е направено с проклятие, направено е по неволя, от нужда, от която се ползвам аз. Да говорим за нашата любов към хората, даже да призоваваме в себе си чувства, подобни на любов, е все едно да се покрива с лак неоялано гърво, да се браносва неизорана нива. Ние живеем от потисничеството на нашите братя. Преди да обичаме, трябва да престанем да живеем от техните страдания.

16) Християнското човечество е изправено пред дилема: да се отрече не само от християнството, но и от всякаква религия, или да се откаже от гържавата, от могъществото, от силата. Европейците, французите, англичаните, американците, немците като че ли клонят към първото решение: отказ от религията; надявам се, че руснаците ще изберат второто.

17 ноември 1906. Чертков е болен и много се страхувах да не го загубя.

3) Често, особено сега, с нова сила си спомням и разбирам: *Fais ce que dois, advienne que pourra* (Прави каквото трябва, а да става каквото ще). Човек ходи, Бог води. Всичко е в това: да не мислиш за последствията от постъпките, а за добротата, божествеността на постъпките. Разбирането на това променя целия живот.

7) Разбираеми са вярванията на будизма за това, че докато не стигнеш до пълно самоотричане, ще се възвръщаш към живота (след смъртта). Нирваната не е унищожение, а този нов, неизвестен, непонятен нам

живот, в който вече не е нужно самоотричане. Будизмът не е прав само за това, че не признава целта и смисъла на този живот, водещ към самоотричане. Ние не го виждаме, но го има, и затова този живот е също толкова реален, колкото и всеки друг.

8) Нищо не е по-гнусно от егоизма, който се отнася към своето телесно аз, и няма нищо по-висше от този, който създава само своето духовно аз и единствено на него служи.

23 ноември 1906. Настигна ме Абакумов с молба и жалба за това, че заради гръбовеите са го осъдили на затвор. Много ми беше болно. Той не може да разбере, че аз, мъжът, не мога да сторя каквото искам, и вижда в мен злодей и фарисей, криещ се зад жена си. Не се надвих да го изтърпя с любов, казах на Абакумов, че не бива да живеея тук. И това не е добре. Въобще все повече и повече ме ругаят от всички страни. Това е хубаво. Тласка ме към Бога. Дано само да се задържа в това състояние. Изобщо чувствам една от най-големите промени, извършващи се в мен именно сега. Чувствам това по спокойствието и радостта и доброто чувство (не смея да кажа: любов) към хората. Почти всички мои предишни писания от последните години, освен Евангелието и някои други, не ми се нравят с недобротата си. Не ми се иска да ги давам.

27 ноември 1906. 2) На народния език да милееш означава да обичаш. И това е вярно определение за този вид любов, който повече от всичко свързва хората и предизвиква в тях любовна деятелност. Има една любов, когато, виждайки висотата, истината, радостността на човека – съществуването, чувстваш своето единство с него, искаш да бъдеш като него. Това е любов на низшето същество към висшето. А има и любов, и то най-неужната – пренасяне на себе си в друг, страдащ човек, състрадание, желание да му помогнеш. Това е да жалиш, милееш – обичаш. Първата любов може да премине в завист, втората може да премине в отвращение. – Първата любов: любовта към Бог, към светите, към най-добрите хора, е присъща на човек, но особено важно е да развие в себе си втората и да не ѝ позволява да се изврати в

отвращение. В първата любов ние съжаляваме, че не сме като тези, които са по-добри от нас, във втората любов съжаляваме, че хората не са такива като нас: ние сме здрави, цели, а те са болни, сакати. Ето тук трябва особено да се стараем да изработим в себе си такова отношение към духовно болните хора, развратените, заблуждаващите се, гордите (което е особено трудно), както и към телесно болните. Да не им се сърдим, да не спорим с тях, да не ги осъждаме, а ако не можем да помогнем, да ги съжаляваме за това, че тази духовна осакатеност и болест, която те търпят, не е по-лека, а още по-тежка от телесните.

29 ноември 1906. 1) Мислих за това, което наричаме Бог, за началото, без което нищо не би съществувало, и си спомних, че Христос не го наричал Бог, а Отец, и не в смисъл на личността на бащата, на неговата любов към децата, а главно, в смисъл на източник, на началото на всичко... Важното е, че в молитвата Отче наш, и в най-добрите места от Евангелието – навсякъде е Отец.

3) Подбужда към дейност и принуждава към въздържание преди всичко животинската природа на човека. Заради изискванията на животинската природа човек отива на лов и заради тези изисквания не яде сурово месо или неузрял плод, а вари и чака. Освен животинската природа, подбужда към дейност и удържа човека въздействието на другите хора върху него: страхът от тях или от тяхното мнение. Тези два двигателя винаги са в борба, и ту единият побеждава, ту другият. Третият двигател: изискванията на божията (духовна) природа на човека. Между тези изисквания и онези двете също се води борба. Смисълът на живота, тържеството на живота е в победата на последния над първите два.

4) Мислих за душевното състояние на хората, участващи в революция.

а) Хората от народа, нуждаещите се и страдащи маси. Главните подбудителни чувства са завист, користолюбие, злоба. И затова са жалки, и голям е грехът на тези, които ги довеждат в това състояние.

b) Работниците на революцията, преса, проповедници, практически дейните революционери. Техните мотиви и чувства: суетност, славолюбие, безпокойство, саоувереност, самомнение, властолюбие и същата завист и злоба.

с) Отстояващите съществуващото борци против революцията: егоизъм, упорство и злоба, но не толкова жестока, колкото у първите двама.

Как да не съжаляваш нещастниците, обхванати от тази зараза и да не се стараеш да останеш свободен от нея, и да спасиш от нея когото можеш.

Том 56

(1907 – 1908)

1907 г.

5 април 1907. 14) Особено живо чувствам (чувствах) радост, спокойствие, блаженство от състоянието на любов към всички. Само в таква състояние всичко е хубаво и в живота, и в смъртта. Макар и рядко, но го изпитвам.

11 април 1907. Трети ден изпитвам някакво ново, радостно чувство на живо съзнаване на своето духовно същество и произлизащото от него безстрашие, спокойствие, любовност и жизнерадост.

28 май 1907. 5) Сънят е свършено подобие на смъртта: в това, че се спира съзнанието, но не се спира животът. Може би, сънят е подобен и с това, че в него започва ново съзнание, основано на предишното (будното), но несвързано с него.

Може би, подобие то е и в това, че целият ни живот се отнася към истинския живот, както съновиденията към настоящия ни живот. Точно така, както в настоящия живот след всяко заспиване и пробуждане животът все повече и повече се открива, така и истинският живот все повече и повече се открива със всяко раждане след смъртта.

11) Две точни науки: математиката и нравственото учение. Едното е най-повърхностното, другото е най-дълбокото. Тези науки са точни и безспорни, защото всички хора имат един и същи разум, възприемащ математиката, и една и съща духовна природа, възприемаща (учението за живота) нравственото учение.

9 юни 1907. 4) Цялата цел на сегашната цивилизация – намаление на труда и увеличаване на удоволствията на безделието. (Еврейската цивилизация: безделие – условие за рая). Докато главното благо за човека – материалното – би трябвало да бъде в увеличаване приятността на труда. При сегашната цивилизация човек, неговите радости се отдават в жертва на изгодата. Пара вместо коне, сеялка вместо ръце, велосипед, мотор вместо крака и т.п.

10 юни 1907. 1) Все повече и повече почти физически страдам от неравенството: богатствата, изобилието на нашия живот сред нищетата. И не мога да намаля това неравенство. В това е тайната на трагизма на моя живот.

20 юли 1907. 7) Обичаш да бъдеш силен, ловък, умен и способен за всякаква работа, и затова се упражняваш в сила, ловкост, в разни работи. А има само едно дело, което е по-важно от всички други и успехът в което дава най-много радост, и затова е разумно да се упражняваш най-много в това дело. А делото е да се приближаваш към Бога в самия себе си.

11) Нравствеността е само в това, да се възприемаш като проявление на Боз: син, раб Негов. Безнравствеността е да се възприемаш като слуга или на собствената си личност, или на своето семейство, или на

своето отечество, или на съществата от твоята порода – човечеството.

12) Докато се огледам и се съблязних, започнах да си приписвам особено значение: на основател на философско–религиозна школа, започнах да приписвам важност на това, исках да е така, като че ли има някакво значение *за* моя живот. Всичко това има значение не *за*, а *против* моя живот, заглушава го, извращава го.

16) Моето тяло – не съм аз, моят разум – също не съм аз. Моето съзнание – също не съм аз. Аз, моето истинско *аз*, е това, което съзнавам. А аз съзнавам своята духовна, божествена същност. Не разбирам тази същност, но единствено тя е моето истинско *аз*.

18) Не бива да се проповядва учението за благо, и да се живее противно на това учение, както живея аз. Единственото средство, което доказва, че това учение дава благо, е да живееш според него, както живее Добролюбов.

21) Звънец, писма. По стар навик очаквам нещо отвън: някой приятен човек да дойде, някакво приятно известие в писмото. Очаквам, а при това зная много добре, че отвън за мен не може да дойде нищо хубаво. Не мога да си представя, какъв човек или какво известие извън мен могат да ми дадат истинска радост. Но какво може да ми достави радост? Какво мога да желая? Само едно: това, което аз самият мога да си дам: все по-голямо и по-голямо приближаване до Бога, сливане с Него. Сега съм в лошо разположение на духа, каква радост мога да си доставя? Мога и сега да си доставя голяма радост: да победя това настроение, да се възползвам от него, за да се науча и в такова състояние да не прекратявам своето общение с Бога.

22 август 1907. 12) Да, да, да обичаш враговете, да обичаш ненавистниците не е преувеличение, както ти се струва отначало, това е основната мисъл на любовта. Също както и непротивенето на злото, обръщането на другата буза не е преувеличение и иносказание, а закон, закон за непротивенето на злото, без който няма християнство.

Също така няма християнство и без обичта към ненавистниците, именно към ненавистниците.

7 септември 1907. 1) Ако си разбрал, че ти си Бог, проявил се отделно в тяло, то каква може да бъде смъртта за Бога? Ако си разбрал това, то не можеш да не се стремиш към освобождаването си от отделеността и към съединяване с Всичко. А освобождаването ти от отделеността се постига само с едно: с любов към Всичко и към всички. Любовта дава най-хубавата радост в живота.

2) Човек, живеещ телесен живот, ръководещ се от временни интереси, е съвършено подобен на птица, която се мъчи да бяга със слабите си крака по земята, а не знае, че може да използва крилата си.

12 септември 1907. ...Тъй че благо изглежда невъзможно и желанието за благо в човека с неговия разум изглежда противоречиво само затова, защото са извратени и понятието за благо и човешкият разум. А желанието за благо е извратено с това, че основното, главното, съставляващото живота на човека и неизтребимото в него желание за благо не е желание за благо на неговата телесна личност, - то само изглежда такова при неразвит и извратен разум, - а е желание за благо на твоето духовно същество, това същество, което човек осъзнава не единствено в себе си, а във всичко живо, и особено силно и живо в тези като него, в хората. Желанието за благо на своето духовно същество, съзнавано от човека във всичко живо, се проявява в човека чрез *любовта*. И затова истинското благо за човека е това благо, което той намира в любовта, в това чувство за любов, което той съзнава в себе си, което му дава щастие и което той може безкрайно да увеличава и в увеличението и използването на което никои и нищо не може да му попречи, в което човек се чувства всемогъщ, в което се слива, съединява с това Начало, на което той приписва своето съществуване.

15 септември 1907. 3) Истинският, сериозен живот е само този, който се води по съзнания висш закон; а живот, ръководен от похоти, страсти, разсъждения, е само предверие на живота, приготвление за него, той е сън.

5) Никои не те призовава към изменение и подобрене на съществуващите порядки, но цялата жизнена сила, вложена в теб, те призовава към изменение и подобрене на твоя вътрешен, духовен живот, към все по-голямо и по-голямо проявление в теб на Бога.

6) Все повече и повече да проявяваш в себе си Бога – в това е животът, в това е и вярата.

8) Човек се е объркал така, че каквото и да направи, все е лошо, като кръстопътя пред Юнака от приказките. Струва ти се, че няма изход, и където и да отидеш – все ще е лошо. Но само ако човек намери вътрешно просветление, ще разбере, че не му трябва нищо да избира, а е нужно само да осъзнае в себе си Бога и да Му се отдаде. т.е. да се отдаде на любовта. И тогава не е нужно нищо да избира. Върви по каквото искаш път – за благо на всички.

9) (Да се впише в беседата:) Казват: Само опитай да живееш сам по висшия закон на любовта, когато всички хора около теб живеят по светски, и ще те ограбят, ще те измъчат и само ще ти се присмоят. Така говорят хората, но това не е вярно. Не може да е така. Любовта и разумът са вложени не само единствено в мен, а у всички хора. Бог не може да е вложил в нас любов и разум – частица от Себе си – само за да ни е лошо, ако започнем да живеем с това, което е вложено в нас и което ни влече към себе си. Това не може да бъде.

10) Какво щастие е да чувстваш, както аз чувствам понякога, че у мен няма друго влечение в живота, освен да изпълнявам волята на Този, който ме е изпратил.

Ще умра, и какво от това? Толкова по-добре. Ако аз самият, Л.Н., няма да изпълнявам тази воля, ще я изпълняват тези хора, които от мен, чрез мен ще разберат, че животът се състои само в изпълнението на тази воля.

10 октомври 1907. 1) Животът не е шега, а велико, тържествено дело. Трябва да живееш винаги тъй сериозно и тържествено, както умираш.

12 октомври 1907. 1) Казват, казвам и аз, че книгопечатането не съдейства за благо на хората. И не само това. Всичко, увеличаващо възможностите на хората за въздействие един на друг: железопътни линии, телеграфи и телефони, параходи, пушки, всички военни приспособления, взривни вещества и всичко, което се нарича „култура“, никак не е съдействало в наше време за благо на хората, а напротив. Не би могло и да е иначе сред хора, повечето от които живеят нерелигиозен, безнравствен живот. Ако повечето хора са безнравствени, то средствата за въздействие, очевидно, ще съдействат само за разпространение на безнравствеността. Средствата за въздействие на културата могат да бъдат благодетелни само тогава, когато болшинството е религиозно-нравствено. Желателното съотношение между нравствеността и културата е, културата да се развива едновременно или малко след нравственото движение. А когато културата го изпреварва, както е сега, то е голямо бедствие. Може би, и даже мисля, че това е временно бедствие, че вследствие превъзходството на културата над нравствеността, макар че би трябвало да има временни страдания, изоставането на нравствеността ще предизвика страдания, вследствие на които ще се задържи културата и ще се ускори движението на нравствеността, и ще се установи правилното съотношение.

20 октомври 1907. 1) Вярата в Бог е, въпреки укорите на хората, да вършиш това, което иска Бог, и да бъдеш спокоен.

26 октомври 1907. 7) (Много важно) Непротивенето на злото с насилие не е предписание, а открит, осъзнат закон на живота за всеки отделен човек и за цялото човечество – даже за всичко живо. Този закон непрестанно се изпълнява. Вълците се израждат, зайците се размножават. Този закон, като всеки закон, е идеал, към който

несъзнателно се стреми всичко живо и трябва да се стреми всеки отделен човек.

8) Странно, че трябва да мълча с живеещите около мен хора и да говоря само с тези далечни по време и място хора, които няма да ме чуват.

27 октомври 1907. Откъсвам се от работа, за да запиша това, че от сутринта изпитвам неизразима, трогателна радост от съзнаването на живота за любовта, любов към всички и към всичко. Каква радост! Какво щастие! Как да не благодаря на Това, на Този, който ми дава това.

8 ноември 1907. 3) Работата не е в това, всички да имат поравно, а в това да живееш в любов с всички. Можеш да бъдеш богат и да обичаш бедните, и да бъдеш равен по имуществено и да ненавиждаш.

4) Ако мозъкът е зает с научни знания, то в него не може да има място за религиозно-нравствени знания. С това се обяснява нерелигиозността на нашите висши класи. Телесният труд оставя мозъка свободен, но не е така с умствения труд.

5) Трагизмът на положението е в това, че няма друг избор, освен зрубата езическа църковност или истинското християнство. Но в истинското християнство човек е сам, и не само сам, но мнозинството е враждебно към него. И хората не вземат нито едното, нито другото, и остават без всякаква, каквато и да била вяра.

11) Божественото „аз“ е това „аз“, което съзнава себе си. Ръката, кракът, носът, коремът, мозъкът не съзнават себе си. Не съзнава себе си и съединението на всичко, също както в мъртво тяло. Съзнава себе си нещо неопределимо, свободно, всемогъщо в своята духовна област.

12) При четенето на книги не трябва да се забравя, че това е общуване с ближните, и че затова то трябва да бъде любовно: да не се сърдиш на тези, които пишат нещо лошо, а да ги съжаляваш.

13) Защо т.нар. образовани хора са неразумни? Затова, защото главите им са натъпкани с ненужни глупости, които им се струват най-важното.

16 декември 1907. 11) Без религия, т.е. установено отношение към безкрайното духовно, човек е безопашата маймуна, умееща да прави фонографи, балони, бомби и тем подобни.

1908 г.

1 януари 1908. 1) Ако в часа на смъртта човек мисли, че няма какво да прави, то той не познава живота. Той трябва да прави същото, което е правил през целия си живот: да освобождава душата си. Защо пиша това? Защото ми е нужно, а може да е необходимо и на други.

4) Човек е всичко и нищо, а той мисли, че е нещо.

В това е цялата грешка – грях. От това идва суеверието на личността.

11) Че животът е само в нравственото усилие, е видно от това, че на сън не можеш да направиш нравствени усилия и извършваш най-ужасни постъпки.

20 януари 1908. 4) Да признаваш Христовото учение и да допускаш насилие е все едно да признаваш възможността за добър живот при разпространение на пиянството.

31 март 1908. 1) Преди мислех, че разумът (разбирането) е главното свойство на човешката душа. Това беше грешка, и аз съвместно чувствах това. Разумът е само оръдие на освобождението, а проявлението на същността на душата е любовта. (Много важно).

2 април 1908. Низшият стадий – живот за прищевките на тялото, за да угодиш на тялото, вторият стадий – за хорското одобрение, за да угодиш на хората, третият – за награда от Бога, за да угодиш на Бога извън себе си, четвъртият, по-висш от който не зная, живот не за нещо друго, а само за да угодиш на Бог вътре в себе си.

9 април 1908. 1) Познавам в себе си същия този Х – силата на живота, която познавам у всички и особено ясно в най-себеподобните ми същества. Тази сила на живота наричам Бог. Мога да живея чрез нея, без да я осъзнавам, мога да я осъзнавам и да живея чрез нея. Разликата между тези два вида живот е в това, че при първия живея един ограничен, обкръжен от враждебни същества живот; при втория живея освен своя ограничен живот, също и живота на всички еднородни, близки същества, все повече и повече осъзнавайки и тяхната любов.

12 юни 1908. Здравето ми е добро. Но съм слаб и в тялото и в главата – сънливост. Започвам да привиквам към признаването на главното – единственото дело на живота е любовта. Главното е в мислите. Които иска да живее истински живот, трябва преди всичко да прави това усилие към истински живот в своите мисли, когато е сам със себе си. Удивително е, колко малко се знае това. Щом само си помислиш за някого с недоброжелателство, спри се, търси в него доброто, нека той бъде за теб също като най-милото ти същество, каквато е за мен майка ми. Възможно е. Днес си мислех, след като се отнесох доста хладно към една жена просякиня, мислех си, че: Само едно дело може да се върши във всички възможни телесни условия, то е – да обичаш. То е възможно и с болен черен дроб и умирайки.

2 юли 1908. Вчера тежък разговор. Все аз съм лош. Едно е хубавото, че зная и чувствам това. Още не умея да разбирам и чувствам благотелността на телесните страдания, а зная, че я има. Затова пък познавам и даже чувствам благотелността на оскърбленията, укорите, клеветите, даже и на злобата.

20 юли 1908. 1) Аз – това е съзнаването на Бога.

5 август 1908. Да, ти си само работник на Божието дело, и навярно знаеш само, че си изпратен тук да вършиш Неговото дело. Хубаво ли е, лошо ли е това положение, няма защо да разсъждаваш, то е такава и

няма да се измени; единственото, за което можеш и трябва да разсъждаваш, е, как да живееш по-добре. А можеш да живееш по-добре очевидно само тогава, когато вършиш работата, която ти е зададена. Ще я разбереш по това, че тя е най-леката, и не само лека, а и радостна.

11 август 1908. Да, тежко е да живееш в тези нелепи, разкошни условия, в които ми се падна да преживея живота си, а още по-тежко е да се умира в такива условия: суета, медицина, мнимо облекчение, изцеление, докато нито едното, нито другото не е възможно, а и не е нужно, а може само да влоши душевното състояние. Отношението ми към смъртта изобщо не е страх, а напрегнато любопитство.

Макар и маловажно, но ми се иска да кажа нещо за това, какво бих искал да бъде направено след моята смърт. Първо, хубаво би било ако наследниците ми предадат всички мои писания за общо ползване; ако не всички, то непременно всичко народно, като: „Азбука“, „Книги за четене“. Второ, въпреки че е совсем незначително, не искам да извършват никакви обреди, когато заравят тялото ми в земята. Дървен ковчег, и който иска, да го отнесе или да го откара по поръчка срещу оврага, на мястото на зелената пръчица.

Да, „всичко е в теб и всичко е сега“, както казваше Сютмаев, и всичко е извън времето. Тъй че какво друго може да се случи с това, което е в мен и което е извън времето, освен благо.

28 август 1908. 1) Кратката молитва: Не ме оставяй Ти (не мога да Те назова). Помогни ми да Ти служа в Твоето дело, да бъда с Теб, в Теб и като Теб.

2) Да хапнеш, когато си гладен, да пинеш вода, когато си жаден, това е голямо удоволствие за тялото. Но да се откажеш от храната, от пиетието, от всичко, което иска тялото, вече не е удоволствие, а радост за душата. Това знае само този, който го е изпитвал.

28 октомври 1908. 2) Каква несравнима с нищо, удивителна радост – и аз я изпитвам – да обичаш всички, всичко, да чувстваш в себе си тази любов, или по-точно, ти самият да си тази любов. Как се унищожават всички, което със своята извратеност считаме за зло, как всички, всички – стават близки, свои... Но не бива да пишеш, само ще развалиш чувството.

Да, голяма радост. И този, който я е изпитвал, няма да я сравни с никоя друга, няма да поиска никаква друга и няма да пожали нищо, ще направи всичко, каквото може, за да я получи. А за да я получи, е нужно нещо малко, но трудно в нашия извратен свят, - едно нещо: да отучи себе си от ненавист, презрение, неуважение, равнодушие към всеки човек. А това е възможно. В това отношение направих толкова малко, а вече получих като че ли още отсега незслужена награда.

2 ноември 1908. 1) ... И си помислих: светът, какъвто го познаваме, е само плод на нашите външни сетива: зрение и осезание ... и на нашите съображения. Как да вярваме в реалността, в единната реалност на света, какъвто си го представяме? Какъв е той за блъхите? Какъв е за Сириус, за неизвестното на мен същество, надарено с неизвестни на мен сетива? И пространството и времето – та всичко това е мое построение. Това, което наричам безкрайно малки създания, никак не са по-малки от мен. И това, което наричам момент, никак не е по-малко от това, което наричам вечност. Едно, единствено едно е това, което съзнава, а не е това, което то познава и как.

10 ноември 1908. Но ето какво: Всички пътища на човека са предначертани, освен един – усъвършенстването, увеличаването на духовната сила, освобождаването от тялото, приближаването към Бога. Това дело, единственото разумно дело в живота, се извършва само в *настоящия* момент. Минало не съществува, то, също както и всички отношения със света, е всъщност само материал за усъвършенстване. И изобщо не приемай бъдещето за цел на своята дейност (Това е глвното нещо, което живо разбрах сега). Бъдещето – представите за

това, което ще бъде, не трябва да съществува за разумно живеещия човек. Има само настояще, в което мога да върша свойственото ми житейско дело. Не ми е дадено също да зная, какво ще излезе от това, не е дадено да знаем, какво ще произлезе за света (а хората мислят, че могат да го знаят, и се ръководят от това. В това е главната причина за лошия живот на хората.), не ми е дадено да зная и как ще се отрази на моята душа...

А каква свобода и сила, когато целият живот е единствено в настоящето.

6 декември 1908. 2) Колко съм щастлив. Ако и да ме мразят, без да ме познават, то много, много хора ме обичат, без да го заслужавам. Хора, които заради техните квази-религиозни възгледи, които аз разрушавам, би трябвало да ме мразят, ме обичат заради тези глупости - "Война и мир" и тем подобни, които им се струват много важни.

18 декември 1908. Личността е само спомен за миналото и желаня за бъдещето. Щом като няма нито едното, нито другото, няма време – живот в безвременния настоящ момент – няма и личност, а съществува само основата на живота – любов, Бог. Това би било така, ако човек би могъл напълно да се откаже от спомените и желанята; но в живота е възможно само приближаване: колкото по-малко спомени и желаня, т.е. колкото повече е унищожена, отслабена личността, толкова повече се проявява в живота любовта – Бог, толкова повече живееш извън времето и съзнаваш, че не ти се движиш, а светът за това, за да можеш да го опознаваш.

3) Голяма грешка е да се мисли, че всички изобретения, увеличаващи властта на хората над природата в земеделието, в добиването и химическото съединение на веществата, както и възможността за по-голямо въздействие на хората един другиму, както и пътищата и средствата за комуникации, печат, телеграф, телефон, фонограф, са благо. И властта над природата, и увеличаването на възможността за въздействие на хората един другиму, ще бъдат благо само тогава,

когато човешката дейност се ръководи от любовта, от желанието за благо на другите, и ще бъде зло, когато се ръководи от егоизма, от желанието за лично благо. Изкопаните метали могат да отидат за удобство на живота на хората или за оръдия, последствието от увеличената плодородност на земята може да осигури прехраната на хората, а може да бъде причина за засилено разпространение и потребление на опиум, водка, пътищата и средствата за съобщаване на мисли могат да разнесат добро и лошо влияние. И затова в безнравственото общество, каквото е нашето - псевдо-християнско, всички тези изобретения, които увеличават властта на човека над природата, както и средствата за комуникация, не само не са благо, но са неоспоримо и очевидно зло.

30 декември 1908. Пристигна Николай Николаевич. Получих трогателно писмо от Петрова, която е в затвора. Отговорих ѝ. Сега просител - селянин за делба, после студент с удивителен въпрос за искането на една курсистка да я вземе за жена. После Андрей по парични въпроси, после един луд, после писмо от един студент, който настоява, че животът е зло. Вчера ми беше много хубаво на душата, радостно, любовно, днес е по-зле, но, слава Богу, все още ми е радостно и благодарно. Започнах да пиша „Няма виновни“, но не се получи. Готвят маскарад. Мъчно ми е.

„Таен“ дневник 1908 г.

2 юли 1908. Когато се питам, какво ми е нужно – да избягам от всички. Къде? При Бога, да умра. Престъпно желая смъртта.

3 юли 1908. Все още мъчително се боря, но се боря лошо. Животът тук, в Ясна поляна, е напълно отровен. Където и да отида - срам и страдания.

6 юли 1908. Мъчително тежко изпитание или възмездие за сладострастието. Ужасно тежко наказание. Сега Чертков ми разказа

един разговор с нея: "Той живее, ползва се от лукса, а говори... всичко е лицемерие ... и т.н. А аз, аз жертвам себе си."

Помогни ми, Господи. Отново искам да избягам. И не се решавам. Но и не се отказвам. Главното е: за себе си ли ще го направя, ако си тръгна. Това, че като остана, няма да е заради мен самия, го знам.

7 юли 1908. Беше много мъчително вчера. Броих парите и си мислех как да избягам. Не мога да я гледам без недобро чувство. Сега е по-добре. Как у нея може да се види целият ужас на телолюбието, себелюбието, доведено до загуба на духовен дълг. Ужасно и за другите, и за нея. Трябва да я съжалявам. Ще се опитам да го напиша по-добре - не бива да говоря.

Това е за нея. А за себе си забравям. Аз съм лош, много лош. Вчера не можех да не мисля за себе си, колко съм отвратителен.

Да, аз съм - тяло – то е толкова отвратителен нужник – само свали, отвори леко капачка на духовността, и смрад и мръсотия.

Ще се опитам сега да живея задушата.

9 юли 1908. Мисля да ѝ напиша писмо. Лошо чувство, слава Богу - няма. Но едно нещо е все по-мъчително и по-мъчително: неправдата на безумния разкош сред неоправданата нищета и нужди, сред които живеея. Всичко става по-лошо и по-лошо, все по-тежко и по-тежко. Не мога да забравя, да не виждам.

18 юли 1908. Лошото чувство свърши. Отвлякох се с мисли. Вчера дойдоха двама безълци – моряци. Дадох им пари, съжалих ги.

Том 57

1909 г.

3 януари 1909. 4) Признанието, че Бог е любов, е хубаво и благотворно, защото признавайки Го за любов, общуването с Него, което не можеш да не желаеш, е само едно: любов към хората. Преимуществото на това общуване с Бога пред всяко друго общуване е в това, че при това общуване чувстваш, че Той съществува и ти отговаря в твоята душа, отговаря ти с това, че колкото повече и по-пълно се отдаваш на любовта към хората, толкова повече изпълва той сърцето ти с радост и спокойствие.

6 януари 1909. Завчера идва един истински интелектуалец, писателят Гершензон, уж с въпроси за моите метафизични основи, но всъщност със затаената (но явна) мисъл да ми покаже цялата безпочвеност на моята вяра в любовта.

8 януари 1909. Сутринта се разхождах и срещнах един българин – офицер – нервно възбуден. Беше тежко.

Чертков настоява на моето особено значение. Не мога и не мога да вярвам, а и не желая. Благодаря на Бога. Да запиша две неща:

1) За паметта. Съвсем почти зазубих паметта. Миналото изчезна. В бъдеще нищо (почти) не желая, не чакам. Какво може да бъде по-хубаво от това положение? И аз изпълвам това голямо благо. Как непрестанно да не благодаря на Бога за този чуден живот, свободен, радостен?!

2) През нощта мислих за това, че би било добре, ясно да се определят тези злодейски длъжности, които не само християнинът, а просто порядъчният човек – не злодей, желаещ да не се чувства злодей, - не може да изпълнява. Зная, че търговецът, фабрикантът, земевладелецът, банкерът, капиталистът, безвредният чиновник като учителя, професора по живопис, библиотекарят и тем подобни живеят от откраднатото и ограбеното, но трябва да се прави разлика между

самите крадци и гребители и тези, които живеят гребителски. И именно самите крадци и гребители трябва да се отделят от останалите, ясно да се покаже гребовността, жестокостта, срамотата на тяхната дейност.

И на такива хора името е легион. 1) Монарси, министри: а) на вътрешните работи, с насилието на полицията, с екзекуциите, с усмиряването, б) на финансите – данъците, с) на правосъдието – съдилищата, д) военните, е) на вероизповеданията (лъжат народа), и всички служещи, цялата войска, цялото духовенство. Та това са милиони. Само да им изясним – какво правят.

10 януари 1909. Вчера писах почти с желание, но лошо. Не си струва усилието. Днес съвсем нямам желание и вчерашното ми се струва слабо, просто лошо. Завчерашният разговор с Андрей е много поучителен за мен. Започна се с факта, че те, всичките братя страдат от безпаричие. Аз. Защо?

Тої. Но всичко стана по-скъпо, а ние живеем в известна среда.

Аз. Трябва да се живее по-добре, по-въздржано.

Тої. Позволи ми да възразя.

Аз. Говори.

Тої. Казваш, че трябва да се живее така: да не се яде месо, да се отказва военна служба. Но какво да мисля за милионите, които живеят като всички останали?

Аз. Изобщо да не мислиш, да мислиш за себе си.

И ми се изясни, че за него няма друг ръководен принцип в живота, освен този - каквото правят всички. Оказа се, че всичко е в това, че, с малки изключения, всички живеят така, не могат да не живеят така, защото нямат друг ръководен принцип. И затова да ги упрекваш и да ги съветваш друго - е безполезно и вредно за самия теб, защото предизвиква лошо чувство. Човечеството върви напред от хилядолетия с векове, а ти искаш за няколко години да видиш този напредък. А то се тласка напред от това, че напредничавите хора постепенно променят средата, показвайки вечно далечното съвършенство, посочвайки пътя

(Христос, Буда, че и Кант, и Емерсон, и др.), и средата постепенно се променя. И всички те отново са като другите, но по различен начин. Интелектуалците - са тези, които са също като "всички" интелектуалци.

Днес не правих нищо и нямам желание. Пиша вечерта, в 6 часа. Събудих се, и две неща ми станаха особено, свършено ясни: 1) това, че съм много лош човек. Съвсем искрено казвам това, и 2) че ще бъде добре да умра, че ми се иска това.

Днес съм много зъл. Може би живея за това, да стана малко по-малко гаден. Даже най-вероятно точно за това. И ще се старая. Помогни ми, Господи.

11 януари 1909. Чувствам необходимост да направя нещо. Неудържима нужда, а още не зная, какво. Ето в такива моменти казвам от гуша: Помогни ми, Господи! Искам, нищо не искам за себе си. Готов съм на страдания, унижения, само за да зная, че правя каквото трябва. Каква лесна и страшно трудна дума: каквото трябва. Струва ми се, че не е нужно нищо повече и не ми се пише.

12 януари 1909. Бях у Черткови. Много приятно - не приятно, а нещо много повече – равенство на общуването с всички. Разбира се, и там е непълно, но няма мъчително присъствие на "прислужници", поднасящи вкусни ястия, до които те самите не могат да се докоснат. Все по-трудно и по-трудно е да се живее в тези условия. Но не зная как да благодаря на Бог, че наред с увеличаващата се тежест, се увеличава и силата за понасянето ѝ. Заедно с бремето, и силата. А от съзнанието за силата е несравнимо по-голямата радост, отколкото от тежестта на бремето. Да, Неговото иго е благо, и бремето е леко.

15 януари 1909. Добре походих. Нищо не писах. Някак си е срамно, срамно, всичко е срамно. Спах лошо. Писмо от Божия Полк. На раждането може да се гледа като на заспиване, и тогава – животът е сън, а смъртта – пробуждане. На раждането може да се гледа и като

на пробуждане от сън, а на смъртта – като на заспиване. Може да се разглежда също и по този начин – раждането е заспиване към този наш телесен живот и заедно с това пробуждане от предишния сън, а смъртта – пробуждане от този живот и заспиване в новия живот. И едното, и другото, и третото е вярно. Пробуждането и сънят, сънят и пробуждането са най-вярната представа по време на нашия живот.

16 януари 1909. Важно писмо от Божия полк.

17 януари 1909. Вчера идва един много близък и силен човек - Шеерман. Много хубаво разговаряхме. Аз казах, че смъртта е освобождение, към което отиваш, и затова е благо. Тогава какво е самоубийството? Загадох си този въпрос през нощта. Струва ми се, че може да се отговори така: Смъртта е благо за този, който е положил живота си на собственото си освобождение в живота. Не, не е ясно. Ще помисля още.

22 януари 1909. Вчера идва архиереят, говорих с него искрено, но твърде внимателно, не изказах целия грях на неговото дело. А трябваше. Лошо ми повлия неговият разказ за Соня, за неговия разговор с нея. Очевидно той би искал да ме обърне, ако не да ме обърне, то да унищожи, да намали моето, според тях – зловредно влияние върху вярата в църквата. Особено неприятно е, че той помолил да го уведомят, когато легна да умирам. Като че ли са замислили нещо такова - да уверят хората, че съм се „покаял“ преди смъртта. И затова заявявам, май се повтарям, че не мога да се върна към църквата и да се причестя пред смъртта, тъй както не мога пред смъртта да говоря мръсни думи и да гледам неприлични картинки, и затова всичко, което ще говорят за моето предсмъртно покаяние и причестяване, ще е лъжа. Казвам това, защото, ако има хора, за които според тяхното религиозно разбиране причестяването е някакъв религиозен акт, т.е. проявление на стремежа към Бога, за мен всякакво такова външно действие, като причастие,

би било отричане от душата, от доброто, от учението на Христа, от Бога.

4 февруари 1909. 1) По усещането, колко неприятно е да се търпи това, разбрах – смешно е да се каже: на 80 години – че не трябва да говориш с другите за това, което те занимава, а да улавяш това, което занимава тях, и да говориш за това...

4) Слушам, и получавам писма, вероятно и в печата, упреквачи ме за това, че не отдавам земята на селяните. Не мога да не призная, че би било най-добре, без да се боя от упреците на семейството да отдам земята на селяните (на кои?), а можеше някак да се устрои, но за лошо ли, за хубаво ли, не направих това, но не защото много скъпо ценя тази собственост. 20 и повече години я ненавиждам и не се нуждая и не мога да се нуждая от нея и благодарение на моите писания, ако не на писанията, то на моите приятели. – Единствената изгода от това, че не отдадох земята, е, че ме осъждаха и ругаха, осъждат и ругаят.

6 февруари 1909. 2) Лесно е да се каже: „да живееш само пред Бога“, а колко е трудно, но и колко е хубаво!

12 февруари 1909. Вчера и днес идва Ваисов.

14 февруари 1909. 1) Говорят: „нима е възможно да се живее по закона на любовта, без да се спират с насилие лошите?“ Фактът, че хората говорят това, показва, че говорещите вярват в закона за насилието, вярват в това, че насилието ще уреди живота. Те вярват в това, и наистина, законът за насилието отчасти, само отчасти урежда, или ни се струва, че урежда живота. Какво би било, ако вярвахме в закона на любовта също тъй, както вярваме в закона за насилието? Цялата работа е във вярата в едното или в другото. И мисля, че вярата в закона на любовта ще дойде и ще стане също така обща, каквато е била вярата в закона за насилието. А щом като тази вяра стане обща,

ще се унищожи голяма част от тези злини, от които страда сега човечеството.

2) Често се отдаваш на униние, на негодувание заради това, което се върши по света. Каква непростима грешка! Работата, движението напред, увеличаването на любовта у хората, осъзнаването на нейните възможности, нейното приложение като закон на живота, расте в човечеството и по положителен път – признаване на нейното добротворство, и по отрицателен – признаване на все по-влошаващото се и влошаващо се положение на хората вследствие признаването на закона на насилието. Да, трябва да виждаш този гвояк ръст, а не да се отчайваш.

15 февруари 1909. 2) Сега беше тук един бедняк, селянин, бивш войник, говори с чуждестранни, излишни думи, но смисълът на речта е един: ненавист към управниците, към богатите, завист и оправдаване на самия себе си във всичко. Страшно същество. Кои е направил това? революционерите или управляващите? И едните, и другите.

3) Религиозно – нравственото положение на народа е ужасно, като че ли няма изход. Но има изход, само че трябва време. Наял си се с лоша, вредна храна, или си се напил пиян - залян, и се мъчиш, и ти се струва, че няма изход, защото *сега* наистина няма изход, но изход има. Жлъчката ще смели, организмът ще преработи, така е и в това.

4) Какво ужасно зло е направила революционната литература: да покаже неосъзнаваното преди, спокойно понасяното зло и да предложи, като единствено средство за избавление, средство, не избавящо, а увеличаващо злото – това е ужасно жестоко. И това са направили революционерите с народа.

18 февруари 1909. 1) Сега си мислех нещо много важно за мен: Все ми се иска – не зная дали по стар навик или поради свойството на човешката душа – иска ми се да се моля, да се обръщам към Някого, към Бог. В последно време се старая да определя ясно за себе си Бог, както и би трябвало да бъде, стигнах до признанието за невъзможността на

отношението към Него, към Неговото отричане за разума, но потребността е жива. Бог, Ти, Ти – всичко, на което аз съм смутно проявление в тялото, в отделеното от Всичко тяло, Ти – Целият, в цялото съвършенство, помогни ми. Говоря това – и ми е хубаво на душата. Не зная кой е Този, Козото моля за помощ, но не само зная, че Той е, зная също и това, че колкото повече, по-искрено и по-горещо Го моля за помощ, толкова повече чувствам тази помощ. Да. Помогни ми да се освобождавам от тялото, да се съединявам с Теб – и чувствам, че Ти вече помагаш, и – исках да кажа, че Те обичам, но „обичам“ не е точната дума. Чувството ми към теб не е тъй горещо, както любовта, и не е тъй ограничено, телесно. Това не е любов. В любовта има желание за благо, а в това има само желание за съединение. – (Неясно.)

2) Все си измислях кратка молитва, а се моля по съставената дълга молитва. Това не е хубаво. Молитвата не може да бъде една и съща за всички дни, за всички часове. Сега ми е нужно: „помогни“. А понякога е нужно: „благодаря“. Понякога е нужно само съзерцание, а понякога памет за Него и за Себе си.

19 февруари 1909. 1) Разумният човек може да се надява, да очаква само едно нещо – смъртта.

2) В живота не трябва да очакваме бъдещето, а да се готвим за живота в настоящето.

28 февруари 1909. 1) Животът е стремеж към съединяване с Началото на всичко, с Бога, тогава как може да бъде страшна смъртта за този, който разбира истинския смисъл на живота. Как да се страхува от това, в което е изпълнението на неговите стремежи.

2) Умирайки, изпитваш това, което изпитва изоставеното дете, връщащо се към любящата и любимата си майка.

3) Като че ли работниците сами са си виновни. Целта не трябва да бъде освобождение, а цел - достигане на най-добър духовен живот –

религиозна цел, обща, и тогава и само тогава попълно ще се достигне политическата, частната цел.

4) Наивността на недоумението на днешния работник за това, че „така може да се получат много неприятности“.

1 март 1909. 4) Данъците са най-могъщото оръжие за поробване, и затова освобождението е възможно само при освобождаване от участие в събирането на данъци и – страшно е да се каже (същевременно и радостно) – само при освобождаване от користта, при готовността за бедност, при отказ за служене на богатите.

5 март 1909. 1) Гогол е огромен талант, прекрасно сърце и слаб, т.е. несмел, боязлив ум.

Най-доброто произведение на неговия талант – Каляска, най-доброто произведение на неговото сърце – някои от писмата.

Главното нещастие на цялата му дейност е неговата покорност към установилото се лъжерелигиозно учение и на църквата, и на държавата. Хубаво би било, ако просто бе признавал всичко съществуващо, но той го оправдавал, и то не сам, а с помощта на софистите славянофили и бил софист и то много лош софист със своите детински вярвания. Влашавало, обърквало още повече неговия начин на мислене желанието му да придаде религиозно значение на своята художествена дейност. Писмото за „Ревизор“, втората част на „Мъртви души“ и т.н. Като се отдаде на своя талант – и излизат прекрасни, истински художествени произведения, като се отдаде на нравствено – религиозното – и излиза хубаво, полезно, но щом като поиска да внесе религиозно значение в своите художествени произведения, излиза ужасна, отвратителна безсмислица. Така е във втората част на „Мъртви души“ и др.

Към това трябва да се прибави и, че всичко идва от това, че на изкуството се приписва несвойствено му значение.

6 март 1909. 1) Четох вестника и за екзекуциите, и за злодеянията, за които са наказанията, и тъй ясно стана развърщането, извършвано от църквата - скриване на християнството, извърщение на съвестта, от държавата - законяване, не само оправдаване, но възвеличаване на гордостта, честолобието, алчността, унижаването на хората и, по-специално, всички актове на насилие, убийствата по време на война и екзекуциите. Това изглежда тъй несъмнено ясно, но никои не вижда, не иска да го види. И те - и църквата, и държавата, въпреки че виждат увеличаващото се зло, продължават да го създават. Става нещо подобно на това, което биха правили хора, умеещи само да орат и притежаващи само оръдия за оран и можещи да съществуват само чрез своята работа, орането, все едно тези хора да орат ниви, на които вече е покълнал разсадът.

Ако в своето време църквата и държавата са били нужни, то в наше време те са пагубни и продължават да се развиват.

7 март 1909. Много мислих за Гогол и Белински. Много интересно сравнение. Колко е прав Гогол в неговото изопачаване, и колко напълно неправ е Белински в целия му блясък, с неговото презрително споменаване на някакъв си бог. Гогол търси Бога в църковната вяра, там, където той е изопачен, но все пак търси Бога, а Белински, благодарение на вярата в науката, също толкова, ако не и по-нелепа от църковната вяра (да си спомним Хегел с неговото «Alles, was ist, ist vernünftig» („Всичко действително е разумно“), и несъмнено още по-вредна, не се нуждае от никаков Бог. Каква тема за необходима статия! Трябва да запиша:

1) Би било хубаво да се напише за това, как нашият живот, този на богатите класи, е непрестанна кражба, грабеж, които макар и частично са смекчени за тези, които са родени и възпитани в този грабеж, но за тези, които увеличават грабежа чрез получаване на места при капиталистите, в правителството, е подлост. За всички тях е лицемерие.

3) Все по ясно, по-ярко и по-настоятелно изисква да бъде изложена мисълта за това, че една от главните причини за бедствията, преживявани от човечеството, е инерцията, признаването за добри на отживели форми на живот: църква, държава, наука. Все едно да ореш поникналото, или ти, възрастният човек, да се опитваш да облечеш детска грешка, да я късаш, съшиваш и натъкмяваш, а да не разбираш, че тя вече не е нужна, че тя трябва да се изхвърли и да се направи нова.

16 март 1909. 1) Достатъчна е и една църковна благословия на брак, като този на Андреев, за да се разобличи цялата подлост и лъжливост на църквата.

2) Към „Стражаря“: Огромен брой работници влагат своя труд за произвеждане на предмети на лукса: тоалети, мебели, произведения на изкуството, и все не успяват да се заемат всички работни ръце. Но стига само масата от народа да се постави в положение на неголямо изобилие, и работниците няма да достигат, за да се удовлетворят потребностите им: жилища, облекла, храна, удоволствия!

3) Борбата с половата страст би била сто пъти по-лесна, ако не се поетизираха и самите полови отношения, и чувствата, които влекат към тях, както и брака, като нещо особено прекрасно и даващо благо (докато бракът, ако не винаги, то веднъж на 10000 пъти не разваля целия живот); ако от детството и в пълнолетие се внушава на хората, че половият акт (стига само да си представиш любимото същество, отдаващо се на този акт) е отвратителен, животински акт, който получава човешки смисъл, само ако и двамата съзнават това, че последствията от него влекат след себе си тежките и сложни задължения по отглеждането и най-доброто възпитание на децата.

26 март 1909. Четох Кант: Религията в пределите само на разума. Много ми е близко.

30 март 1909. Помогни ми, Х. Х не е Христос, а хикс, т.е. неизвестен, но съзнаван Бог.

1 април 1909. Мъчителен ми е този безумен (повече от безумен, наред с бедния на село) живот, който вече сам не зная как съм обречен да доизживявам. Ако не в нещо друго, то поне в съзнаването на неправдата явно съм тръгнал напред. И разкошът е мъчителен, срамен, отравя всичко, и ми е трудно с отчуждеността на синовете и с общата за цялото семейство изключителна самоувереност, - същото е и у дъщерите. Мислех си още, колко пагубна е гимназията и как развращава децата (Вологенка Милютин – няма Бог), как не бива да се преподава редом история, математика и Закон Божий. Школа за неверие. Трябва да се преподава нравственото учение.

8 април 1909. 8) И сега за мен най-ценното, най-важното, най-радостното е именно:

Колко е хубаво, нужно, полезно, при съзнаването на всички появяващи се желаня, да се питаш: чие е това желание: на Толстой или мое. Толстой иска да осъди, да мисли лоши неща за NN, а аз не искам. И щом като аз си спомня това, щом като си спомня, че Толстой не съм аз, то въпросът се решава безвъзвратно. Толстой се бои от болест, от неодобрение, и от стотици и хиляди гребелици, които така или иначе му въздействат. Струва си само да се запиташ: а аз какво съм? И край на всичко това, и Толстой мълчи. На теб, Толстой, ти се иска или не това или онова – това си е твоя работа. А изпълнението на това, което ти се иска, признаването на справедливостта, законността на твоите желаня, това е *моя* работа. А ти нали знаеш, че си длъжен и не можеш да не ме слушаш, че в послушанието към мен е твоеето благо. Не зная как ще се стори това на някой друг, но за мен това ясно разделение на Толстой и аз е удивително радостно и действа плодотворно за добро.

11 април 1909. 1) Съзнанието за божествеността на своята душа – това е разумната (метафизическа) основа на живота. Любовта – това е проявяване в живота на това съзнание за своята божественост (религиозната основа на живота). Въздържането от страсти, грехове,

съблазни, възпрепятстващи проявяването на любовта, - това е добър живот (нравствената основа).

17 април 1909. 2) Колкото по-нелепа е вярата, толкова е по-упорита, потвържда: вяра в изкуплението, безсмъртници, малеванци; колкото е по-разумна, толкова е по-подвижна, по-неупорита: винаги се изяснява, проверява.

28 април 1909. 3) Не знаят ни Бог, ни богове, знаят само един нравствен закон (както те го разбират), и колко нравствено, т.е. целият народ, е по-високо от нашите християни.

9 май 1909. 2) Живо си представих повест или драма, в която няма зли, лоши, всички са добри за себе си и невиновни. Колко хубаво би било и колко ярко биха изпъкнали от тази доброта и невиновност на хората недобротата и виновността на устройството на живота.

10 и 11 май 1909. 3) Себеотричане! Нима е възможно да се отречеш от себе си, когато „аз“ – е само телесно „аз“. Себеотричането е отричане от това, което аз погрешно считам за самия себе си. Самоотричането е признание за моята божественост, вечност.

6) Цялата работа е в това, какво иска да постигне човек - в какво е неговият идеал: иска ли богатство, почести, слава, удоволствия – ще живее по един начин; иска ли да обича всички хора – ще живее съвсем другояче. Всичко е в идеала.

7) Да обичам Бога значи да обичам Неговото проявление в мен. Но не мога да не виждам Неговото проявление навсякъде: в небето, в земята, в камъка, пясъка, в звездите. Разликата във всички тези проявления е, че някои са по-близо до мен (не по-близо по място, а по вида на тяхното проявление), а други са по-далече. Колкото по-близки са ми, толкова повече мога и трябва да ги обичам. Най-далечните за мен: земя, камък, пясък, небе, планети, звезди – естествено ще обичам и тях, но първото, растението са ми по-близки и повече ги обичам, още повече –

животните, а най-много от всичко - най-близкото ми, човека. Но още повече, повече от всичко на света не мога да не обичам себе си, моето аз, само че не телесното, знусното аз, което трябва да ми бъде тъй далечно, както всяко животно, даже като камъка, пясъка, но моето духовно аз, любовта към което е самата любов, е любов към всичко. Отвратителен е телесният егоизъм, и няма нищо по-висше от духовния егоизъм, пренасянето на моето съзнание в духовното, вечно, всемирно аз. И това пренасяне се извършва с любовта и дава толкова благо, при изпитването на което не ти е нужно нищо повече. Как да не благодаря на Този, на Това, което ни е дало това благо?!

16 май 1909. 2) Бог не е в храмовете, не е в изображенията, не е в глумите, не е в тайнствата, не е в делата човешки, а в човека, в самия човек; пред него, пред проститутката, палача, съдията, пред тях благоговеи, съзерцавайки в тях Бога.

19 май 1909. Два пъти идва милият Николаев, какъв удивителен работник по Хенри Джордж, пък и въобще е толкова добър.

22 май 1909. 7) Да се говори сериозно за правото, когато има право на поземлена собственост, е все едно да се говори за правото да владееш роби, за реда на продажбата им.

24 май 1909. 1) Без любовта, не към N.N., а изобщо към ближния, няма и не може да има никаква нравственост, а без недопускането на насилие, т.е. без непротивене на злото, няма и не може да има любов към ближния, и затова без непротивене не може да има никаква нравственост. А проповедта или признанието в любов без непротивене е гадна лъжа и лицемерие. По-добре законът за борбата без нравствена лъжа.

6 и 7 юни 1909. 1) Познанието за Бога може да бъде по три начина: а) чрез вярата, б) чрез разума, в) чрез любовта. Мога да повярвам, че Бог е

това, което са ми казали за Него. Може чрез разсъждения да стигна до признаването на Началото на всичко, на съществуването на нещо извънвременно и извънпространствено, неразруσιμο, на необходимостта от признаване или на крайността или на безкрайността, включващи в себе си признака за нереалност. Не се изразявам както трябва, искам да кажа, че всичко, което е телесно и заема ограничено пространство в безкрайното пространство и се случва в безкрайното време в двете страни, всичко това не е действително. Действително е само това, което е извън времето и пространството. И тъй истинско е само това, което наричаме Бог. Може да се достигне до признаването на Божието съществуване чрез вътрешно осъзнаване на този извънпространствен и извънвременен, до познанието на единството с Него, изразявано с любов.

2) Чувствам се много глупав, но в замяна на това и – смело ще кажа – добър. Тъй естествено, страстно, от цялата си душа говоря, мисля, чувствам само едно, да правя това, което Му е угодно, да съумея да бъда Негов орган. Всичко е глупаво, безсмислено, но на душата е топло, радостно, хубаво. Отивам да обяввам.

8 юни 1909. Особено живо чувствах безумната безнравственост на разкоша на властващите и богатите и нищетата и угнетеността на бедните. Почти физически страдам от съзнанието за участие в това безумие и зло. Тук ме настаняха в безумен разкош и сам доведох четирима: доктор, секретар, прислуга.

И за беда на 9 юни целият Кръг на четене ще е на тази тема. Научи ме Боже, какво да правя.

9 юни 1909. 1) Вчера за първи път изпитах много радостното чувство на пълна преданост на Неговата воля, на пълно равнодушие към това, какво ще стане с мен, отсъствие на всякакво желание, освен едно: да правя това, което иска Той (сега изпитвам това). Аз и по-рано, отдавна съм познал това като истина, открита от мен чрез разума, но едга сега го изпитах като чувство – чувство на обръщение към Него и

желание за получаване на указания от Него: какво да се прави? – Привикнал към молитва и очакване на отговор на човешките речи. Но това е самозаблуда. Отговорът е в душата. Благодаря Ти. Колко е хубаво! Усещам отговора, и тъй ми е радостно, че се просъзпявам.

11 юни 1909. Главното е, мъчителното чувство за бедността, - не за бедността, а за унижението, за измъчеността на народа. Простимата жестокост и безумие на революционерите. После обяд у Сербеев, френски език и тенис, а редом гладни роби, съблечени, измъчени от работа. Не мога да понеса, иска ми се да избягам.

14 юни 1909. 2) Говоря за любов, но в мислите си не обичам, а презирам, даже мразя. Вчера получих злобно писмо – обръщение и вместо да разбере, да съумея да съжая, написах гадно, също толкова злобно писмо. Добре, че не го изпратих.

4) Обичам хората и своята гуша, не защото зная Бог и Неговата воля, а зная Бог и Неговата воля, защото обичам хората и своята гуша.

5) Зная Бог, защото зная своята гуша. А душата си зная, защото обичам своята гуша, но и не само своята гуша, а гушите на другите хора, гушата на целия свят.

6) Тялото ми боледува и умира; гушата не боледува и не умира. Душата е Бог, живеещ в моето тяло.

10) Вчера говорих с Люба и Аля за стихове. А трябваше да ги попитам: знаете ли как трябва да се живее? И докато не узнаете това, нищо не трябва да изучавате.

12) Бог се открива само с любов, но се утвърждава с разума.

20 юни 1909. Да, бракът е главното препятствие към истинския живот. Идеалът трябва да е безбрачие. И никак да не се освещава тази гадост. Да, четох вчера за Маркс от Енгелс... Днес се събудих с ясно, просто, разбираемо за всички опровержение на материализма. Най-вече не излезе така ясно, както беше в съня, но остана нещо. А именно това, че материалистите са длъжни да допускат нелепостта на Твореца, за да

обяснят, как материята се е формирала така, че от нея са се образували отделни същества, от които първият е „Азът“ и с такива свойства, като чувства и разум.

22 юни 1909. Доколкото си спомням, нищо не правих вчера... След това отидох с трите Тани в гората. Тръгнах оттам и се натъкнах на косачи - цялото село. Говорих за много неща с тях, за земята, за задължителната военна служба, за това, че те сами се поробват. За това, че е много трудно да се отърве човек от бедността, а още по-трудно от богатството. Че човек трябва да живее за душата, и всичко ще бъде наред. Обяввах, четох, чувствах се сравнително бодр. Днес – спях добре, походих, записах това—онова. Хубаво се молих. Добре разбирах своето нищожество и не величие – малко е да се каже величие, а безкрайност – не на низкото същество Лев Толстой, а на съществото, съзнаващо себе си като Божествено.

23 юни 1909. Време е да се разбере, че ако искаш да служиш на хората, то работи за grand monde - работещите хора и тях си представяй, когато пишеш. Нашият брат в огромното си мнозинство е безнадежден. А те жадуват.

12 юли 1909. Снощи ми беше тежко от разговорите със София Андреевна за печатането и преследването от съда. Ако тя знаеше и разбираше, как самата тя отправя последните часове, дни и месеци от моя живот! А да кажа не умея, пък и не се надявам на никакво въздействие на каквито и да било думи върху нея.

21 юли 1909. От вчера вечерта София Андреевна беше слаба и раздразнителна. Не можех да заспя до 2 часа или повече. Събудих се слаб. Събудиха ме. София Андреевна не беше спала цяла нощ. Отидох при нея. Това беше нещо безумно. Душан я отровил, и така нататък. Писмото от Стахович, за което трябваше да кажа, защото тя си мислеше, че крия нещо от нея, предизвика още по-лошо състояние. Уморен съм и не

мога повече, и се чувствам съвсем болен. Чувствам неспособност да се отнасям разумно и с любов, пълна невъзможност. Засега искам само да се оттегля и да не вземам никакво участие. Нищо друго не мога, а и вече сериозно си мислех да избягам. Ха сега, покажи твоеото християнство. C'est le moment ou jamais (сега или никога). А страшно ми се иска да си тръгна. Едва ли някой се нуждае от моето присъствие. Тежка жертва, и в ущърб на всички. Помогни ми, Господи, научи ме.

23 юли 1909. 3) Доживях до съзнанието, че не аз живея, а чрез мен живее Бог. Това звучи като безумна гордост, но доколкото е искрено чувство, е истинско смирение. Всички мои мръсотии не считам за част от себе си, за свой живот, за свой живот считам само хубавото в него. Колкото и да е малко то, но го има. И това малкото не е мое, то е Бог.

24 юли 1909. 1) Мислех за това, че основата на привидността на живота е в това, което наричаме движение. Основата за привидността – движението. Движението включва в себе си привидността на времето и пространството. Времето, както съм казвал, е способността да си представяме два предмета на едно и също място; пространството - способността да си представяме два предмета в едно и също време. Движението е способност да си представяме преминаването на предметите от едно място в друго. Количеството на местата, както на най-малките, така и на безкрайно големите предмети, не е мислимо иначе, освен като безкрайно. Затова и количеството на преходите на предметите от едни места в други не може да е мислимо иначе, освен като безкрайно. Т.е., че движението е това, без което не можем да мислим, да разбираме, да съзнаваме живота, то е само въображаемо, също както, когато на теб, стоящия неподвижно, докато всичко от всички страни равномерно бяга около теб, ти се струва, че всичко стои, а бягаш ти. Точно същото става и с основната същност на човешкото „аз“. „Аз“, истинското аз на човека е извън движението, пространството, времето, но то не може да разбира живота иначе, освен в движение, и му се струва, че светът стои (макар в него, в

света, да се извършва движение), а се движи той, развивайки се, стареейки, приближавайки се към смъртта и умирайки; струва му се, че той идва и си отива, а светът остава. Всичко това е очевидна привидност. А е очевидна затова, защото за да има движение, би трябвало да има нещо неподвижно, спрямо което да се извършва движение. И неподвижното е само едно: съзнанието за своето извънвременно, извънпространствено, недвижещо се „аз“.

Какво е животът? Разкриване, освобождаване от затъмнението, закриването на този неподвижен аз, от привидността на движението, пространството и времето.

Животът, както на всяко отделно същество, така и на целия свят, е това освобождаване, все повече и повече увеличаващото се благо на това освобождаване. Защо? Защо това е така? Защо е нужен този процес на освобождаване, т.е. животът? На човека не е дадено да знае това. Единственото, което му е дадено да знае, е, че в това е благо, великото благо на живота. И знанието за това, подчиняването на този закон увеличава това благо.

28 юли 1909. Има на света такива същества, които живеят само от произведенията на земята, но за да може да им е колкото се може по-трудно да се изхранват, те са разделили земята си така, че от нея да могат да се ползват само тези, които не работят на нея, а тези, които работят на нея, не могат да се ползват от нея, и страдат, и мрат поколение след поколение от невъзможност да се изхранят от земята. Освен това, тези същества избират по едно семейство или по няколко от многото и се отказват от своята воля и разум заради робското подчинение на всичко, което поускат да вършат над тях тези избраници. А избраниците са най-злите и най-глупавите от всички. Но съществата, които са ги избрали и им се покоряват, всячески ги възхваляват. Тези същества говорят на различни езици, неразбираеми един за друг. Но вместо да се стараят да унищожат тази причина за недоразумения и раздори, те се разделят помежду си, независимо от различията в езика, още и на разни съединения, наричани държави, заради

тези съединения убиват хиляди и хиляди себеподобни и се разоряват един друг. А за да могат по-удобно да се разоряват и убиват един друг, тези същества обличат специални, еднакви, в голямата си част пъстри одежди, измислят средства за убиване и обучават многото подчинени на един в най-добрите начини за убийство...

Удивителни са тези същества. Тези същества се наричат хора.

2) Никакви въстания, бунтове и съюзи няма да направят и една хилядна от това, което може да направи въздържанието поне от две дела – употребяването на водка и постъпването във войската.

1 август 1909. 1) Въпреки моето ясно разбиране за Бога, който не може да се познае, а само да се осъзнае в самия теб, често ми се иска да има и Бог личен, на който да мога да се моля. Това е слабост, привычка и заедно с това естествено желание за общуване с Бога, все едно че общуваш с човек, макар че е нещо невъзможно. Това желание е естествено силно. А за да го удовлетвори, трябва да вярвам, че той е именно такъв, какъвто ми се иска да бъде, т.е. лично същество, с което бих могъл да общувам неразривно вътрешно, както е в действителност, а външно общуване, като с отделно същество. А за да мога да общувам така, трябва да вярвам, че той е отделно същество; а за да вярвам на това, трябва доказателство.

Доказателство за това може да бъде само някакво чудо, показващо и Неговата отделеност от мен, и Неговото съществуване като отделно от мен същество. И затова, за да се вярва в личния Бог, са нужни чудеса. Чудеса няма, трябва да се вярва в преданията за чудеса или да си въобразяваш чудеса. Това и правят така наречените вярващи. А тези, които наричат атеисти, също изискват чудеса, за да повярват в Бога, но бидейки критически трезви в мислите си, не вярват в чудесата от миналото, не виждат чудеса в настоящето и затова не вярват в Бога, а вярват само в това, което се познава с външни чувства.

2) Колкото и странно да изглежда, най-твърдите, най-непоколебимите убеждения са най-повърхностните. Дълбоките убеждения винаги са подвижни.

3) Колко удивително вярно е изреченото от Йоан – Бог е любов, т.е. Бог е онова висше, което е в нас.

5 август 1909. Вчера вечерта дойдоха разбойниците за Гусев и го отведоха.

28 август 1909. Сутринта пристигнаха Маклаков, Цингер, Семьонов. Аз повиках Маклаков и говорих с него за това, да повдигне въпроса в Държавната дума. Той казва, че нищо не знае за Хенри Джордж, и че този въпрос не само няма да може да мине, а ще предизвика и неodobрение. Той е много умен практически, но е съвсем плътно затопен за всички наистина нужни на хората въпроси – както и много, много други.

29 август 1909. В спокойните минути, както сега, зная, че е нужно най-вече бездействие, пребиваване в любов.

Снощи пристигна милият Булизин. Гледа твърдо на очакващия сина му отказ от военна повинност. Сега, преминавайки в гостната, чух гръмкия му глас, говорещ: „Не трябва да живеем зверския живот, който живеем“, и гласът на сина на Сергей, казващ: че „наистина нашият живот сега не е хубав, но че изобщо в устройството на живота няма нищо лошо“. И за първи път ясно разбрах мирозгледа на тези хора, наричани, уви, образовани. Това са хора със запушени отверстия, през които може да влезе разумната и задължителна мисъл на всеки човек, а именно: как трябва да живее? е въпросът на разумния човек, отговорът на който е само в религията. У тях това отверстие е запушено от „научни“ дълбокомислени, т.е. глупави съображения за това, „как се развива човешкото общество“, законите и тем подобни научни съображения. И се получава cercle vicieux (омазьосан кръг): тези съображения скриват от тях необходимостта от религия, а те (тези съображения) отговарят – много глупаво, но все пак отговарят – на религиозните въпроси за това, как да се живее, които искаш или не искаш стоят всеки човек. Тъжно по отношение на синовете. Но човек

не трябва да тъгува, а да се старее да им помогне. Вчера с Булизин дойде да се видим Загряжски. Струва ми се, че въпросите бяха искрени.

2 септември 1909. Колкото и странно да звучи: знанието за Бога се дава само от любовта. Любовта е единственият орган за познанието Му.

4 септември 1909. 2) Преди два дни през нощта ми беше много самотно и никак не можах да възстановя в себе си живото съзнание за Бога. И беше много тежко.

8 септември 1909. 3) Живо почувствах, че съм слуга на Бога. И такава радост, увереност, спокойствие – даже гордост почувствах, и така живо почувствах тази нещастна самозаблуда на хората, които се навират да служат на земните властелини – самият аз съм го правил навремето - и колкото по-високо се издигат в тази служба, толкова по-ниско се спускат в служенето на Бога.

24 септември 1909. Писах писмо на един индус и получих приятно писмо от един индус от Трансваал.

27 септември 1909. 2) В обществото на хора, живеещи духовен живот, начело, влияейки им, естествено ще застане човек, висш по нравствени качества. Ала в обществото на хора, живеещи само телесен, светски живот, неизбежно винаги начело с власт над тях ще застане най-низкият по нравствени качества човек.

14 октомври 1909. 3) Има двояки изкуства: музика, драма, отчасти живописта, в които мисълта – задачата на изкуството – и изпълнението се отделят: в музиката – композицията и изпълнението, също и в драмата – съчиняването на пиесата и изпълнението, отчасти в живописта, изобщо в пластическите изкуства, замисъл и изпълнение, и вече напълно – илюстрацията. И в тези двояки изкуства най-често се среща фалшиво изкуство: лъжлива, празна мисъл и прекрасно изпълнение

на музикантите, или на актьорите, или на живописците. Особено в драмата и музиката. Има драматурзи (Андреев спада към тях) и композитори, които, без да се главоболят за съдържанието, значителността, новостите, правдивостта на драмата, на музикалното съчинение, разчитат на изпълнението, и за удобство нагаждат своите произведения към ефектите на изпълнението.

19 октомври 1909. Звезинцев беше у нас на обяд. Стараех се или да не говоря, или да говоря сериозно и правдиво. Не се получи съвсем, но е по-добре от преди. Същото е и с Андрей и жена му. Но се упреквам за това, че не им казвам направо, какво мисля за техния живот. Със Звезинцев говорих за молитвата в църквата, за текст VI на Матей и неприложимостта към молитвата на текст XVIII, 20. - И изобщо колко е вредно да се приписва значение на текстовете.

Пристигна Мария Александровна. Каква сериозна работа се извършва в нея!

Четох „Руска мисъл“: Белият кон, Брезата и стихове. Без преувеличения: лудница, а аз съм се загрижил за мнението на тези читатели и писатели. Срамота, Лев Николаевич.

21 октомври 1909. 2) Аз, като отделно същество – илюзия. Аз съм само един безкрайно малък орган на безкрайно голямото, недостъпно за мен Всичко. Моето дело служи на това Всичко, както служи всяка клетка, частица на цялото тяло. Да си въобразявам, че съм отделно, независимо същество, е връх на безумието. Аз съм само орган. Няма никакво аз, органът има задължението да служи на Всичкото и възможността да се радва на служенето. Служенето е възможно само тогава, когато органът е в единство с Всичко. А единението с Всичкото се дава от любовта. Така че любовта не е цел на Всичко (Бог не е любов), а само условие, при което органът, това, което ми се представя като „аз“, се съединява с Всичкото. Целта на Всичкото не е достъпна за мен, макар да зная, че ѝ служа. (Неясно, но ми е радостно, разбираемо.)

22 октомври. Полунощ е. Видях прекрасен сън, как говорех с жар за Хенри Джордж.

4 ноември 1909. 3) Често ме питат в писмата: Хубаво ли е, нужно ли е да се ожена, омъжа. Мисля, че следният отговор ясно ще изрази какво мисля по този въпрос:

Винаги е по-добре да се въздържиш, ако можеш, да унищожиш в себе си пола, ако можеш, т.е. да не си нито мъж, нито жена, а човек. Това е първото. Ако не е по силите ти и не можеш да виждаш мъж в жените – сестри, и жена в мъжете – братя, ако половото чувство нарушава главното дело в живота – братското, също духовното, любовно отношение към всички хора, то ожени се, свържи се неразривно, за цял живот, с един или една, като се постараш, разбира се, да намериш в този или тази, с когото-която се събереш, най-голямо съгласие с твоето разбиране за живота, и встъпвайки в полово общуване, знай, че с това общуване поемаш задължението да отгледаш и възпитавааш деца, което е естественото и оправдаващо последствие от брака.

3 декември 1909. 1) За да бъдеш художник на словото, трябва да ти е присъщо да можеш духовно да се издигаш високо и да падаш ниско. Тогава всички междинни стъпала ще са ти известни, и ще можеш да живееш във въображението, да живееш живота на хората, стоящи на различни стъпала.

4) Не искам да съм християнин, както не съм съветвал и не бих искал хората да са брахманисти, будисти, конфуцианци, таоисти, магометани и други. Всички ние сме длъжни да намерим, всеки в своята вяра, общото за всички, и, отказвайки се от изключително своето, да се гордим за общото.

8 декември 1909. За първи път, усещайки близостта на смъртта (благодаря за това), почувствах възможността и голямата радост от живота, свободен от моето „аз“, и целият посветен на служение. Може

да се живее така, и колко би било хубаво за другите, а главно за теб самия. Много, много е хубаво на душата.

Не мога достатъчно ясно да изразя и достатъчно да се радвам на това ново, изпитано от мен чувство – не разсъждение, а чувство, че съм работник, само работник на Този, чрез когото живея. Че мен ме няма като „аз“, като Лев Николаевич, има само работник, и моите интереси са Неговото дело. А това дело може да бъде, да ореш и сееш земята, за да храниш хората, и да отглеждаш деца, и да проясняваш съзнанието. Може да се възрази, да се каже: а къде остава самоусъвършенстването? Самоусъвършенстването не изключва това разбиране за себе си – да се усъвършенстваш не за себе си, а само за да бъдеш добър Негов работник.

Том 58

1910 г.

5 януари 1910. Събудих се рано. Ходих из градината. Все по-трудно и по-трудно ми става да гледам робите, работещи за нашето семейство. Стараех се да помня молитвата при общуване с хората. Пристигнаха милите Николаев и Абрикосов, и много им се радвам. Поговорих с Николаев. Абрикосов е пълен с духовен живот. Получих много писма. Писах отговори на Шмит и Магометанин. Нищо повече не правих. Все ми е тъжно.

Отивам да обяждам. Вечерта четох „Сънят“ пред цялото общество. Много възражения. Но мисля, че е хубаво. Винт, и все ми е тъжно и срамно.

6 януари 1910. Много писма, малко интересни. Пристигна един кинематографист. Леко поправих „Сънят“ и „Беднотата“ и реших да ги изпратя на Чертков каквито са. Изобщо трябва да престана хем да пиша, хем да се притеснявам за написаното. Вчера беше тук един евреин, искаше сбито изложение за смисъла на живота. Всичко, което му говорих, не ставало, било субективно, а трябва да е обективно, въз

основа на „еволюцията“. Удивителната глупост, тъпоумие, на вкусилите учеността.

Нищо не записах. Все така ми е срамно и тъжно, даже повече от вчера. Вечерта скучният кинематографист. Винт.

7 януари 1910. Душевното ми състояние е малко по-добро. Не изпитвам безпомощна тъга, а само непрестанен срам пред народа. Нима в такво състояние на срам ще завърша живота си? Господи, помогни ми, зная, че си в мен...

1) Особено ясно почувствах това, което знаех отгавна: че всеки съзнава своето „аз“, тъй както и аз моето. Това изглежда много просто, но за мен беше и много ново, и особено необикновено важно. Само трябва винаги го го помним. Ако го помним, то ще дойде края на всяко неодобрение, да не говорим за неприятна постъпка спрямо друг човек.

2) Това е важно най-вече, защото дори и да не съзнаваш, а само живо да си представяш чуждото „аз“, както своето, то съзнаваш и това, че всяко друго „аз“ е същинското „аз“, и е не само същото като моето, но е едно и също.

3) Такова съзнание за чуждото аз, както за своето, е важно за благо на човека, защото признавайки чуждото „аз“ за също толкова като твоеето, можеш да вършиш благо не само единствено за твоеето „аз“, но и за всички други.

4) Любовта не е нищо друго, освен признаване на другите аз – за свои.

13 януари 1910. 1) Учението, според което живея, не е анархизъм. А изпълнение на вечния закон, недопускащ насилие и участие в него. Но последствието ще бъде или анархизъм, или, напротив, робство под игото на японци или немци? Това не знам и не искам да знам.

16 януари 1910. Събудих се бодър и реших да отида в съда в Тула. Прочетох писмата и на малко от тях отговорих. И тръгнах. Отначало имаше дело срещу един селянин; адвокати, съдии, войници, свидетели. Всичко е твърде ново за мен. После съд над един политически. Обвинен

е в това, че е чел и разпространявал самоотвержено по-справедливите и по-здравни мисли за устройството на живота от съществуващите. Много ми е жал за него. Насъбраха се хора да ме видят, но слава Богу, не много. Клетвата ме развълнува. Едва се удържах да не кажа, че това е насмешка над Христа. Сърицето ме стягаше и затова замълчах. По пътя хубаво си говорихме с Душан за Масарик. Вечерта си починах и не можах да се сдържа от радост за излизането в Одеса на Кръгът на четене.

13 февруари 1910. 1) Заспивайки, губя съзнанието за бялния аз; умирайки, губя съзнанието за живеещия този живот аз; но както при заспиването не се унищожават това, което съзнава, така е и при смъртта. Какво представлява това съзнаващо – не знам и не мога да знам. Идва ми наум: Е, хубаво, моята душа, т.е. това, което съзнава, няма да умре, а някъде, някога отново (все временни и пространствени понятия) ще се прояви. Но като няма да помня предишното си „аз“, то значи вече няма да съм аз. Моето съзнание се е унищожило със смъртта. Каквото и да стане след смъртта на моето „аз“, на това начало, което го съставлява, мен вече ме няма, няма да ме има и не може да бъде. Но ако е така, то следва въпросът: какво е това мое „аз“, което се е появило изведнъж при раждането. Какво представлява това аз? Защо аз съм - аз? И как може това аз, появило се тъй непонятно извън времето, да не излезне също тъй непонятно извън времето. Хубаво, аз ще умра. Но защо всеки живот след моята смърт да не бъде мой живот?

1 март 1910. Събудих се бодър. Записах това – онова. Сега няма да успея да напиша. Поразходих се. Писмата са интересни, отговарям добросъвестно. Слава Богу, все по-често помня, че животът е само пред Бога, и за смъртта. Лошо поправях „За угаждането на тялото“. Ходих с Душан в Подиванково. Боя се, че се простудих. Соня е болнава. Върнах се късно, не успях да заспя. Отивам да обяждам. Помня, че трябва да запиша едно нещо.

1) Време е да се събудя, т.е. да умра. Понякога вече чувствам пробуждане и друга, по-действителна действителност.

5 март 1910. ...Има и писмо от Досев.

17 март 1910. 1) Ако човек нищичко не знаеше за живота на хората от нашия християнски свят, и му кажеха: Ето, има такива хора, които са си устроили такъв живот, че мнозинството от тях, 0,99 или приблизително толкова, живее в непрестанна телесна работа и тежка нужда, а другата част, 0,01 живее в безделие и разкош; че ако тази една стотна има своя религия, наука, изкуство, какви би трябвало да са тези религия, наука, изкуство? Мисля, че отговорът може да е само един: извратени, лоши - и религията, и науката, и изкуството.

5) Животът за селянина е преди всичко труд, даващ възможност за продължение на живота не само на него самия, но и на семейството и на другите хора. Животът за интелегента е усвояване на тези знания или изкуства, които се считат важни в тяхната среда, и посредством тези знания се ползват от труда на селянина. Как може да не бъде разумно разбирането за живота и въпросите за него на селянина, и да не бъде безумно разбирането за живота на интелегента?

6) Богът – Творец, Бог Брахма, Вишну, Шива, Бог Юпитер, Бог Христос и тем подобни. Всичко това е толкова нелепо, че смело го отхвърляме, не можем да не отхвърлим тези нелепи представи. А не мислим за това, че понятието за Бог, за духовното начало на всичко, е толкова голямо и необходимо понятие, което не бихме могли да измислим сами, ако то не бе открито от хората постепенно, с усилията на мисълта на най-великите мъдреци в света. Това е огромна крачка на човечеството, а ние си въобразяваме, че като имаме радио, самолети, електричество, можем да минем без него. Да, можем, но само като животни, както живеем сега в нашите Ню Йорки, Лондони, Парижи, с 30-етажните домове, а не като хора.

26 март 1910. 1) Спасението на човечеството е възможно само чрез неучастие в насилието. Не можеш да не плащаш данъци. Ще дойдат и насилствено ще ги вземат, но винаги е възможно да не бъдеш насилник. Тази мисъл не е моя, а на Булигин.

27 март 1910. 8) Удоволствието е за тялото, а за душата – благо. Удоволствието и благо се спождават.

1 април 1910. Вчера дойде Димочка, разказа ми за повестта на Семьонов, много хубаво. Взех книгата на Семьонов и я четох цяла вечер. Много хубаво.

5 април 1910. 1) Колко е хубаво да помниш своето нищожество: на човека пред милиарди човеци, на животното сред милиарди, милиарди животни, на своето обиталище земята – пясъчинка, в сравнение със Сириус и др., и продължителността на собствения живот в сравнение с милиарди, милиарди векове. Един е смисълът: ти си работник. Загаденият урок е написан в твоя разум и сърце и е изразен ясно и разбираемо от най-добрите от себеподобните същества. Наградата за изпълнението на урока навярно сега също е в теб. Но какво значение има твоят урок и изпълнението му – не ти е дадено да знаеш, а и няма защо. На теб и така ти е хубаво. Какво още можеш да искаш?

7 април 1910. Да живееш само, за да изпълняваш не своята, а Неговата воля. Каква свобода! И аз започвам да я изпитвам. Как да не бъдеш благодарен и за раждането, и за живота, и за смъртта?

10 април 1910. 1) Ако се сърдиш на хората, помисли си, дали не е заради това, че ти самият си лош. Ако се сърдиш на животните, то най-вероятно лошотията е в теб. Ако се сърдиш на вещите, то знай, че цялата вина е в теб и трябва да се вземеш в ръце.

3) Какъв голям грях сторих, като отдах състоянието си на моите деца. Всички повредих, дори и дъщерите. Сега съвсем ясно виждам това.

11 април 1910. 2) Приучили са ни, под религия да разбираме точна, определена представа за Бога и Неговите закони, и затова ни се струва, че признаването на непонятния, но несъмнен Бог, и неговите искания, написани не в книгите, а в нашите сърца, не ни удовлетворява. А при това, само в този непонятен Бог и в неговите искания, написани в нашите сърца, е истинската и единствена религия.

12 април 1910. Не обядвах. Мъчителна тъга от съзнанието за мерзостта на моя живот сред хората, които работят, за да се отърват с мъка, да избягат себе си и семейството си от студена, гладна смърт. Вчера 15 човека пържиха палачинки, 5 – 6 души, семейни хора, търчат, едва успяват да приготвят и да поднесат храната. Мъчително срамно, ужасно. Вчера минах покрай каменогелци, сякаш преминах през бой с пръчки през строеж. Да, тежка, мъчителна бедност и завист, и злост към богатите, но не зная, дали срамът от начина ми на живот не е по-мъчителен.

14 април 1910. Четох свои книги. Не е нужно да пиша повече. Струва ми се, че в това отношение направих каквото можах. А ми се иска, страшно ми се иска.

16 април 1910. 1) Не помня кой, Досев или един киевски студент, ме уговаряха да изоставя господарския живот, който водя, според тяхното мнение, защото не мога да се откажа от вкусните яденета, от разходките на кон и тем подобни. – Това е хубаво. Юродство.

2) Как няма да има самоубийства при това извърщаване на вярата и безсмисленост на науката. От вярата в науката; от трън та на глог.

19 април 1910. Днес сутринта дойдоха двама японца. Диви хора в умиление и възторг от европейската цивилизация. В замяна на това получих от индуса и книга, и писмо, изразяващи разбиране на всички недостатъци на европейската цивилизация, даже на цялата ѝ негодност.

20 април 1910. 3) Огромното мнозинство живее единствено животински живот; а по човешките въпроси следва сяпко общественото мнение.

28 април 1910. Не ми е весело на душата. Искане ми се да се усамотя, с хората е тежко.

29 април 1910. 1) Ние се молим с думи. – А общението с Него, с Бога е възможно не с думи, а само с любов.

2) Съзнанието се пробужда от сън. Също така само съзнанието – кой съм аз? – се пробужда от лъжовния телесен живот. Душата, това е съзнанието. Съзнанието изглежда толкова малко. Животът е тъй сложен, осезателен, а съзнанието е нещо толкова малко, тъй слабо забележимо. Малко, слабо забележимо, а ето че е Всичко.

6 май 1910. И материалистите са свършено прави, ако, говорейки за животинския живот, го свеждат до борбата за съществуване и навиците. Но ако се говори за човешкия живот, то трябва да се обясни неговото главно свойство – усилието. А какво е усилието от материалистическа гледна точка?

7 май 1910. Голяма радост: пристигна Чертков.

10 май 1910. 1) Колкото повече живея, толкова по-малко разбирам вещественния свят и напротив, все повече и повече съзнавам това, което не може да се разбере, а може само да се осъзнае.

2) Спасението от злочестината на нашия живот е едно и само едно: признаването на *пълното* безумие на нашия живот и пълното отричане от него.

3) Християнският идеал на нашето време е пълното целомъдрие. Признаването на брака за нещо священо, даже за хубаво, е отричане от идеала. Християнското посвещаване, ако допуснем религиозния акт на посвещаване, може да бъде само едно: да се посветим на пълно целомъдрие, а не на разрешеното полово общуване, а обетът може да

бъде не за вярност към съпрузите, а и за двамата само един: целомъдрие, включващо в себе си вярност към Единствения.

4) Не може да няма самоубийства, щом хората не се опират на нищо, щом не знаят: кои са и защо живеят, и при това да са уверени, че не им трябва да знаят това.

б) Много важно: Тъй както понятието за сътворението е заседнало в главите на хората, изискващо отговори на въпроса: как е произлязъл светът във времето? сътворението на света, (Дарвин) така е и с другия такъв въпрос за произхода на злото (грехът на Адам, наследствеността). Но и едното, и другото са грубо суеверие. Светът не е произлязъл, той - това съм аз, зло не съществува, това пак съм аз.

11 май 1910. 1) Суеверието за злото. Зло няма. Животът е благо. Злото е отсъствие на благо — само признак за заблуждение, за грешка. Времето само затова и съществува, за да можем да видим своите грешки и да ги поправим, да имаме радостта (висше благо) да поправяме своите грешки. Ако не поправяме своите грешки, то те ще бъдат поправени пряко нашата воля от смъртта.

12 май 1910. 1) Колко лесно се усвоява това, което се нарича цивилизация, истинска цивилизация, и от отделните хора и от народите! Премини през университет, почисти си ноктите, възползвай се от услугите на шивача и фризьора, пътувай в чужбина, и ето че си готов най-цивилизован човек. А за народа: повече железопътни линии, академии, фабрики, среднаутти, крепости, вестници, книги, партита, парламенти - и ето че е готов най-цивилизованият народ. Заради това хората се хващат за цивилизацията, а не за просвещението - и отделните хора и народите. Първото е лесно, не изисква усилие и предизвиква одобрение; но второто, напротив, изисква напрегнато усилие и не само не предизвиква одобрение, но винаги е презирано и ненавиждано от мнозинството, защото разобличава лъжата на цивилизацията.

13 май 1910. 1) Само да кажа за това, че повечето хора очакват работата като милостиня, за да стане ясно, колко ужасен е нашият живот и по безнравствеността, и по глупостта, и по опасността, и по злочестината.

4) Че злото е суеверие най-ясно от всичко се вижда от факта, че смъртта се счита за зло. За мен – аз знам, че е зло.

14 май 1910. 1) Колко би било хубаво да си в състояние искрено да отговорим на въпроса: Как си със здравето? – Не зная, това не ме засяга.

18 май 1910. 1) Религиозната истина: съзнаване в себе си на невидимото начало, даващо живот на всичко и стремеж към удовлетворяване исканията на това начало, познаваеми както от всеки човек, така и от най-чувствителните към това съзнание хора. И навсякъде е едно и също: изражението на това висше начало съединява хората, съединените хора под влиянието на похотта – страстите, извърщават разбирането за това начало и неговите изисквания, и съединението на хората служи за основание и причина за отстъпление от осъзнатите изисквания.

22 май 1910. II) Всичко е много просто: Завоевателите, убийците, грабителите са подчинили работещите. Имайки власт да раздават техния труд, заради разпространението, задържането и укрепването на своята власт те викат някои от покорените за свои помощници в грабежа и затова им дават дял от ограбеното. Това, което се е вършело просто и явно в старите времена, сега се прави измамно и потайно. Сред покорените винаги се намират хора, които не се гнусят от участието в грабежите, често, особено сега, без да разбират какво вършат, и заради собствената изгода участват в поробването на своите братя. Сега това се върши от палача, войника, жандармериста, тъмничаря, до сенатора, министъра, банкера, члена на парламента, професора, архиерея, и очевидно не може да свърши по никакъв друг начин, освен, първо, да разбере тази лъжа, и второ, да се развие

нравствено толкова високо, че да се откаже от своите изгоди, само и само да не участва в поробването и страданията на своите ближни.

5 юни 1910. 1) Казват на човека, че трябва да работи, а той вика: не искам. И щом казвате, че всички трябва да работят, то нека всички тези богаташи, които нищо не правят, да ми дадат пример. Щом те започнат да работят, и аз ще започна, а без тях не искам.

14 юни 1910. 4) Не ни е дадено да знаем какво ще бъде след нашата смърт; но можем да знаем и знаем, че е благо.

5) Колко естествено е, че просветените хора покриват цялото си тяло, особено жените, и оставят открито само това, на което е печатът на духовността – лицето. Разголването на тялото сега е признак за падение. Същото би трябвало да важи и за мъжете.

6) В много силно, задушевно молитвено настроение ми се иска да се моля. И се опитвам да се моля: помогни ми да бъда с Теб, да изпълня Твоето дело, да победя всичко лошо в себе си. Но каквото и да мисля, все не е нужното, и осъзнавам, че няма нужда да моля за нищо, че всичко, което мога да прося, ми е дадено, всичко е в мен.

7) Може да съединява само разбирането за това, че само религията обединява – самото разбиране за живота. Но такава религия няма – като църква или бахаисти, а само стремеж към такава единна религия. На единението пречи, първо, неразбирането, че в това е целта, и второто и главното, разбирането му, но с предположението, че тази религия е намерена, че тя е католицизъм, бахаизъм...

Истинската религия е преди всичко търсенето на религия.

8) Срегнах един естонец – управител на имение, деловит, трезв, красив човек, и за първи път ясно разбрах значението на „Русия“ – Орга, заграбваща най-добрите, нравствено и умствено стоящи над оргата нации, която сега се гордее с тях и с всички сили се опитва да ги държи покорени. Колкото и да е отвратително това дело, още по-отвратително е неговото оправдание, възвеличавано като патриотизъм.

15 юни 1910. Да мислиш, че може да се живее безпогрешно, безгрешно е най-голямото и най-вредно заблуждение.

19 юни 1910. 1) Ужасно е не отделното, несвързано, лично, глупаво безумие, а общото, организирано, обществено, умно безумие на нашия свят.

21 юни 1910. 1) Дадено ни е едно единствено, но затова пък неотменимо благо – на любовта. Обичай, и ще изпитваш радост от всичко: и от небето, и от дърветата, и от хората, и дори от самия себе си. А ние търсим благо във всичко друго, но не и в любовта. А търсенето му в богатство, власт, слава, изключителна любов - всичко това не само че не дава благо, но навярно те лишава от него.

22 юни 1910. Ходих с Чертков в Лебучане. Там посетих фабриката – това е проявление на безумието.

28 юни 1910. Приятни разговори с работниците. У Серьожа има толкова много хора, и е скучно, тъжно. Ходих при псалта и говорих с жените. Как можем да живеем сред тази ужасна, напрегната нужда?

11 юли 1910. 3) Не очаквах, че когато те ударят по едната буза, а ти подложиш и другата, че биещият ще се опомни, ще престане да бие и ще разбере значението на твоята постъпка. Не, точно обратното, той ще си помисли и ще каже: колко хубаво, че го набих. Сега вече и по неговото търпение е ясно, че той чувства вината си и моето превъзходство над него. Но зная, че въпреки това, все пак за теб и за всички е по-добре да можеш да го направши - когато те ударят по едната буза, да подложиш и другата. В това е „свършената радост“. Само го изпълни. И тогава можеш само да благодариш за това, което ти се струва мъка.

11 юли 1910. Жив съм едва-едва. Ужасна нощ. До 4 часа сутринта. И най-ужасното от всичко беше Лев Лвович. Той ме ругаеше, сякаш съм малко момче, и ми запovedваше да отида в градината подир София Андреевна.. Не мога спокойно да гледам Лев. Още съм лош. Соня, бедната, се успокои. Жестока и тежка болест. Помогни ми, Боже, да я понеса с любов.

16 юли 1910. 1) Живеем безумен живот, в дълбините на душата си знаем, че живеем безумно, но продължавам по навик, по инерцията да го живеем, или не искаме, или не можем, или и по двете причини, да го изменим.

18 юли 1910. София Андреевна отново е развълнувана. „Изневерил съм ѝ и затова крия дневниците си.“ А после съжалява, че ме мъчи. Неукротима ненавист към Чертков.

20 юли 1910 3) Вярата, това, на което вярват, не е нищо друго, освен суеверие. Хората предпочитат вярата на съзнанието, защото тази вяра е по-твърда и по-лека, също тъй твърда и лека, както следването на обичая, и лесно преминава в навик, но самата вяра винаги не е твърда, колеблива, и не предизвиква движение на духовен живот. Тя винаги е неподвижна и предизвикателна., извиква желание за обръщане към другите, понеже не може и да бъде иначе, тъй като се основава на общественото мнение, а колкото повече хората споделят вярата, толкова е по-твърда. Вярата е мирско дело, удобно условие за телесен живот. Съзнанието за Бога е дело на душата, неизбежно условие за разумен, хубав живот. Вярата винаги е *stationaire* (неподвижна), съзнанието винаги се движи. За „вярващите“ движението на живота се извършва в телесната област, а за съзнаващите – в духовната област.

21 юли 1910. 2) Науката е приют за немощни, или по-скоро поле за успешна изява сред тълпата, открито за всички умствено и нравствено най-ограничени хора. Занимавайки се с наука, той може и да не съзнава това, което прави, преброявайки буболечките или прехвърляйки книгите

и подбирайки от тях цитати, които подхождат на избраната тема, може или нищо да не мисли, или да измисли в това безжизнено, никому за нищо ненужно съображение някаква си теория и да бъде напълно уверен, че върши най-важното дело на света.

26 юли 1910. 1) Има един вечен, човешки закон за любовта, а суеверниците на науката, изследвайки зверовете, са открили закона за борбата и са го приложили към човешкия живот. Какво безумие!

27 юли 1910. 5) Ние не признаваме закона за любовта, присъщ на човека, открит за нас от всички най-велики мъдреци на света и осъзнаван от нас в нашата гуша, защото не го виждаме във веществените явления в света, а виждаме, *виждаме* във веществения свят закона за борбата, свойствен за животните и затова признаваме закона за борбата, приписвайки го на човека. Какво ужасно и грубо заблуждение! А точно то се счита за мироглед, присъщ на най-просветените хора.

5 август 1910. 9) Напълно егоистичният живот е неразумен, животински живот. Такъв е животът на децата и на животните, а не на зрелите хора. Но изцяло егоистичен живот за възрастен човек, притежаващ разум, е противоестественно състояние – лудост. Такова е положението на много жени, живеещи от детството законно егоистичен живот, после егоизмът на семейната животинска любов, после егоистичната съпругеска любов, после майчинството и после лишавачи се от семеен, извънегоистичен живот: деца, оставащи с разсъдька си, но без всеобща любов, в положението на животни. А това положение е ужасно и много обикновено.

7 август 1910. 1) Рядко съм срещал човек, по-надарен от мен с всички пороци: сладострастие, користолюбие, злоба, суетност, и преди всичко, себелюбие. Благодаря на Бога, че зная това, че съм виждал и виждам у себе си цялата тази мръсотия, и че все пак се боря с нея. С това се обяснява и успехът на моите писания.

2) И това оглупяване е особено силно и неизлечимо, защото хората не го виждат, не искат и не могат да го видят. А не искат и не могат да го видят, защото са напълно доволни от себе си, от своето положение. Ние сме в еволюция, в прогрес. Имаме аероплани, имаме подводни лодки.... Какво още искате? Само ни дайте време и всичко ще бъде прекрасно. И наистина, не може немислещите хора да не се възхищават на аероплани и тем подобни...

За каквото и да е, ето че са се появили. А са се появили, защото 0,99 роби правят каквото им е заповядано от 0,01, и е вярно, че се вършат чудеса. И хората вярват, че тези чудеса са нужни, и затова не могат, не искат да променят живота, създаващ тези чудеса. Чудесата поддържат лошия живот. Лошият живот създава чудеса. Нима можеш да си подобриш живота, като продължаваш да живееш зле. Необходимо е само едно нещо: да се поставят на първо място нравствените потребности, а като се поставят на първо място нравствените потребности, веднага ще се унищожат аеропланите и...

13 август 1910. Идва една бивша господарка, фелдшерка. Все същото служене на хората и полова любов.

Колко добре би било хубавичко да развенчая тази любов. Да покажа съверието на тази любов.

15 август 1910. 2) Вместо да се учат на любовен живот, хората се учат да летят. Летят много лошо, но престават да се учат на любовен живот, само за да се научат някак да летят. Все едно птиците да престанат да летят и да се учат да бягат или да правят велосипеди и да ги карат.

24 август 1910. 10) Преди правителството с помощта само на църквата лъжеше народа, за да властва над него, а сега правителството подготвя полека за това дело и науката, а науката на драго сърце и много усърдно се заема с това дело.

1 септември 1910. 1) Хората, надарени с разум и със съзнание за божественото начало в себе си, което ги съединява, вместо да развиват в себе си това начало, искат да се придвижват по-бързо от коне, от елени, да летят като птици, и да заглушават в себе си това, което им е дадено за собственото им благо, и се стараят да развиват в себе си това, което не им е дадено и не им трябва. Удивително!

4 септември 1910. 4) Когато умра, моят дух ще престане да живее в моето тяло, но моето истинско аз, моят дух ще живее и ще продължи да живее в другите същества, които са ме разбирали и ме разбират. — „Но това вече няма да бъде твоят дух“, отговарят на това. „Още по-добре, че в това, което ще остане да живее след мен, няма да бъде намесена моята личност — отвърщам аз. Личността е това, което пречи на сливането на моята гуша с Всичко. А след смъртта ще остане моят дух, но няма да я има личността.“

11 септември 1910. Душан е удивителен със своята омраза към евреите, а заедно с това с признаването на основите на любовта.

15 септември 1910. 1) Да, отначало ти се струва, че светът се движи във времето, и ти вървиш заедно с него, но колкото по-дълго живееш, и колкото по-духовен живот водиш, толкова по-ясно става, че светът се движи, а ти стоиш. Понякога ясно осъзнаваш, понякога отново изпадаш в заблуждение, че се движиш с времето. А когато разбереш своята неподвижност — независимостта от времето, разбцраш и това, че не само светът се движи, а ти стоиш, но заедно със света се движи и твоеето тяло: косата ти побелява, оставаш без зъби, силите ти отслабват, боледуваш, но всичко това става с твоеето тяло, с това, което не си ти. А ти си все същият — винаги един и същи: и на 8 и на 82 години. И колкото повече осъзнаваш това, толкова повече животът сам по себе си се пренася извън теб, в душите на другите хора.

6) Майчинството за жените не е висше призвание.

9) Вместо живеещите от труда на другите да бъдат благодарни на тези, които работят за тях – благодарни са тези, които работят за хората, които ги заставят да работят за тях. Що за безумие е това!

10) Не мога да свикна да приемам гумите ѝ за бълнуване. От това идват всичките ми беди.

Не бива да говоря с нея, защото за нея не са задължителни нито логиката, нито истината, нито казаните от нея гуми, нито съвестта – това е ужасно.

11) Не говоря за нейната любов към мен, от която няма и следа, не ѝ е нужна и моята любов към нея, тя се нуждае само от едно нещо: хората да мислят, че я обичам. И това е ужасното.

13) Прогресът няма никакво значение, нито за отделния човек, нито за човешкия род, защото се извършва във време, което е безкрайно.

Прогресът във времето е само необходимо условие на възможността за съзнаване на благо, усъвършенстването.

24 септември 1910. 2) Разликата между знание и наука. Знанието е всичко, науката – една част. Също като разликата между религията и църквата.

29 септември 1910. 1) Ако има някакъв Бог, то той е само този, когото познавам в себе си, като самия себе си, а също и във всичко живо.

Казват: няма материя, вещество. Не, има, но тя е само това, посредством което Бог не е нищо, не е нежив, а е жив Бог, посредством което Той живее в мен и във всичко. Не зная защо, но зная, че то съществува.

Трябва да се помни, че моята гуша не е нещо – както казват – божествено, а е самият Бог. Щом като съм Бог, съзнавам себе си, тъй няма нито зло, нито смърт, нищо друго, освен радост.

2) Сега съм в лошо настроение: всичко е грозно, всичко ме мъчи, не е така, както бих искал. И ето, спомням си, че животът ми е само в това, да се освобождавам от всичко, което ме скрива от мен самия, и веднага всичко спира. Всичко, което ме е мъчило, ми се струва греболия,

незаслужаваща внимание, а това, в което е животът и което му дава радост, сега е пред мен. Само го вземи. И вместо досада – спокойно обръщане към самия мен, и това, което ме е мъчило, става материал за преработка. А преработката винаги е възможна и винаги дава най-хубавата радост в живота.

3) Каква ужасна умствена отрова е съвременната литература, особено за младите хора от народа. Първо, те си пълнят главите с неясното, самоуверено, празно бръщолевене на тези писатели, които пишат за съвременността. Главната особеност и вреда от това бръщолевене е в това, че цялото то се състои от намеци, цитати на най-разнообразни, най-нови и най-древни писатели. Цитират гумички от Платон, Хегел, Дарвин, за които пишешите нямат ни най-малко понятие, и наред с това гумичките на някой си Горки, Андреев, Арцибашев и други, за които не си струва да имаш каквото и да било понятие; второ, това празноумство е вредно и затова, че като си пълнят главите, в тях не остава нито място, нито свободно време, за да се запознаят със старите писатели, извържали проверката не само на десетки, а на стотици и хиляди години.

2 октомври 1910. Станях болен. Походих. Северен, неприятен вятър. Нищо не записах, но през нощта много хубаво, ясно мислих за това, колко хубаво би могло да бъде художественото изображение на цялата пошлост на живота на богатите и чиновническите класи и на селските работници, а сред едните и другите, поне по един духовно жив човек. Може би жена и мъж. О, колко хубаво би могло да бъде. И как ме привлича това.

1) Бог диша чрез нашите животи и целия живот на света. Той и аз сме едно и също. Щом като разбрах това, станях Бог.

3) Бог диша чрез нас и е блажен. Главното Му свойство е благо. Той е понятен за нас като благо. Ние търсим благо, целият ни живот е в това търсене, и затова, искаме или не искаме, целият ни живот е в търсенето на Бога.

7 октомври 1910. 1) Религията е такова установяване на отношението ни към света, от което произлиза ръководството на всички постъпки. Обикновено хората установяват своето отношение към началото на всичко – Бог, и на този Бог приписват своите особености: наказанията, наградите, желанието да бъдат уважавани, любовта, която всъщност е само човешко свойство, не говоря за нелепите легенди, в които описват бога като човек. Забравят това, че можем да признаем, по-скоро не можем да не признаем, началото на всичко, но да си съставим поне някакво понятие за това начало, никак не можем. Измисляме си своя човешки Бог и се обръщаме към него фамилиарно, приписвайки му нашите свойства. Това фамилиарничене, това смаляване на бога най-много от всичко извращава религиозното разбиране на хората и в голямата си част лишава хората от каквато и да е религия – ръководство на постъпките. За установяването на такава религия най-добре е бог да бъде оставен на мира, да не му приписват не само сътворяването на рая, ада, гнева, желанието за изкупуване на греховете и тем подобни глупости, но да не му приписват и воля, желания, даже любов.

9 октомври 1910. 1) Тялото? За какво е тялото? За какво са пространството, времето, причинността? Но нали въпросът: за какво? е въпрос за причинността. И тайната, за какво е тялото, си остава тайна.

2) Трябва да се пита: не защо живея, а какво да правя.

10 октомври 1910. 3) Когато революционерите достигнат до властта, те неизбежно ще трябва да постъпват, тъй както постъпват всички властваци, т.е. да извършват насилие, т.е. да правят това, без което няма и не може да има власт.

19 октомври 1910. 2) Да живееш пред Бога, не значи да живееш пред някакъв Бог на небето, а значи, да извикаш в себе си Бога и да живееш пред него.

22 октомври 1910. В писмото до Досев има много истина, не не е цялата. Има и слабост. Нямам желание дори за писане в дневника. Книгата на Николаев е прекрасна.

23 октомври 1910. Писмото до Досев за мен е преди всичко програма, от изпълнението на която съм все още толкова далеч.
Писмото на Гусев за Достоевски изразява точно моите чувства.

26 октомври 1910. Много ми е тежко в този дом на умопобъркани.

Таен дневник.

1910, 29 юли. [Ясна поляна.] Започвам нов дневник, таен дневник. Днес трябва да запиша едно нещо: това, че ако подозренията на някои мои приятели са верни, то сега е започнат опит за постигане на целта с ласки. Вече няколко дни тя ми целува ръката, която никога не се е случвало преди, и няма сцени и отчаяние. Боже, прости, и вие, добри хора, ако греша. Лесно се заблуждавам в добрата, любовната страна. Съвсем искрено мога да я обичам, което ми е невъзможно по отношение на Лев. Андрей просто е един от тези, за които е трудно да се мисли, че душата Божия е в тях (но я има, помни). Ще се опитам да не се дразня и да държа на своето, най-вече с мълчание. Не бива да се лишават милиони хора, може би, от нужното им за душата. Повтарям: "може би". Но дори да има и най-малка вероятност, написаното от мен да е нужно за душите на хората, то не трябва да ги лишавам от тази духовна храна, за да може Андрей да пие и да развратничи и да цапа Лев и ... Е, Бог да е с тях. Върши своето и не осъждай.. Утро.

30 юли. Чертков ме въвлече в борба, и тази борба ми е много тежка, и противна. Ще се опитам да я водя с любов (страшно е да го кажа, толкова съм далеч от това).

В сегашното ми положение, едва ли не най-нужното е - да не се прави

нищо, да не се говори. Днес ясно осъзнах, че трябва само да не развалям своето положение и ясно да помня, че нищо, нищо не ми е нужно.

5 август. Малко по-светли мисли. Съвестно, срамно, комично и тъжно е моето въздържание от общуване с Чертков. Вчера сутринта беше много жалка, без злоба. Винаги тъй се радвам от това - толкова ми е лесно да я съжалявам и обичам, когато тя страда и не кара другите да страдат.

18 август. София Андреевна, като разбра за разрешението Чертков да живее в Телятинки, стигна до болестно състояние. "Ще го убия." Молих я да не говори и да мълчи. И това, сякаш, подейства добре. Нещо ще става. Помогни ми, Боже, да бъда с теб и да правя каквото исках. А какво ще се случи, не е моя работа. Често, не, не често, но понякога съм в такава душевно състояние и тогава ми е толкова хубаво!

20 август. Хубаво си говорих с пазача. Лошото е, че разказах за своето положение. Яздих, и гледката на това царство-господарство така ме измъчва, че се замислям да избягам, да се скрия. Днес си мислех, спомняйки си за своята женитба, че това е било предопределено от съдбата, аз дори никога не съм бил влюбен. А не можех да не се оженя.

24 септември. Загубих малкия дневник. Пиша тук. Началото на деня беше спокойно. Но на закуска започна разговор за "Детската мъдрост", което колекционерът Чертков е събрал. Къде ще гене ръкописите след смъртта ми? Малко разгорещено помолих да ме остави на мира. Сякаш нищо. Но след обяда започнаха упреци, че съм ѝ крещял, че би трябвало да я съжаля. Аз мълчах. Тя се прибра в своята стая, а сега вече е 11 часът, а тя не излиза и ми е тежко. Писмо от Чертков с упреци и обвинения. Те ме разкъсват на части. Понякога си мисля: да се махна от всички. - Оказва се, че е спала и излезе спокойна. Легнах да спя след 12 часа.

26 септември. Отново сцени заради това, че закачих портретите, тъй както бяха преди. Започнах да говоря, че не може да се живее по този начин. И тя разбра. Душан каза, че е стреляла с детски пистолет, за да ме изплаши. Не се уплаших и не ходих при нея. И толкова по-добре. Но е много, много трудно. Помогни ми Боже.

31 октомври. Продиктувано на А.А.Толстой. Бог е това неограничено Всичко, от което човек се осъзнава като една ограничена част. Истински съществува само Бог. Човекът е Негово проявление във веществото, времето и пространството. Колкото повече проявлението на Бога в човека (животът) се съединява в проявленията (животите) на други същества, толкова повече той съществува. Съединяването на този свой живот с животите на други същества се извършва чрез любовта.

Бог не е любов, но колкото повече любов има, толкова повече човек проявява Бога, толкова повече съществува истински.

Астапово, 31 октомври, 13 ч. и 30 мин.

Лев Н. Толстой
Дневники - избранное
1881 - 1910г

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Дневники Льва Толстого как зеркало духовных ценностей и сущности человека

Дневники всемирно известного русского писателя и мыслителя Льва Николаевича Толстого занимают 13 томов 90-томного собрания сочинений, изданного в период с 1928 по 1958 годы в бывшем СССР. До сегодняшнего дня они не издавались полностью ни в России, ни в мире. Издается и распространяется лишь их сокращенная 2-томная версия, представляющая собой часть двадцатитомного издания собраний сочинений Льва Толстого, выпущенного в СССР в 1965 году. Составителем этого сокращенного издания является Николай Иосифович Шифман. Особенно сильно сокращен текст дневников Толстого с 1881 г. по 1910 г., в которых пропущены все религиозно-философские и некоторые социальные мысли Толстого. В Болгарии издан 1 том – Дневник, изд. «Народна култура» София, 1994 г. Он представляет собой сокращенный вариант русского двухтомника и составлен Софией Бенц.

Настоящее двуязычное издание дневников Льва Толстого имеет целью познакомить болгарских читателей с избранными частями, пропущенными и не публиковавшимися в течение последних 60 лет религиозно-философскими и социальными мыслями Толстого. Они содержатся в его дневниках 1881-1910 гг, включенных в 49-58 тома 90-томного собрания сочинений.

Тексты приведены без редакции и изменений в нумерации – так же, как в тт. 49-58. Дневники с 1847 по 1881 гг. не являются предметом данного издания.

Лев Толстой пишет своему ближайшему другу и единомышленнику В. Г. Черткову: «Из всех моих писаний только издание дневников моих последних годов, если выпустить из них все случайное и неясное, может быть полезно людям» (13.05.1904 г.). Дневники второго периода жизни и творчества Льва Толстого – самый объективный документ его чувств

и мыслей, его состояния и мироощущения, его веры и смысла жизни. Все это необходимо людям, чтобы понять тот чудесный перелом 1879-1880 гг в его жизни и творчестве, после которого Лев Толстой отказывается от своих авторских прав, от своей собственности и приступает к физическому труду на селе.

Та́йна этого его поведения и его новых религиозно-философских взглядов открыта и доступна в его дневниках 1881-1910 годов. После того как Толстой исполнил свои «социальные функции», побыл военным, учителем, писателем, супругом, отцом, перед ним встает вопрос – кто же он, в сущности? Он не находит удовлетворяющего его ответа ни в религии, ни в науке, ни в философии, ни в искусстве. И потому обращается к себе, к своей интуиции, уму, логике и знанию. Обращается и к непосильной, невыносимо тяжелой физически трудовой жизни крестьян и рабочих. Так происходит его спасение от самоубийства, так он находит смысл своей жизни, так отвечает на вопрос – кто я?

Образ Толстого, который выстраивается из его дневников, начиная с 1880 г, невероятен, необъясним, противоположен и неприемлем для существовавших тогда и сейчас религии, науки, философии и искусства. Потому что коренным образом отличается от выстроенных ими образа – модели человека. Религиозная модель человека – это грешник, который спасается через веру, которую ему предлагают служители церкви – посредники между ним и Богом. Научная модель – это человек, являющийся интеллектуальным и физическим орудием материального благоденствия. Философская модель – это софизм за софизмом без разумной основы. Искусство предполагает человека для развлечений и игр, отдавшего себя чувствам и инстинктам. Подход Толстого к человеку основан на соединении разумных компонентов религии, науки, философии, искусства, взятых в их взаимосвязи. Этот комплексный подход Толстого к самому себе, к человеку – загадка в нарушение общепринятых правил существующего познания. Толстой анализирует религию методами науки, средствами философии и интуицией искусства. Возникает новый образ

человека: «Тело мое – не я, разум мой – тоже не я. Не я и мое сознание. Я, мое истинное я, это – то, что я сознаю. Сознаю же я свою духовную, божественную сущность. Я не понимаю эту сущность, но она – то одна и есть настоящий я.» (20.07.1907 г.) Выводы Толстого целиком основаны на его личном опыте, после того как он превратил себя в научную лабораторию для исследования своего человеческого духа.

Человек в дневниках Толстого определяет свое основное понятие для познания – разум. Он проявляется в отношении к непознанному и необъяснимому, вневременному и внепространственному началу, которое находится в человеке и вне его, которое дает жизнь и отбирает ее через смерть. Это отношение – разум – определяет сознание человека. Это сознание Толстой называет разумным религиозным сознанием, которое сознает, что в нем есть «свободное, всемогущее, вневременное, внепространственное».

Если человек перенесет в свое духовное сознание смысл своей жизни – значит, он постиг наивысшее благо для себя, исполнился любовью. Любовью, которая освещена разумом и стала проявлением сознания. Для Толстого душа – это сознание: «Как ни желательно бессмертие души, его нет и не может быть, потому что нет души, есть только сознание Вечного – Бога» (25.02.1904 г.). Это непоколебимое и подлинное сознание достигается, если признаешь бессмыслие и несчастье материальной, животной жизни и безумие объяснить духовное материальными законами. Духовное сознание исполнено любовью ко всем и всему. Это, согласно Толстому, есть подлинная радость, счастье и благодать человека, осознавшего свою божественную сущность и проявившего ее содержание – любовь. Это возвышенная любовь сопричастия, сострадания, милости, самоотдачи и самопожертвования. Человек по Толстому имеет выбор – жить согласно своей животной материальной природе или через свое духовное сознание, которое принадлежит неизвестному, непознаваемому, но осознаваемому Богу.

После того как он объяснил это для себя, Толстой обращается к действительности вокруг себя. И начинает с физического труда: «Поша пишет превосходно, что нужна во всем мера – и в физической работе; а то физическая работа озверяет. Но зная, что она озверяет, он пишет, тем более мы не должны сваливать, ее на других. Как кратко и сильно» (25.01.1891 г.). Это и первое видимое изменение в поведении Толстого – он приступает к физическому труду. Разделяет радость от осознанного труда и чувствует себя полноценным и удовлетворенным.

Толстой отрицает насилие, которое существует только потому, что люди не осознают свою духовную сущность и неземную любовь в ней. Успешная борьба с насилием возможна только через неучастие и неприменение его в жизни.

«Царство Божие внутри нас и достигается усилием» (17.06.1890 г.)

Его единомышленник Б.Мазурин обобщает:

«Как хорошо, что Л. Н. Толстой не создал никакой церкви, никакой партии, никакой секты, не дал никаких догматов. Он указывал людям путь жизни, какой считал истинным. Он делился своим опытом на этом пути, давал направление и оставлял за каждым то, что и должно принадлежать каждому - самостоятельно мыслить, самостоятельно принимать решения и жить, руководствуясь своим разумом и своей совестью, согласно сил и требований души.»

Йордан Йорданов
Составитель

Том 49

1881 г.

18 мая 1881.

Утром Сережа вывел меня из себя, и Соня напала непонятно и жестоко. Сережа говорит: учение Христа все известно, но трудно. Я говорю: нельзя сказать «трудно» бежать из горящей комнаты в единственную дверь.

Начали разговор. — Вешать — наго, сечь — наго, бить по зубам без свидетелей и слабых — наго, народ как бы не взбунтовался — страшно. Но жидов бить — не худо. Потом вперемежку разговор о блуде — с удовольствием.

Кто-нибудь сумашедший — они или я.

27 июня 1881. Очень много бедного народа.

28 июня 1881. Обедают, а уже телега едет на пикник промежду мужицких телег, везущих измученный работой народ.

6 июля 1881. Революция экономическая не то, что может быть. А не может не быть. Удивительно, что ее нет.

22 июля 1881. Молокане. Я читал свое. Горячо слушают.

11 августа 1881. Целый день не в духе — тяжело.

3 сентября 1881. Нелюбви много в народе.

5 октября 1881. Москва. Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат.

Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманивать у них назад награбленное. Мужики на это ловчее.

Дневник 1884 г.

Из Лаоцы. XXVI

Когда человек рождается, он гибок и слаб; когда он колян и крепок — он умирает. Когда деревья рождаются, они гибки и нежны. Когда они сухи и жестки, они умирают.

Крепость и сила спутники смерти. Гибкость и слабость спутники жизни. Поэтому то, что сильно, то не побеждает.

Когда дерево стало крепко, его срубают.

То, что сильно и велико, то ничтожно; то, что гибко и слабо, то важно.

Конфуций не упоминает о Шанг-ти — личном Боге, а всегда только о небе.

А вот его отношение к миру духовному: его спрашивают, как служить духам умерших. Он сказал: Когда вы не умеете служить живым, как вы будете служить мертвым? — Спросили о смерти: Когда вы не знаете жизни, что вы спрашиваете о смерти?

6/18 марта 1884. Москва. Переводил Лаоцзы. Не выходит то, что я гумал.

7/19 марта 1884. Грехи: 1) Читал письмо Ролстону. — Соня, не дослушав, стала запрещать. Я раздражился на мгновение. 2) Встал лениво — не убрал комнаты.

18/30 марта 1884. Письмо от Черткова. Люблю его и верю в него.

[март. Повторение] Поздно встал. Читал Конфуция и записывал.

Религиозное — разумное объяснение власти и учение о нем китайское было для меня откровением. Если Богу угодно, я буду полезен людям, исполнив это. Во мне все больше и больше уясняется то в этом, что было неясно. Власть может быть не насилие, когда она признается как нравственно и разумно высшее. Власть, как насилие, возникает только тогда, когда мы признаем высшим то, что не есть высшее по требованиям нашего сердца и разума. Как только человек подчинился тому — будь то отец или царь, или законодательное собрание, — что он не уважает вполне, так явилось насилие. Когда то, что я считаю высшим, стало не высшим, и я осуждаю его, то употребляются обыкновенно два способа: 1) стать самому выше того, что было высшим — подчинить его себе (ссоры сыновей с отцами, революции), или, несмотря на то, что высшее перестало быть высшим —

продолжать нарочно считать его высшим — конфуцианство, славянофильство, Павел (несть власти не от Бога)

23 марта/4 апреля 1884. Стоит войти в рабочее жилье, душа расцветает.

26 марта/7 апреля 1884. Читал Кривенко: Физический труд. Превосходно.

29 марта/10 апреля 1884. Читал Конфуция. Все глубже и лучше. Без него и Лаоцы Евангелие не полно. И он ничего без Евангелия. Письмо после обеда от Черткова. Он сердится за разумение вместо Бога. И я с досагой подумал: коли бы он знал весь труд и напряжение, и отчаяние, и восторги, из которых вышло то, что есть. Вот где нужно уважение. Но чтобы оно было, нужно его заслужить. А чтобы его заслужить, нужно его не желать. — Две вещи мне вчера стали ясны: одна неважная, другая важная. Неважная: я боялся говорить и думать, что все 99/100 сумашедшие. Но не только бояться нечего, но нельзя не говорить и не думать этого. Если люди действуют безумно (жизнь в городе, воспитание, роскошь, праздность), то наверно они будут говорить безумное. Так и ходишь между сумашедшими, стараясь не раздражать их и вылечить, если можно. 2) Важная: Если точно я живу (отчасти) по воле Бога, то безумный, большой мир не может одобрять меня за это. И если бы они одобрили, я перестал бы жить по воле Бога, а стал бы жить по воле мира, я перестал бы видеть и искать волю Бога. Таково было твое благоволение. Чертков озорчил меня, но не надолго.

30 марта/11 апреля 1884. Пришли в голову «Записки не сумашедшего». Как живо я их пережил — что будет? Как удивительно, что гнева — нет за месяц почти.

6/18 апреля 1884. Он [Чертков] удивительно одноцентричен со мною

14/26 апреля 1884. Надо в несчастной жизни быть счастливым.

16/28 апреля 1884. Они меня с Соней называли сумашедшим, и я чуть было не рассердился... Бороться не надо. Надо очищать, освящать ум.

18/30 апреля 1884. Львов рассказывал о Блавацкой, переселении душ, силах духа, белом слоне, присяге новой вере. Как не сойти с ума при таких впечатлениях? Шил сапоги.

26 апреля/8 мая 1884. Все считают меня плутом.

3 мая/15 мая 1884. Бедная, как она ненавидит меня... Можно говорить о выгодах города, как выгоды, но как только поставит вопрос, что нравственнее, так все кончено.

Мне тяжело. Я ничтожное, жалкое, ненужное существо и еще занятое собой. Одно хорошо, что я хочу умереть. Было письмо от Юргенс. Хочет моих советов, а что я могу?

4 мая/16 мая 1884. Прокурорство Давыдова невыносимо — отвратительно мне. Я вижу, что в этих компромиссах все зло. Я не сказал ему. Он рассказывал невероятные гадости и глупости их службы и отношения с губернатором. Ел много и курил. Вечером шил. Лучше умереть, чем так жить.

5 мая/17 мая 1884. Дома все та же всеобщая смерть. Огни маленькие дети — живы.

6 мая/18 мая 1884. Он [Серге́й] ненавидит меня за мою веру.

[Ма́й. Повторение] Еще сознание того, что надо только делать добро около себя, радовать людей вокруг себя — без всякой цели и это великая цель.

30 мая/11 июня 1884. Косил.

Отчуждение с женою все растет. И она не видит и не хочет видеть

.2 июня/14 июня 1884. Второго дня начал не есть мясо.

4 июня/16 июня 1884. Косил долго. Обедали. Сейчас же пошел шить и шил до позднего вечера. Не курил. Вокруг меня идет то же гармоество.

18 июня/30 июня 1884. Я ушел и хотел уйти совсем, но ее беременность заставила меня вернуться с половины дороги в Тулу. Если кто управляет делами нашей жизни, то мне хочется упрекнуть его. Это слишком трудно и безжалостно.

23 июня/5 июля 1884. Я не переставая работал и очень устал. Не мог спать — руки ныли, но очень хорошо и телесно, и душевно.

24 июня /6 июля 1884. Перечитывал дневник тех дней, когда отыскивал причину соблазнов. Все вздор, одна — отсутствие физической напряженной работы.

7 июля/19 июля 1884. Сцена. Я ушел. — Она начинает плотски соблазнять меня. Я хотел бы удержаться, но чувствую, что не удержусь в настоящих условиях. А сожитие с чужой по духу женщиной, т. е. с ней — ужасно гадко.

14 июля/26 июля 1884. Напрасно я не уехал. Кажется, этого не миную. Хотя ужасно жаль детей.

1 августа/13 августа 1884. Главное, как ложно учение любви. Это не шутка, что я ненавижу любовь как учение. Любовь есть сама жизнь, цель, закон, а они и Павел, и непонимающие учения Христа выставляют ее правилом. Как правило, это величайшая ложь.

3 августа/15 августа 1884. Почти целый день косил.

Том 50

1888 г.

25 ноября 1888. Нам надо перестать писать, читать, говорить, надо делать.

28 декабря 1888. Приехал Поша. Он мне объявил, что они поцеловались.

1889 г.

5 января 1889. С Пошей объяснялся. Все больше и больше люблю его. Бога нет, нравственных принципов нет — одно течение. Страшные лицемеры, книжники и вредные.

8 января 1889. Поша уехал. Я ему сказал, в чем его упрекаю.

19 января 1889. Рано. Много гдумалось еще в постели. А именно: от греха страдание. От страдания разумение. От разумения — любовь. Разумение уничтожает грех; любовь уничтожает страдание.

6 марта 1889. Я сказал: Люди жили и не знали зачем, Христос объяснил закон жизни: установления Царства Божьего на земле и дал смысл жизни каждого — участия в этом установлении Царства Божьего. — И все это самая точная, ясная реальная философия. И ее-то они называют мистицизмом. Да, жалки, ужасно жалки.

27 марта 1889. творить волю Бога? Как узнать ее? Одно средство — жить, не нарушая закона (чистоты, смирения и любви).

28 марта 1889. Устраивают управление, улучшают его. Для чего? Для того, чтобы эта гибель людей, и гибель в других видах, могли бы успешно и беспрепятственно продолжаться. Удивительно!

30 марта 1889. ... а истина в жизни христианской, а жизнь христианская в полном отречении от собственности, безопасности, следовательно и всякого насилия.

19 апреля 1889. Точно я только для этого нарочно сделан тем, что я емь с моей репутацией — сделан колоколом.

22 апреля 1889. Думал: Удаление в общину, образование общины, поддержание ее в чистоте — все это грех — ошибка. Нельзя очиститься одному или одним; чиститься, так вместе...

Все дело в том, чтобы исполнять закон истины...

Нужно одно: самому, каждому приближаться к идеалу по мере света. О коли бы это начали делать. Что бы случилось со всем злом мира?

23 апреля 1889. Важнее уничтожение, изъятие лучших нравственно людей. Это и делается. И все-таки мир не погибает.

1 мая 1889. Гадко, отвратительно. Ничего не мог делать.

19 мая 1889. Обыкновенно предполагают и Христос даже так (по Луке) учил о собственности, чтоб — отдать собственность. Это не верно. Церковь, государство, собственность. Все это надо уничтожить только в себе; в себе уничтожить признание действительности этих дел, а разрушать ничего не надо. Для человека, уничтожившего в себе хоть собственность, не нужно будет ничего отдавать, а нужно только жить, не признавая ее.

23 мая 1889. Он очень, очень легкомысленный, тщеславный человек. Зачем живут все эти люди?

30 мая 1889. Люди, не воскресшие к жизни, заняты всегда и все только приготовлениями к жизни, а жизни нет. Заняты едой, сном, учением, отдыхом, продолжением рода, воспитанием. Одного нет — жизни, роста своей жизни. Растить свою жизнь — служить Богу.

Завтрак на крокете. Все тот же разврат роскоши и праздности среди нищеты и труда: тяжело. Да и болит и не в духе. Хотя в глубине души хорошо и росту и всех люблю.

6 июня 1889. Я несчастлив, потому что не чист. Как установить чистоту?

13 июня 1889. Страхов рассказывал воскресенье Вагнера оперы. Ужасно слушать, до какого полного безумия дошли люди. Надо писать об искусстве.

Но кто такой тот, кто помогает борьбе? Не знаю. Должно быть, Бог. Тот, что во мне, тот, которого я должен любить всем сердцем, всей душой и всем разумением. Да, 1) тело, животное, 2) человек разумный и 3) Бог. Вот из чего я состою.

19 июня 1889. Все та же мучительная неправильная жизнь. Все во зле и все мучаются.

20 июня 1889. Встал в 6 и пошел пахать. Очень приятно.

26 июня 1889. Косил целый вечер, пришел Файнерман. Я спорил с ним. Он сожалел обо мне, что я не отдаю имения и не устраиваю общину. Он с Алехиным слишком односторонен. И мало религиозен.

28 июня 1889. Встал в 5. Прекрасно работал целый день. Проводил Файнермана. Он молод и не то, что революционерен, но социалистический идеал у него заглушает все. — Вечером почувствовал тоску под ложечкой и ночь не спал.

1 июля 1889. Одно плохо: социалистическое Марксовское представление, что если очень долго делать гурно, то само собою сделается хорошо. Капиталы сходятся в малое число рук, под конец сойдутся в огни.

Рабочие союзы тоже сольются в один. И будет капитал и рабочая сила разделенные. Тогда власть или революция соединит их, и все будет благополучно. Главное то, что ничего в нашей цивилизации не уменьшится, не пойдет назад: будут те же дворцы, астрономические

обеды, сласти, вина, экипажи, лошади — только все будет доступно всем. Вот это непонятно, как они не видят, что это невозможно. Возьмите сейчас роскошь Яснополянского дома, разделите ее между мужиками. Нельзя. Ничто не годится. (Надо отказаться от роскоши.) Пока есть насилие, сила капитала и изобретения направлялась не на то, что нужно...

Надо решить, кому служить — Богу или Мамону. Обоим нельзя. Если Богу, то надо отказаться от роскоши и цивилизации, будучи готовым устроить ее завтра же, только общую и равную.

14 июля 1889. Вернувшись домой, встретил озлобление Сони на Романова за то, что он в кухне удивлялся на то, что за 12 господами ходят 16 слуг и не одобрял это.

17 июля 1889. От Чертковых телеграмма — дочь у них умерла...

25 июля 1889. Зачем им жениться?

27 июля 1889. Человек, делающий волю Бога, всегда не знает, не может знать того, что произойдет, видимых последствий. Он всегда с завязанными глазами. И тем лучше исполняет волю Бога, чем он слепее....

...только эта вера не есть для меня та вера, про которую говорят православные, вера, руководящая жизнью; эта вера есть следствие мирозерцания. Из этого ясно различие веры и мирозерцания.

Мирозерцание — это то, во имя чего живешь, поступаешь так, а не иначе, потому что оно-то определяет благо и зло, проводит черту между ними....

Нужно, чтоб люди поняли, что нельзя покупать и продавать людей. А для этого нужно — свобода от вмешательства правительства и главное, свобода, даваемая воздержанием. О ней-то никто не говорит..

1 сентября 1889. Наивыгоднейшее устройство всех получится не тогда, когда целью каждого будет стоять выгода, земное благо, оно получится только тогда, когда целью каждого будет стоять благо независимое от земного, когда каждый от сердца скажет: блаженны нищие, блаженны плачущие, гонимые. Только тогда, когда каждый не будет искать блага земного, когда будет искать духовного.

13 сентября 1889. Успокаивает больше всего сознание того, что я должен поступить по Божьи так, как поступает Бог. Он не сердится, не огорчается и не ослабевает, а все тот же добрый, радостный и всемогущий. Таков должен быть и я.

14 сентября 1889. Признаки же того, что живем мы по Божьей воле: Самый первый, главный, несомненный признак, которым мы так склонны пренебрегать, это отсутствие ощущения духовного страдания. Если испытываешь полную свободу ничем ненарушаемую, то живешь по воле Бога. Другой признак, поверяющий первый, это не нарушение любви с людьми. Если не чувствуешь враждебности ни к кому и знаешь, что к тебе не чувствуют зла, ты в воле Бога. Третий признак, опять поверяющий первый и поверяемый им, есть рост духовный. Если чувствуешь, что делаешься духовнее, побеждаешь животное, ты в воле Бога.

15 сентября 1889. Читал о калмыках, о том, что им мало нужно, и они не мучают себя работой, как европейцы, приучившие себя к тысячам прихотей и потом отдающие всю жизнь на удовлетворение их. Думал: Радоваться! Радоваться! Дело жизни, назначение ее — радость. Радуйся на небо, на солнце, на звезды, на траву, на деревья, на животных, на людей. Избегай труда для себя, мучительного тяжелого труда. Деятельность для другого не есть труд. Будьте как дети — радуйтесь всегда. Какое страшное заблуждение нашего мира, по которому работа, труд есть добродетель. Ни то ни другое, но скорее уж порок. Христос не трудился.

24 октября 1889. К религиозному сознанию истинному непоколебимому привело меня признание бессмысленности и бедственности жизни и признание не рассудочное, а чувство всего существа.

28 октября 1889. Думал: 1) К роману или драме: «Духовное рождение». Ему открылась ложь его жизни и истина истинной и он избирает первый попавшийся путь: отдавать нищим, ходить за больными, учредить общину, проповедывать и ошибается. И вот все в восторге нападают на него и на истину.

30 октября 1889. ...сидел с Алехиным. Он не христианин. Он самоуверен, самодоволен и потому жесток. Тяжело с ним.

31 октября 1889. ... длинное письмо от Черткова. Он критикует Крейцерову Сонату очень верно, желал бы последовать его совету, да нет охоты. Апатия, грусть, уныние.

Во мне, я чувствую, вырастает новая основа жизни, — не вырастает, а выделяется, высвобождается из своих покровов, новая основа, которая заменит, включив в себя стремление к благу людей. Эта основа есть служение Богу, исполнение его воли по отношению к той его сущности, которая поручена мне.

11 ноября 1889. Мое недовольство жизнью от того, что я забываю, что я не хозяин, а работник. Инструкции от хозяина ясны — правда и любовь.

13 ноября 1889. Наше сознание жизни истинной потеряно и подменено ложным сознанием жизни плотской.

Том 51

1890 г.

3 февраля 1890. Ходил в Царево. Пьяны[и] роет[?], бабы пьяные нагой смеялись и кнутом ударили.

17 февраля 1890. Усилие одно, главное, которое свойственно делать человеку и которое никогда не надо прекращать — это усилие просветить себя — не знанием запятых и лейкоцитов, а истинной мудростью людской. Когда же человек просвещен, то он уж без усилий будет делать то, к чему влечет его природа.

19 февраля 1890. И несправедливо распределять обязанности: семейные, общественные, личные. — Одни обязанности перед своей совестью. Что будет — я не знаю и не могу знать, а что должно — знаю.

9 марта 1890. Церкви сделали из Христа Бога спасающего, в которого надо верить и которому надо молиться. Очевидно, что пример его стал не нужен. Работа истинных христиан именно в том, чтоб разделать эту божественность (картина Ге). Если он человек, то он важен примером и спасет только так, как себя спас, т. е. если я буду делать то же, что он.

15 марта 1890. Хорошо с Файнерманом, и то, что он говорит об общинниках, хорошо; но об общинах плохо. Начинают чувствовать неправду.

13 марта 1890. Не стараться делать добро надо, а стараться быть добрым; не стараться светить надо, а стараться быть чистым. Человек носит в себе алмаз, призму которого он может очистить и не очистить. И потому все дело человека внутренне не в делании добра, не в свечении людям, а только в очищении себя. И свет и добро людям — неизбежные последствия очищения.

18 марта 1890. Соня пришла и стала говорить о продаже сочинений новых, и мне стало досадно. Стыдно мне.

28 марта 1890. Любовь к самке, к самцу, к детям нужна для животного рода. Но любовь ко всем, к животным, к врагам, зачем она? И как она могла возникнуть из животных сил? Любовь есть то, что вселилось в животное и не может умереть с ним.

10 апреля 1890. Теперь только малая часть, часть людей, имеющая власть, пользуется благами цивилизации, а большая лишена этих благ... Никакое увеличение производительности и богатств ни на волос не увеличит блага низших классов до тех пор, пока высшие имеют и власть и охоту потреблять избыток богатств... До сих пор против этого придумано три средства, из которых трудно решить, которое глупее; так они глупы все три. Одно, первое, средство революционеров, состоит в том, чтобы уничтожить то высшее сословие, через которое уходят все богатства. Но все богатства все будут уходить опять к тем людям, которые будут иметь власть, до тех пор, пока будет власть. Другое средство не изменяя существующего порядка, от высших сословий, имеющих богатство и власть, отбирать маленькую

долю этих богатств и бросать их в бездонную пропасть нищеты. И наконец 3-е средство, которое с особенной силой проповедуется теперь в Америке. Средство состоит в том, чтобы заменить соревновательное, индивидуалистическое начало экономической жизни началом общинным, артельным, кооперативным.

Средство одно — показать людям их истинное благо и то, что богатство не только не есть благо, но отвлекает их, скрывая от них их истинное.

Одно средство: заткнуть дыру мирских желаний. Только это одно даст равномерное тепло.

20 апреля 1890. Пахал и писал.

26 апреля 1890. Пахал и очень устал. Ужасная жара.

18 мая 1890. Анархисты правы во всем. Ошибаются они только в том, что анархию можно установить революцией — учредить анархию!

25 мая 1890. Наибольшее сближение с Богом это наибольшее сосредоточение в настоящем. И наоборот.

17 июня 1890. ... что мне хочется так-то именно, распространением его истины не словом, но делом, жертвой, примером жертвы служить Богу; и не выходит. Он не велит. Вместо этого я живу, пришитый к юбкам жены, подчиняясь ей и ведя сам и со всеми детьми грязную, подлую жизнь, которую живо оправдываю тем, что я не могу нарушить любви. Но ты знаешь, что в моем сердце и чего я хочу...

Господи, Отец. Люблю тебя, возьми меня. И благодарю тебя за то, что ты открыл себя мне. Не скрывайся от меня.

Помню себя, как я предполагал осуществление всего доброго в крестьянской жизни; вижу людей, верящих в осуществление идеала в европеизме, в монашестве, у тогов в горах Индии. Все молодые люди, созерцая идеал, всегда надеются найти его где-нибудь и спешат искать. Они не знают и не хотят верить, что его не надо искать там и здесь, в пространстве и времени, а что идеал затем дан, чтобы его осуществлять сейчас, здесь. Царство Божие внутри нас и достигается усилием.

26 июня 1890. Еще думал, лежа в лесу и глядя на дальний лес и небо: не нужна мне, бесполезна мне красота природы, как и красота искусства, гораздо низшая. Другое нужно и радует. А это только развлекает, отвлекает. Но зачем же это?

Косил и работал много. У меня сделалось головокружение, и я испугался. И стал думать о смерти. И я увидал, как я уж испортился, отошел далеко назад к плотской мерзости.

28 июня 1890. Письмо от Анненковой тоже осуждающее.

29 июня 1890. Община Алехина прекрасное дело; для тех, которые могут его делать. (Я думаю, что я на старости лет стал бы его делать.) Но несколько не обязательное дело для всех. Но и думать, что святая божеская жизнь осуществима на земле и устраивать жизнь, которая казалась бы такою другим и даже себе — тоже неправильно и вредно.

3 июля 1890. Если бы мужчины не были связаны с женщинами половым чувством и вытекающей из того снисходительностью, они бы видели ясно, что женщины (большей частью) не понимают их, и не говорили бы с ними. Исключая девственниц.

6 июля 1890. Убирал сено. Потом приехали Зиновьевы. Очень мне тяжело с людьми мертвыми. А они так сознательно, нарочно мертвы.

31 июля 1890. Зачем физическая сила тела. Только затем, чтобы, сжигая ее, тем светить духовно.

3 августа 1890. Православие и христианство имеют общего только название. Если церковники христиане, то я не христианин, и наоборот.

6 августа. Чем люди безнравственнее, тем выше предъявляемые ими требования.

19 август 1890. Пирогово. Страхов и Темиряев хорошие, порядочные люди и вот ругаются. Отчего? От науки, как мужики от вина; стало быть — наука ихняя скверная.

Церковь есть учреждение для скрываетия Христова учения.

23 августа 1890. Дело жизни, работа жизни, вся жизнь это установление царства Бога, царства любви. Это и сама жизнь.

26 августа 1890. Все: мои болезни, моя женитьба, характер жены — все, что иногда казалось мне злом, было и есть благо. Все благо, зла нет.

27 августа 1890. Это шайка разбойников — судьи, министры, цари, чтоб получить деньги, губят людей. И без совести.

11 сентября 1890. Нам представляется, что высшая степень добродетели и радости, это высшая степень напряженности и восторга. Напротив: высшая степень добродетели тогда, когда испытываешь высшую степень легкости, а высшая степень радости это когда испытываешь высшую степень не восторга, а спокойствия.

19 сентября 1890. Как недоступны учению истины мужики. Так полны они своими интересами и привычками. Кто же доступен? Тот, кого привлечет Отец — тайна.

22 сентября 1890. А о том, что церковники не христиане, писать отдельно.

Христов, может быть, лучше того, которого мы знаем, было много. Хороша бы история неизвестного Христа.

6 октября 1890. Вера Христова вся в деле, а не в исповедании — исповедание делом.

Вред безумного церковного учения в том, что оно подрывает веру в разум. Если возможна Троица, то все возможно.

16 декабря 1890. Сердце сжималось, и, главное, мерзкая жалость к себе и злоба к ней. Удивительное состояние! При этом нервный подъем, ясность мысли. Я бы мог написать этими усилиями прекрасную вещь.

Записи 5-6 августа 1890 г.

5 августа 1890. Простится нам только, когда мы простим, т. е. не будет последствий. Когда мы любим.

Как узнать волю Бога? Все, что духовно больно, тяжело, не воля Бога.

6 августа 1890. Чем безнравственнее, тем выше предъявляются требования. — Юродство, не заботься о мнении.

Надо заботиться о гурном мнении.

Том 52

(1891 — 1894)

1891 г.

26 января 1891. Как бы я был счастлив, если бы записал завтра, что начал большую художественную работу. — Да, начать теперь и написать роман имело бы такой смысл. Первые, прежние мои романы были бессознательное творчество. С Анны Карениной, кажется больше 10 лет, я расчленил, разделял, анализировал; теперь я знаю что что и могу все смешать опять и работать в этом смешанном. Помоги, Отец.

16 февраля 1891. Все та же усталость и равнодушие. — Начал шить сапоги. Разговор с Павлом напомнил мне настоящую жизнь: его мальчик с мастером, выстоявший 6 пар сапог в неделю, для чего работает 6 дней по 18 часов от 6 до 12. И это правда. А мы носим эти сапоги. Сейчас, нынче, зашел к Василью с разбитыми зубами, нечистота и рубах и воздуха и холод — главное, вонь — поразили меня, хотя я знаю это давно. Да, на слова либерала, который скажет, что наука, свобода, культура исправит все это, можно отвечать только одно: «устраивайте, а пока не устроено, мне тяжелее жить с теми, которые живут с избытком, чем с теми, которые живут лишениями. Устраивайте, да поскорее, я буду дожидаться внизу». — Ох, ох! Ложь-то, ложь как въелась. Ведь что нужно, чтобы устроить это? Они думают — чтоб всего было много, и хлеба, и табаку, и школ. Но ведь этого мало. Серега, грамотный, украл деньги, чтобы съездить в Москву. Он б....., отец бьет. Константин ленился. Чтоб устроить, мало материально все переменить, увеличить, надо душу людей переделать, сделать их добрыми, нравственными. А это не скоро устроите, увеличивая материальные блага. — Устройство одно — сделать всех добрыми. А чтоб хоть не сделать это, а содействовать этому, едва ли не лучшее средство — уйти от празднующих и живущих путем и кровью братьев и пойти к тем замученным братьям? Не едва ли, а наверно.

25 февраля 1891. Все учения до Христа, если они имели целью общую жизнь, как Моисей, Солон, Ликург, Конфуций, то требовали изменения форм жизни, требовали насилия, стремились к тому, чтобы жизнь шла бы так, как будто нет зла, чтобы злые, преступники были изгнаны, уничтожены, или, если они имели целью одну внутреннюю жизнь, как учение браминов, буддистов и всех аскетических учений, отрицали внешнюю общую жизнь, не хотели знать ее. Учение христианское церковное в связи с государством есть учение первого типа: жизнь учреждается так, как будто нет зла, или по крайней мере так, что не видно существующего зла: злодеи в изгнании и по тюрьмам или боятся отгаться явно своему злу и действуют хитростью. Христианство аскетическое есть учение второго типа. Люди, следуя этому учению, озабочены душою только своею и бросают развращенный мир и уходят из него. Учение Христа истинное соединяет оба, оно дает для осуществления наивысшей внешней справедливости, не кажущейся, но настоящей, средство, состоящее в совершенствовании личности каждого среди общества и для общества, только для общества.

26 февраля 1891. Теперь 10 утра. Думал ночью и сейчас разговаривал с Горбуновым о науке и искусстве. Ход мыслей вот какой: Наука, то, что называют теперь наукой, пустое дело, потому что оно все исходит из ложного начала. Она признает реальность только за материальным миром. Я писал Страхову, с чем он согласен, противно утверждению Бекетова, что нравственность только может быть вредна для индивидуума и даже для рода — вредна, как вреден огонь для сала свечи. Если выгодно муравью, чтобы жить в государстве муравьином, подчиняться и смиряться — быть нравственным, то по отношению к другому муравьиному государству это невыгодно, и ему надо быть безнравственным. Но если бы даже все муравьи сошлись в один муравейник, им для выгоды своей надо бы было быть безнравственными по отношению друг к другу животных. Но мало того: если бы даже считать безнравственной борьбу с другими существами, никогда нельзя

сказать, где конец муравьям и начало других существ. То же и с человеком: где кончается человек и начинается животное.

И вот наука нашего времени, признавая реальность только в том, что не имеет ее, утверждая про себя, что она единая истина, изучает тени, гоняется за призраками, толчется на одном месте, сама чувствуя, что что-то неладно и что надо как-нибудь обосновать человеческую жизнь, которая, при строгой последовательности мысли, вся уничтожается, старается самыми нелогичными рассуждениями сделать невозможное — материальными законами объяснить духовную жизнь.

26 марта 1891. Заснул поздно, встал рано и не было охоты писать; только написал еще три письма... Но зато уяснилось заключение статьи о том, что отрицать войну, т. е. признавать закон небуйства, могут только признающие закон половой чистоты.

22 мая 1891. 1) Послесловие к послесловию: Так ли, не так ли я объяснил, почему нужно наибольшее половое воздержание, — не знаю. Но я знаю несомненно то, что совокупление есть мерзость, на которую можно смотреть, о которой можно думать без отвращения только под влиянием похоти. Даже для того, чтобы иметь детей, не станешь этого делать над женщиной, которую любишь. Пишу это в то время, как сам одержим похотью, с которой не могу бороться.

2) Говоришь: хочу отвергнуться себя, взять крест свой на каждый день и идти за Христом, а сам думаешь: как бы поскорее кончить молитву, чтобы начать делать свою волю, то, что мне приятно.

5) Если авторитеты церкви и науки не заслоняли бы от людей истинный смысл учения Христа, люди не могли бы быть так глупы, чтобы, нуждаясь в нем и имея его перед собой, не понимать его.

9) К художественному: Я не то что ем или пью, а я занимаюсь искусством, играю на фортепьяно, рисую, пишу, читаю, учусь, а тут приходят бедные, оборванные, позорелые, вдовы, сироты, и нельзя в их присутствии продолжать, — совестно. Что их нелегкая носит, держались бы своего места, — не мешали. Такое явление среди еды, lowp

tennis и занятий искусством и наукой доказывает больше всяких рассуждений.

27 мая 1891. Поша пишет превосходно, что нужна во всем мера — и в физической работе; а то физическая работа озверяет. Но зная, что она озверяет, он пишет, тем более мы не должны сваливать, ее на других. Как кратко и сильно.

11 июня 1891. Мода умственная — восхвалять женщин, утверждать, что они не только равны по духовным способностям, но выше мужчин, очень скверная и вредная мода.

То, что женщины не должны быть ограничены ни в каких правах, то, что к женщине надо относиться так же, с тем же уважением и любовью, как и к мужчине, что она равна в правах с мужчиной, в этом не может быть никакого сомнения; но утверждать, что женщина в среднем одарена тою же духовной силою, как и мужчина, ожидать встретить в каждой женщине то же, что ожидаешь встретить в каждом мужчине, значит умышленно обманывать себя, и обманывать себя во вред женщине. Если мы будем ждать от женщины того, чего ждем от мужчины, то и будем требовать этого, а не встречая требуемого, будем раздражаться, будем приписывать злой воле то, что происходит от невозможности.

Так что признание женщин тем, чем они есть, более слабыми духовно существами, не есть жестокость к женщине; признание их равными есть жестокость. — Слабостью или меньшей силой духовною я называю меньшую покорность плоти духу, в особенности — главная черта женская — меньшую веру велениям разума.

1892 г.

3 февраля 1892. Отношения к народу очень дурные. Я нынче понял, что это-то попрошайничество, зависть, обман, недовольство и стоящая за

Всем этим нужна и есть показатель особенности положения и того, что мы стоим в середине его.

1) Когда видишь много людей новых, таких, каких никогда не видел, хоть где-нибудь в Африке, в Японии: человек, грузой, третий, еще, еще, и конца нет, все новые, новые, такие, каких я никогда мог не видеть, никогда не увижу, а они живут такой же эгоистичной своей отдельной жизнью, как и я, то приходишь в ужас, недоумение, что это значит, зачем столько? Какое мое отношение к ним? Неужели я не видел их, и они мне чужие? Не может быть. И один ответ: они и я одно. Одно и те, которые живут, и жили, и будут жить, одно со мною, и я живу ими, и они живут мною.

29 февраля 1892. Мужик продолжает говорить, описывая свое положение. Ни топки, ни хлеба. Ходили по миру, не подают. На дворе мятель, холод. Иду, чтоб отделаться. Оглядываюсь на мальчика. Прекрасные глаза полны слез, и из одного уже стекают светлые, крупные слезы. И иду, чтобы вынести пятак и отделаться.

Да, озрубевашь от этого проклятого начальства и генез.

3 апреля 1892. 5) Во всех духовных делах — религиозных, чтобы быть точным, надо прилагать слово *quasi* — как бы, как его приложил Ньютон к определению своего закона притяжения — тела: *quasi atrahuntur*, т. е. относятся друг к другу так, как будто притягиваются. То же и с Богом, и с будущей жизнью, и с стремлением к добру. Живы, как будто есть Бог, во власти которого ты находишься, и который любит добро и ненавидит зло. Живи так, как будто ты проснешься к другой жизни, которая будет продолжением этой. Живи так, как будто цель твоей жизни есть увеличение любви в себе и в других.

5 июля 1892. 2) Когда проживешь долго — как я 45 лет сознательной жизни, то понимаешь, как ложны, невозможны всякие приспособления себя к жизни. Нет ничего *stable* в жизни. Все равно как приспособляться к текущей воде. Все — личности, семьи, общества, все изменяется, тает

и переформировывается, как облака. И не успеешь привыкнуть к одному состоянию общества, как уже его нет и оно перешло в другое. Тяжело, тяжело. Отец, помоги мне. Пожалей меня. Я не знаю, что, как надо делать. Помоги мне. Научи любить.

15 сентября 1892. 1) Говорил о музыке. Это наслаждение чувства, как чувства, как (sens) вкуса, зрения, слуха. Я согласен, что оно выше, т. е. менее похотливо, чем вкус, еда, но я стою на том, что в нем нет ничего нравственного, как стараются нас уверить.

2) Соблазны не случайные явления, приключения, что живешь, живешь спокойно и вдруг соблазн, а постоянно сопутствующее нравственной жизни условие. Играть в жизни всегда приходится среди соблазнов, по соблазнам, как по болоту, утопая в них и постоянно выдираясь.

1 октября 1892. Все то же: то же упорство труда, то же медленное движение и то же недовольство собой. Впрочем, немного лучше. Нынче ездил на Козловку, думал в первый раз: Как ни страшно это думать и сказать: цель жизни есть так же мало воспроизведение себе подобных, продолжение рода, как и служение людям, так же мало и служение Богу. Воспроизводить себе подобных. Зачем? Служить людям. А тем, кому мы будем служить, тем что делать? Служить Богу? Разве Он не может без нас сделать, что ему нужно. Да ему не может быть ничего нужно. Если Он и велит нам служить себе, то только для нашего блага. Жизнь не может иметь другой цели, как благо, как радость. Только эта цель — радость — вполне достойна жизни. — Отречение, крест, отдать жизнь, все это для радости. — И радость есть и может быть ничем ненарушимая и постоянная. И смерть переходит к новой, неизведанной, совсем новой, другой, большей радости. И есть источники радости, никогда не иссякающие: красота природы, животных, людей, никогда не отсутствующая. В тюрьме — красота луча, мухи, звуков. И главный источник: любовь — моя к людям и людей ко мне. Как бы хорошо было, если бы это была правда. Неужели мне открывается новое. Красота, радость, только как радость, независимо от добра, отвратительная. Я

узнал это и бросил. Добро без красоты мучительно. Только соединение двух, и не соединение, а красота, как венец добра. Кажется, что это похоже на правду.

1893 г.

23 мая 1893. Не делайте вид, что меня судите, прощаете, смягчаете, угрожаете. Вы разбойники. Я в вашей власти, как Лудовик XVI был в власти сапожников. Но с той разницей, что все, чем вы угрожаете мне, есть то самое, что мне желательно. Я живу только для исполнения воли Бога, установления Его царства; для установления Его царства нужно гонение невинных. Чем больше гонения, тем очевиднее его истина. И потому все, что вы мне сделаете дурного — до пыток и казни, полезно для дела Божья и радостно для меня.

25 июня 1893. Нельзя остановиться, и где остановиться? Только те, которые не знают совсем того чувства сознания братства людей, вследствие которого эти люди приехали в деревню, или которые так привыкли лгать, что и не замечают разницу лжи от истины, скажут, что есть предел, на котором можно и должно остановиться. В том-то и дело, что предела этого нет, что то чувство, во имя которого делается это дело, таково, что предела ему нет, что если есть ему предел, то это значит только то, что этого чувства совсем не было, а было одно лицемерие.

Как ни страшно и ни трудно положение человека, живущего христианской жизнью среди жизни насилия, ему нет другого выхода, как борьба и жертва — жертва до конца. Надо видеть ту пучину, которая разделяет завшивевших, замороженных миллионы людей с перекормленными, в кружевах, другими людьми, и чтобы заполнить ее, нужны жертвы, а не то лицемерие, которым мы теперь стараемся скрыть от себя глубину этой пропасти.

19 июля 1893. 10) Женщины, как евреи, платят за то рабство, в котором их держали, порабощением мужчин. И поделом. Но не надо поддаваться и надо уничтожить в себе эту слабость, на которой они ловят нас. Так что это полезно.

16 августа 1893. 3) Одна из главных помех движения вперед человечества для установления Царства Божия, это дети, юноши, женщины, люди, лишенные религиозного чувства. Но та самая сила, которая в этих существах удерживает движение вперед, закрепляет это движение, когда оно уже началось, и распространяет его.

4) Не только всякое сумашествие есть дошедший до последнего предела эгоизм, самодовольство, самовозвеличение (манья величия), но всякое ослабление духовной силы выражается увеличивающимся эгоизмом, самодовольством и самовозвеличением, исключительностью заботы о себе.

5) Разговор с социал-демократами (юноши и девицы). Они говорят: «Капиталистическое устройство перейдет в руки рабочих и тогда не будет уже угнетения рабочих и неправильного распределения заработка». «Да кто же будет учреждать работы, управлять ими?» спрашиваю я. «Само собой будет идти, сами рабочие будут распоряжаться». — Да ведь капиталистическое устройство установилось только потому, что нужны для всякого практического дела распорядители с властью. Будет дело, будет руководство, будут распорядители с властью. А будет власть, будет злоупотребление ею, то самое, с чем вы теперь боретесь.

8) Августа 11, утро. Голубая дымка, роса как пришта на траве, на кустах и деревьях на сажень высоты. Яблони развисли от тяжести. Из шалаша пахучий дымок свежего хвороста. А там, в ярко желтом поле, уже высыхает роса на мелком овсяном жнивье и работа, вяжут, возят, косят, и на лиловом поле пашут. Везде по дорогам и на сучках деревьев зацепившиеся выдернутые, сломанные колосья. В росистом цветнике пестрые девочки, тихо напевая, полют, лакеи хлопчут в фартуках. Комнатная собака греется на солнце. Господа еще не вставали.

5 октября 1893. 1) Наука — тюрмоведение.

2) Есть два рода умов: один ум логический, эгоистический, узкий, длинный, и другой — чуткий, сочувствующий, широкий, короткий.

3) Есть два способа познания внешнего мира: один самый грубый и неизбежный способ познания пятью чувствами. Из этого способа познания не сложился бы в нас тот мир, который мы знаем, а был бы хаос, дающий нам различные ощущения. Другой способ состоит в том, чтобы, познав любовью к себе себя, познать потом любовью к другим существам эти существа; перенестись мыслью в другого человека, животное, растение, камень даже. Этим способом познаешь изнутри и образуешь весь мир, как мы знаем его. Этот способ есть то, что называют поэтическим даром, это же есть любовь. Это есть восстановление нарушенного как будто единения между существами. Выходишь из себя и входишь в другого. И можешь войти во все. Все — слиться с Богом, со всем.

12) Главное бедствие очень культурных людей, как Амиель, это их балласт разностороннего и, особенно, эстетического образования. Это больше всего мешает им знать, что они знают, как говорил Лаоцзы (это болезнь). Им жалко выкинуть этот балласт, а с этим балластом они не могут уместиться на лодке христианского сознания. И им не верится, чтобы для такого простого дела, как христианское спасение, можно бы было пожертвовать таким сложным и утонченным. Это Амиель; имя им легион.

... и еще то, что я уже недели три совсем бросил чай, кофе, сахар и, главное, молоко и чувствую себя только богрее.

1894 г.

24 января 1894. 5) Приехали к Илюше. С утра вижу, по метели ходят, ездят в лаптях мужики, возят Илюшиным лошадям, коровам корм, в дом дрова. В доме старик повар, ребенок девочка работают на него и его семейство. И так ясно и ужасно мне стало это всеобщее обращение в рабство этого несчастного народа. И здесь, и у Илюши — недавно

бывший ребенок, мальчик — и у него те же люди, обращенные в рабов, работают на него. Как разбить эти оковы. Господи! помоги мне, если ты открыл мне это так ясно и так нудишь меня.

9 февраля 1894. Думал:

1) То, что смысл жизни для меня стал уже исключительно в том, чтобы служить Богу, спасая людей от греха и страданий. Страшно только то, что захочешь угадать тот путь, который хочет сделать Бог, и ошибешься и поспешишь и, вместо того чтобы содействовать, помешаешь, задержишь. Одно средство не ошибаться — не предпринимать, а ждать призыва Бога — такого положения, в котором нельзя не поступить так или иначе: для Бога, а не против него; и в этих-то случаях все силы души напрягать на то, чтобы сделать первое. Как мне надо было поступить с собственностью, как мне теперь надо поступить с N^o (N^o так в рукописи)

2) Это я уже писал, кажется. Но очень ясно думал: человек стоит на пути истинной жизни только тогда, когда то, что он делает, ведет его к совершенству и содействует установлению Царства Божия на земле. И только тогда чувствуешь полное удовлетворение, когда сознаешь, что подвигаешься вперед, подвинулся, и когда видишь, что послужил людям, миру, когда служишь им. Это не рассуждение, а утверждение несомненного факта. Только эти два чувства дают удовлетворение.

23 марта 1894. 1) Искусство истинное только тогда, когда совпадает внутреннее стремление с сознанием исполнения дела Божия: можно стремиться выразить то, что занимает, но что не нужно Богу, и можно стремиться содействовать произведением искусства делу Божию, но не иметь к нему внутреннего стремления, и будет не искусство.

7) Часто за это последнее время, ходя по городу и иногда слушая ужасные, жестокие и нелепые разговоры, приходишь в недоумение, не

понимаешь, чего они хотят, что они делают, и спрашиваешь себя: Где я? Очевидно, дом мой не здесь.

21 апреля 1894. 1) Тяжесть потери любимых людей: ребенка, мужа, жены, отца, матери, заключается, главное, в том, что, лишаясь их, человек лишается того, что выводило его из себя, из своего эгоизма, и без них он остается в самом ужасном для человека положении, если он не христианин, опять один с самим собою.

4) Моллил нынче, гуляя, о том, чтобы Бог утвердил во мне веру в то, что я знаю дело Божие и творю его. И думал, что все дело в этой вере. Если я верю, что творю дело Божие в себе, то я уже творю его. Увеличивая веру в себе, я увеличиваю ее в других и внутренним и внешним путем: внутренним — тем, что та часть моего я, в которой я увеличиваю веру, есть та единая сущность, которая есть во всех людях, и, увеличивая ее в себе, я увеличиваю ее во всех, как бы увеличивая ту жидкость, которая разлита во всех (душно пишу); внешним путем я увеличиваю ее в других тем, что моя вера неизбежно заражает верою всех окружающих так же, как бы капля в море, имеющая возможность развивать в себе тепло, неизбежно сообщала это тепло и всем окружающим ее каплям.

22 апреля 1894. Читал вчера поразительную по своей наивности статью профессора Казанского Университета Капустина о вкусовых веществах. Он хочет показать, что все, что люди употребляют: сахар, вино, табак, опиум даже — необходимо в физиологическом отношении. Эта глупая, наивная статья была мне в высшей степени полезна; она ясно показала мне, в чем лицемеры науки полагают дело науки. Не в том, в чем она должна быть: определении того, что должно быть, а в описании того, что есть. Совершенное извращение науки совершилось именно со времени экспериментальной опытной науки, т. е. науки, которая описывает то, что есть, и потому не наука, потому что то, что есть, мы все так или иначе знаем, и описание этого никому не нужно. Люди пьют вино, курят табак, и наука ставит себе задачу

физиологически оправдать употребление вина и табаку. Люди убивают друг друга, наука ставит себе задачей оправдать это исторически. Люди обманывают друг друга, отнимают для малого числа землю или орудия труда у всех, и наука экономически оправдывает это. Люди верят в нелепицы, и теологическая наука оправдывает это. Задачей науки должно быть познание того, что должно быть, а не того, что есть. Теперешняя же наука, напротив, ставит себе главной задачей отвлечь внимание людей от того, что должно быть, и привлечь его к тому, что есть и что поэтому никому знать не нужно.

2 июня 1894. Сейчас получил телеграмму о смерти Ге. Не пишутся слова: смерть Ге. Как все-таки мы слепы и видим только то, что нам кажется. Так, нам кажется, нужен был он с своими проектами и планами. Но нет. Я его очень — не хочу говорить: любил, очень люблю, но все-таки мне казалось, что он, хотя далеко не кончил в смысле художественном, далеко не кончил в смысле христианского развития движения. Страшно писать это. Но это казалось мне. Мне ужасно жалко его. Это был прелестный, гениальный старый ребенок.

13 июня 1894. 2) Гуляя в лесу, думал: все, что вижу: цветы, деревья, небо и земля, все это мои ощущения. Ощущения же мои суть ничто иное, как сознание пределов моего «я». «Я» стремится расшириться и в этом стремлении сталкивается с своими пределами в пространстве, и сознание этих пределов дает ему ощущения; а ощущения оно объективирует в цветы, деревья, землю, небо. Потом подумал: что же такое любовь? Зачем любовь, когда жизнь состоит в этих столкновениях с своими пределами. Столкновение с этими пределами необходимо, и в этих столкновениях игра жизни. При чем тут любовь? Не помню как, но это представление жизни упразднило любовь, делало ее ненужной. И на меня нашло сомнение и уныние. Не выдуманное ли все то, что я думаю и говорю о любви. Правда, что не один говорю про нее, не я выдумал это. А давно и все. Но хотя это и дает вероятие, что есть что-то, все-таки не самообман ли это? Пошел дальше и подумал; да

почем же я знаю, что я — я, а что все то, что я вижу, есть только предел меня? Кроме сознания пределов, есть сознание себя, того, что сознает пределы. Что же это сознание? Если оно чувствует пределы, то оно по существу своему беспредельно и стремится выйти из этих пределов. Чем же я могу выйти из этих пределов? Чем могу проникнуть за них? Только тем, чтобы любить то, что за пределами. Так что любовь уничтожает пределы, соединяя того, кто любит, с тем, что за пределами, с Богом, с любовью (неясно).

Посредством любви человек разрушает ограничивающие его пределы, может делаться беспредельным — Богом. Сначала человек уничтожает эти пределы между ближайшими к нему, понятнейшими существами, потом между более отдаленными, труднее постигаемыми.

... в этом мире невысказано осуществление полной любви, т. е. уничтожение пределов между собой и миром. Невозможно полное осуществление, но возможно бесконечное приближение. Но мир этот не один — есть другие миры, в которых осуществление это вероятно возможно. Человек, с одной стороны, приближает в этом мире осуществление царства Бога, т. е. любви, с другой — сам готовится к той жизни, в которой это возможно.

14 июня 1894. 2) Смотрел, подходя к Овсянникову, на прелестный солнечный закат. В нагроможденных облаках просвет, и там, как красивый неправильный угол, солнце. Все это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: Нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем.

25 июня 1894. 1) Цель жизни в том, чтобы вызвать в себе Бога, который хочет блага всем.

26 июня 1894. Писал день тому назад. Все слаб физически и умственно. А, напротив, духовно тверд, и потому радостно. Постоянно вспоминаю, что я посланник и должен делать дело Божие: раздуть в себе искру Божию — любовь, то, что устанавливает Царство Божие в себе, т. е. покорность Ему, слияние с Ним, и Царство Божие вне себя, то, что часто заражает других, вызывая в них тоже разгорание искры Божьей любви. Не пишу. Вчера и не косил. Не пишу, потому что не нахожу все точной, ясной формы выражения, и нет потребности, влечения писать. Пошел на песочные ямы. Там мужики, влезая в яму, работают с опасностью для жизни. За обедом сказал, что надо сделать карьер. Соня сначала говорит, что она не даст денег. Была минута раздражения. Хочешь подставлять грузую, когда ударят по одной, а когда представляется настоящий случай, как теперь, то хочешь не подставить, а отдать.

6 июля 1894. 1) Мы часто гоним на людей за их неприятие христианского мировоззрения, несмотря на то, что они понимают его. Это напрасно. Оно им не нужно. Они живут, как животные — не в смысле обиды, а в смысле невозможности обнять вопрос жизни во всем том значении, при котором христианство дает свой ответ. Живет, веселится, печалится, радуется, страдает, растет, стареется и умирает, не задавая себе вопроса: зачем; и ему не нужно христианского учения, оно неуместно для него. Жили люди в каменный период и до него, как животные; тогда первобытные люди только начинали понимать необходимость общения, но первобытных стало больше, и сложилась жизнь, и толпа покорилась. Точно так же и теперь: им — людям на низшей степени нравственного развития, не нужно христианского учения, они сами не могут понять, зачем оно; но они могут и должны быть руководителями теми, которые понимают...

9 августа 1894. Была за это время Маккаган с сыном и привезла книги, от Генри Джорджа. Прочел вновь «Perplexed philosopher». Прекрасная. Очень живо сознал вновь грех владения землей. Удивительно, как не видят его.

Как нужно бы писать об этом — написать новый Uncle Tom's Cabin. Вчера получил статью от Сергеева и статью из Gegen den Strom. За это время думал: 1) неважное, то, что для согласия супругов надо, чтобы во взгляде на мир и жизнь, если они не совпадают, тот, кто менее думал, покорился бы тому, кто думал более. Как бы я счастлив был покориться Соне, да ведь это так же невозможно, как гуся влезть в свое яйцо. Надо бы ей, а она не хочет — нет разума, нет смирения и нет любви.

2) Важное, что думал, то, что одно из самых путающих все наши метафизические понятия суеверий есть суеверие о том, что мир сотворен, что он произошел из ничего и что есть Бог творец. В сущности мы не имели никаких оснований предполагать Бога творца и никакой нужды (китайцы и индейцы не знают этого понятия), а между тем Бог творец и промыслитель не может совместиться с христианским Богом отцом, Богом духом, Богом, частица которого живет во мне и составляет мою жизнь и проявить и возвысить которую составляет смысл моей жизни, Богом любовью. Бог творец равнодушен и допускает страдание и зло. Бог дух избавляет от страданий и зла и есть всегда совершенное благо. Бога творца — нет. Есть я, познающий данными мне орудиями чувств мир и знающий внутренне своего Отца Бога. Он начало меня духовного. А мир внешний есть только мой предел (совсем не ясно. Сплю).

18 августа 1894. Об анархистах: огромным всесторонним трудом мысли и слова разумение распространяется между людьми, усваивается ими, в самых разнообразных формах и пользуясь самыми странными средствами, оно <начинает> захватывать людей: кто из моды, кто из хвастовства, под видом либерализма, науки, философии, религии, оно становится свойственным людям. Люди верят, что они братья, что нельзя угнетать братьев, что надо помогать прогрессу, образованию, бороться с суевериями; оно становится общественным мнением, и вдругтеррор, французская революция, 1-е Марта, убийство Карно, и все труды пропадают даром. Точно набранная по капле плотной воды

одним ударом лопаты уходит и без пользы размывает поля и луга. Как могут не видеть вреда насилия анархисты? Как бы хотелось написать им об этом. Все так, все верно — то, что они рассуждают и делают, распространяя понятия о бесполезности, вреде государственного насилия. Только одно надо им заменить: насилие — убийство — не участием в насилиях и убийствах.

Ужасна та духовная стена, которая вырастает между людьми — иногда десятки лет живущими вместе и как будто близкими. Хочешь пробить ее и, как муха за стеклом или птичка, бьешься во все места стекла, и нигде нет прохода и возможности соединения. Думаешь иногда: может быть, и я такой же, представляю такую же стену для других. Но нет, я знаю, что я открыт, и зову, и ищу сближения, и радостно принимаю всякое обращение, всякий вызов откровенности.

27 августа 1894. Плод деятельности разума — истина. Плод деятельности любви — добро. Но чтобы был плод, нужно, чтобы совпали обе деятельности. Добро произойдет только от разумной, проверенной на истине любви, и истина — только от деятельности любовного — имеющего целью добро — разума.

Все это я не выдумал, а это я увидал. Чего ты от меня хочешь? Толкни меня, Отец. И прости, что не умею ждать.

6 сентября 1894. .. жизнь не в достижении цели, а в исполнении посланничества.

10 сентября 1894. Вопрос не в том — устроить государство: по нынешнему, или по новому. Я и никто из нас не приставлен к решению этого вопроса. А решению нашему подлежит и не произвольно, а неизбежно, вопрос о том, как мне поступить в постоянно становящейся передо мною дилемме: подчинить ли свою совесть делам, совершающимся вокруг меня, признать ли себя солидарным с правительством, которое вешает заблудших людей, гонит на убийство солдат, развращает опкумом и водкой народ и т. п., или подчинить

свои дела совести, т. е. не участвовать в правительстве, дела которого противны моему сознанию? А что из этого выйдет, какое будет государство, этого я ничего не знаю, и не то, что не хочу, но не могу знать. Знаю только то, что из того, что я буду следовать вложенному в меня высшему моему свойству разума и любви или разумной любви, ничего дурного выйти не может.

3) Еще важнее: Дело жизни есть совершенство. Орудие я — любовь. Для того, чтобы любовь была действительна — нужен разум.

21 октября 1894. 1) Вспоминал свое молодое время и свои отношения к женщинам. Если бы захотел человек отнять от себя всякую возможность свободной умственной деятельности и свободных отношений к людям, то надо делать то, что я делал: есть мясо, пить кофе, чай, вино, не работать, но делать гимнастику и читать возбуждающие страсть книги. Я был всю свою молодость, как перекормленный, шальной жеребенок, странно вспомнить.

2) Дьявол подловил было меня ужасно. В своей работе над Катехизисом он подсказал мне, что можно обойтись без понятия Бога, Бога в основе всего, Бога, по воле которого мы живем в этом мире, по воле которого наша божественная сущность заключена в личность для каких-то Его целей, и оставить одного того Бога, который проявляется в нашей жизни, и вдруг на меня стало находить уныние, страх. Я ужаснулся, стал думать, проверять и нашел чуть было не потерянного Бога и как будто вновь обрел и полюбил Его. Что бы ни случилось и ни подумалось грустное, тяжелое, стоит вспомнить, что есть Бог, и становится радостно.

26 октября 1894. 1) То, что всякий человек, как бы он ни был порочен, преступен, неучен, неумен, какие бы он ни делал гадости и глупости, непременно считает себя совершенно правым. И сердиться на него за это нельзя и не надо: ему нельзя не считать себя правым. Если бы он не считал себя правым, он не мог бы жить так, как он живет.

27 октября 1894. Сейчас гдумал: Удивительно, как мог я не видеть прежде той несомненной истины, что за этим миром и нашей жизнью в нем есть Кто-то, Что-то, знающее, для чего существует этот мир, и мы в нем, как в кипятке пузыри, вскакиваем, лопаемся и исчезаем. Несомненно, что делается что-то в этом мире, и делается всеми живыми существами, и делается мною, моею жизнью. Иначе для чего бы было это солнце, эти весны, зимы и, главное, для чего эта 3-х летняя, беснующаяся от избытка жизни девочка, и эта выжившая из ума старуха, и сумашедший. Эти отдельные существа — очевидно не имеющие для меня смысла, а вместе с тем так энергично живущие, так хранящие свою жизнь, в которых так крепко завинчена жизнь, — эти существа более всего меня убеждают, что они нужны для какого-то дела разумного, доброго, но недоступного мне.

4 ноября 1894. Не хочется писать и гдумать. Хочется работать руками.

Записная книжка 3

Февраль 1892. Думают, что спасение произойдет ужасами, революцией, постепенно. Нет и не было бы спасенья, если бы правительства могли остановить рост сознания — нового жизнепонимания. Правительства могут всех обобрать, всех убить, всех слабых подвергнуть гипнотизации, но не могут остановить роста. Чем больше они гипнотизируют, тем энергичнее рост. — Контраст, чем больше накладывают дров, тем ярче горит, и тем труднее погасить. Спасенье не извне, а изнутри. Царство Божие внутри вас есть.

Записная книжка 5

Ма́й 1893. Вспоминаю, что мне дал брак? Ничего. А страданий бездна.

Том 53

(1895 – 1899)

1895 г.

7 февраля 1895. 1) Сумашествие это эгоизм, или наоборот: эгоизм, т. е. жизнь для себя, для одной своей личности, есть сумашествие. (Хочется сказать, что другого сумашествия нет, но еще не знаю, правда ли.) Человек так сотворен, что он не может жить один, так же как не могут жить одни пчелы; в него вложена потребность служения другим. Если вложена, т. е. естественна ему потребность служения, то вложена и естественна потребность быть обслуживаемым, *être servi*. Если человек лишится 2-й, т. е. потребности пользоваться услугами людей, он сумашедший, паралич мозга, меланхолия; если он лишится первой потребности — служить другим, он сумашедший всех самых разнообразных сортов сумашествий, из которых самый характерный мания величия. Самое большое количество сумашедших это сумашедшие 2-го рода — те, которые лишились потребности служить другим — сумашествие эгоизма, как я это и сказал сначала. Сумашедших этого рода огромное количество, большинство людей мирских одержимо этим сумашествием. Оно не бросается нам в глаза только потому, что сумашествие это обще большим массам и сумашедшие этого рода соединяются вместе. Они мало страдают от своего сумашествия, потому что не встречают ему отпора, а напротив сочувствие. И потому все люди, одержимые этим сумашествием, с страшным упорством держатся битых колеи, преданий внешних, светских условий. Это одно спасает их от мучительной стороны их эгоистического сумашествия. Такие сумашедшие: все составители богатств, честолюбцы гражданские и военные.

12 марта 1895. Так много перечувствовано, передумано, пережито за это время, что не знаю, что писать. Смерть Ваночки была для меня, как

смерть Николиньки, нет, в гораздо большей степени, проявление Бога, привлечение к Нему. И потому не только не могу сказать, чтобы это было грустное, тяжелое событие, но прямо говорю, что это (радостное) — не радостное, это гурное слово, но милосердное от Бога, распутывающее ложь жизни, приближающее к Нему, событие. — Соня не может так смотреть на это. Для нее боль, почти физическая — разрыва, скрывает духовную важность события. Но она поразила меня. Боль разрыва сразу освободила ее от всего того, что затемняло ее душу. Как будто раздвинулись двери, и обнажилась та божественная сущность любви, которая составляет нашу душу. Она поражала меня первые дни своей удивительной любовью: все, что только чем-нибудь нарушало любовь, что было осуждением кого-нибудь, чего-нибудь, даже недоброжелательством, все это оскорбляло, заставляло страдать ее, заставляло болезненно сжиматься обнажившийся росток любви. — Но время проходит и росток этот закрывается опять, и страдание ее перестает находить удовлетворение, vent в всеобщей любви, и становится неразрешимо мучительно. Она страдает в особенности потому, что предмет любви ее ушел от нее, и ей кажется, что благо ее было в этом предмете, а не в самой любви. Она не может отделить одно от другого; не может религиозно посмотреть на жизнь вообще и на свою. Не может ясно понять, почувствовать, что одно из двух: или смерть, висящая над всеми нами, властна над нами и может разлучать нас и лишать нас блага любви, или смерти нет, а есть ряд изменений, совершающихся со всеми нами, в числе которых одно из самых значительных есть смерть, и что изменения эти совершаются над всеми нами, — различно сочетаясь — одни прежде, другие после, — как волны.

10) С особенной новой силой понял, что жизнь моя и всех только служение, а не имеет цели в самой себе.

6 апреля 1895. 2) Единение существ и людей возможно только в истине, и потому для установления единения нужно познание истины. Так что прежде проявления любви нужно познание истины. Познание же истины

есть и познание Бога. Любить можно только Бога, только божественное в мире и людях. Но чтобы любить Его, надо познать Его, уметь познавать его. И потому прежде любви Бога должно быть познание Его. — Познать же Бога значит познать самого себя, отделить божественного себя от телесного — выделить содержание из формы. Все в этом.

7) Жизнь истинная есть жизнь божеская, но мы не видим ее: соблазны скрывают ее от нас.

8) Прежде я жил только для блага своей личности. Потом я понял, что во мне есть другая, высшая сущность и что надо жить для этой высшей сущности; но только понял это. Потом я стал временами жить для этой сущности. Теперь же надо сделать так, чтобы всегда жить для этой сущности, и если уже нельзя иначе, только временами жить для личности. Все дело в том, чтобы стало естественно жить для Бога, а жить для себя стало бы исключением.

10) Цель жизни благо. Благо только в служении Богу. Служение Богу в увеличении любви в мире. Увеличение любви в мире достигается только увеличением и проявлением любви в себе. Любовь же в себе и дает нам то высшее благо, к которому мы стремимся.

10 апреля 1895. Вчера ходил по улицам и смотрел на лица: редкое неотравленное алкоголем, никотином и сифилисом лицо. Ужасно жалко и обидно бессилие, когда так ясно спасение. Бараны прыгают в воду, а ты стоишь отмахиваешь, а они все так же прыгают, и представляется, что они-то делают дело, а ты мешаешь им. Ужасно задирает меня написать об отношении общества к царю, объяснив это ложью перед старым, но болезнь и слабость Сони задерживает.

25 апреля 1895. Вчера Соня уехала с приехавшей за ней Таней в Киев. Здоровье ее стало немного лучше — она поднялась, но вся разбита и нравственно все не находит точки опоры. Страшно трагично положение матери: Природа вложила в ней прежде всего неуправляемую похоть (то же она вложила и в мужчину, но в мужчине это не имеет

тех роковых последствий — рождения детей), последствием которой являются дети, к которым вложена еще более сильная любовь и любовь телесная, так как и ношение, и рождение, и кормление, и выхаживание есть дело телесное. Женщина, хорошая женщина полагает всю свою душу на детей, отдаёт всю себя, усваивает душевную привычку жить только для них и ими (самый страшный соблазн тем более, что все не только одобряют, но восхваляют это); проходят года, и эти дети начинают отходить — в жизнь или смерть — первым способом медленно, отплачивая за любовь досадой, как на привешенную на шею колоду, мешающую жить им, вторым способом — смертью, мгновенно производя страшную боль и оставляя пустоту. Жить надо, а жить нечем. Нет привычки, нет даже сил для духовной жизни, потому что все силы эти затрачены на детей, которых уже нет. Вот что надо бы высказать в романе матери.

За это время начал учиться в манеже ездить на велосипеде. Очень странно, зачем меня тянет делать это. Евгений Иванович отговаривал меня и озорчился, что я ежжу, а мне не совестно. Напротив, чувствую, что тут есть естественное юродство, что мне все равно, что думают, да и просто безгрешно, ребячески веселит.

2) Ездил с девочками — Саша и Н. Мартынова — в театр, и, возвращаясь оттуда, они стали говорить про то, какой будет скоро материальный прогресс, как — электричество и т. п.

И мне жалко их стало, и я им стал говорить, что я жду и мечтаю, и не только мечтаю, но и стараюсь, о другом единственно важном прогрессе — не электричества и летанья по воздуху, а о прогрессе братства, единения, любви, установления Царства Божия на земле. Они поняли, и я сказал им, что жизнь только в том и состоит, чтобы служить приближению, осуществлению этого Царства Божия. Они поняли и поверили. Серьезные люди — дети, «их же есть царство Божие». Нынче читал еще мечтания какого-то американца о том, как хорошо будут устроены улицы и дороги и т. п. в 2000 году, и мысли нет у этих диких ученых о том, в чем прогресс. И намека нет. А говорят, что

уничтожится война только потому, что она мешает материальному прогрессу.

28 апреля 1895. Вчера с утра пошел к Хохлову. Он почти на свободе, говорит, что запутался. «Я и право стал сумашедший». Не знаю, как помочь ему. Вероятно, все дело в похоти. Познав женщин в юности, он уже не мог совладать с собой и весь ушел на борьбу с своей похотью. У него остались выводы из христианского учения, а самого учения нет. Он стал эгоистом вследствие этой напряженной борьбы с собою. Как тонущий, падающий человек только думает о себе.

Вопрос: как тут быть? Тем же страдает Иван Михайлович. Как быть?

Что сказать сыну, вступающему в этот возраст борьбы? Вчера

говорил об этом же с Синицыным. Вся жизнь есть борьба плоти с духом, есть постепенное восторжествование духа над плотью.

Половая борьба есть самая напряженная, но зато всегда оканчивающаяся победой духа. Сказать сыну надо то, что борьба эта не случайное, не исключительное явление, а дело всей жизни, что надо знать, надо готовиться к борьбе — как атлеты — надо быть всегда на страже, не отчаиваться и не унывать, когда побежден, а подниматься и вновь готовиться к борьбе. Есть падение случайное, падение с теми женщинами, которые и не хотят связывать свою жизнь с одним, и есть падение женитьбы. которая может продолжаться, как моя, 32 года, но падение все-таки падение, и все так же надо не унывать и ждать освобождения, которое придет и кажется пришло ко мне.

Все так же ничего не делаю, грустно и как будто чего-то стыдно.

2) Три есть средства облегчения положения рабочих и установления братства между людьми: а) не заставлять людей работать на себя, ни прямо, ни косвенно не требовать от них работы — не нуждаться в той работе, которая требует излишка труда: во всех предметах роскоши. 2) Самому делать для себя (и если можешь и для других) ту работу, которая тяжела и неприятна и 3) собственно не средство, а последствие приложения второго: изучать законы природы и придумывать приемы для облегчения работы: машины, пар,

электричество. Только тогда придумашь настоящее и не придумашь лишнего, когда будешь придумывать для облегчения своей — или, по крайней мере, лично испытанной работы.

И вот люди заняты только приложением 3-го средства, и то неправильно, потому что устраняются от 2-го и не только не хотят употребить настоящих средств 1-го и 2-го, но и слышать не хотят о них. Вчера написал письмо Черткову. Нынче хочу хоть несколько слов написать Хилкову.

22 сентября 1895. 1) Вот кто настоящая волшебница — это любовь. Стоит полюбить, и то, что полюбил, становится прекрасным. Как только сделать, чтобы полюбить, чтоб все любить? Не птхорошу мил, а птмилу хорош. Как сделать? Одно знаю: не мешать любви соблазнами и, главное, любить любовь, знать, что в ней только жизнь, что без нее страданье.

2) Вспомнил, как часто я бывало спорил с религиозными догматиками: православными, евангеликами и др. Как это нелепо. Разве можно серьезно рассуждать с человеком, который утверждает, что верит в то, что есть только одно правильное воззрение на мир и на наше отношение к нему, то, которое выражено 1500 лет тому назад собранными Константином епископами в Никее, — мировоззрение, по которому Бог — Троица, 1890 лет назад пославший сына в деву, чтобы искупить мир и т. д. — С такими людьми нельзя рассуждать, можно их менажировать, жалеть, пытаться излечить, но на них надо смотреть, как на душевно больных, а не спорить с ними.

4) Нет ни одного верующего человека, на которого бы не находили минуты сомнения, сомнения в существовании Бога. И эти сомнения не вредны; напротив, они ведут к высшему пониманию Бога. Тот Бог, которого знал, стал привычен и не верить больше в Него. Верись вполне в Бога только тогда, когда он вновь открывается тебе. А открывается он тебе новой стороной, когда ты всей душой ищешь Его.

25 сентября 1895. Жить для Бога? Как дойти до того, чтобы жить для Бога? Так же, как дошел до того, что жил только для себя: убедиться, что всякая другая жизнь бессмысленна..

Можно думать, что жить для Бога: содействовать установлению царства Божия можно, главное, убеждая людей быть добрыми, воздерживаться от соблазнов, учреждая жизнь других людей. Это заблуждение: жить для Бога можно только тем, чтобы любить людей, проявлять любовь, заражать любовью, заставляя их верить в любовь. Мне это очень нужно знать теперь, и я решаю так, что ничего не нужно устраивать или внушать людям, а только с лаской и любовью обращаться со всеми. Это сильнейшее средство установления царства Божия.

24 октября 1895. 2) как только разум откинет соблазны, т. е. благо низшего порядка, так человек неизбежно начинает стремиться к истинному благу, т. е. к любви. Постараюсь выразить точнее. Пока человек живет животной жизнью (в детстве всегда), у него только один путь. Но как только в нем проснулся разум, сознание своего существования, у него всегда два пути: либо подчинять свою животную природу разуму, либо разум заставить служить животной. Соблазны состоят в том, чтобы заставить служить разум животной природе. Если человек подчинит свою животную природу разуму, откинет соблазны, то разум откроет человеку другой, единственный путь, и человек будет стремиться к нему.

25 октября 1895. 2) Соблазнов главных четыре: 1) соблазн блага своей личности, 2) соблазн блага семьи, 3) соблазн блага отечества и 4) соблазн блага всего человечества. Будучи заключен в условия пространства и времени, человек не может достигнуть своего или чьего бы то ни было блага, не может даже содействовать этому благу, потому что не может знать, какие будут последствия его поступков в бесконечном пространстве и времени, следовательно, среди бесконечной сложности условий. Одно, что он может делать с уверенностью не ошибиться,

это то, чтобы действовать соответственно того света разума, который есть в нем.

3) Жизнь человека есть движение. Сознав себя живущим, человек видит, что жизнь его движется, и движется по закону, находящемуся вне его, и вместе с тем сознает, что разум, проявившийся в нем, есть новый закон, в нем самом находящийся, по которому он может и должен сам направить свою жизнь. Движение жизни, сила этого движения не зависит от человека, но с тех пор, как в нем проявился разум, направление этого движения находится уже в его власти. Соблазн состоит в том, что вместо того, чтобы употреблять разум на направление движения жизни, человек направляет его на усиление этого движения, на подхлестывание его. От этого извращения и животной жизни и тщетная трата разума. И потому самая обыкновенная ошибка людей состоит в том, чтобы посредством разума заставлять себя действовать, тогда как разум нужен только на то, чтобы направлять данное не мною, но только сознаваемое во мне движение. Разум есть руль, животная личность паруса. Ветер сила Божия. Нет, нехорошо это сравнение. Разум есть спуск плотины, направляющий воду на колесо мельницы. Вода сила Божия. Нет, все не хорошо.

5) Сила Божия, движущая жизнь, есть любовь. Не освещенная разумом, эта сила есть любовь к себе, освещенная, направленная разумом, она есть любовь к существам, к людям, к истине, добру, к Богу.

6) Воздержание, смирение усиливает деятельность разума. Разум освобождает любовь.

7) Часто меня поражали уверенные, красивые, внушительные интонации людей, говоривших глупости. Теперь я знаю, что чем внушительнее, импозантнее и звуки и зрелища, тем пустее и ничтожнее.

7 декабря 1895. 13) Счастье есть удовлетворение требованиям существа человека, живущего от рождения и до смерти только в этом мире; благо же есть удовлетворение требованиям вечной сущности, живущей в человеке.

1896 г.

27 февраля 1896. 3) Рачинский говорит: заметьте, что в одно время с распространившимся употреблением наркотиков 17 века начались и поразительные успехи наук, в особенности естественных. Не от этого ли, я говорю ему, и произошло ложное направление науки — изучение того, что не нужно человеку, а есть предмет праздного любопытства, или нужно, но не есть единое на потребу? Не от этого ли заброшено так, именно с этого времени, единое на потребу, т. е. решение вопросов нравственных и приложение их к жизни?

5) Люди в борьбе с ложью и суевериями часто успокаиваются тем количеством суеверий, которые они разрушили. Это неправильно. Нельзя успокоиться до тех пор, пока не уничтожено все, что только противоречит разуму и требует веры. Суеверие, как рак (cancer). Надо вычистить все, если братья за операцию. А оставишь одно маленькое и из него разрастется опять все.

7) Сегодня был разговор за обедом о том, что с порочными наклонностями мальчика выгнали из школы и что хорошо бы его отгнать в исправительное заведение. Совершенно то же, что делает человек, живущий дурно, вредной здоровью жизнью, который, когда его постигает болезнь, обращается к доктору, чтоб тот его вылечил, и в мыслях не имея того, что болезнь его есть данный ему благодетельный указатель о том, что его вся жизнь дурна и что надо изменить ее. То же и с болезнями нашего общества. Каждый больной член этого общества не напоминает нам того, что вся жизнь общества неправильна и надо изменить ее, а мы думаем, что для каждого такого больного члена есть или должно быть учреждение, избавляющее нас от этого члена или даже исправляющее его. Ничто так не мешает движению вперед человечества, как это ложное убеждение. Чем больше общество, тем больше учреждений для лечения симптомов и тем меньше забота об изменении всей жизни.

2 мая 1896. Еще важное событие это — сочинение Африкана Спира. Я сейчас прочел то, что написано в начале этой тетради: в сущности, не что иное, как краткое изложение всей философии Спира, которой я не только не читал тогда, но о которой не имел ни малейшего понятия. Поразительно это сочинение осветило с некоторых сторон и подкрепило мои мысли о смысле жизни.

5 мая 1896. С малым капиталом невыгодно никакое предприятие. Чем больше капитал, тем выгоднее: меньше расходов. Но из этого никак не следует, чтобы, по Марксу, капитализм привел к социализму. Пожалуй, он и приведет, но только к насильственному. Рабочие будут вынуждены работать вместе и работать будут меньше, и плата будет больше, но будет то же рабство. Надо, чтобы люди свободно работали сообща, выучились работать друг для друга, а капитализм не научает их этому. Напротив, научает их зависти, жадности — эгоизму. И потому из насильственного сообщения через капитализм может улучшиться материальное положение рабочих, но никак не может установиться их довольство. Довольство может установиться только через свободное сообщение рабочих. А для этого нужно учиться общаться, нравственно совершенствоваться — охотно служить другим, не обижаясь на то, что не встречаешь возмездия. А учиться этому можно никак не при капиталистическом соревновательном устройстве, а при совершенно другом.

17 мая 1896. 16) Почему люди так страстно держатся семейного начала — произведения и воспитания детей? Потому что для человека, не перенесшего свое сознание из отдельного существа в Бога, это единственное кажущееся удовлетворительным объяснение смысла жизни. 17) Смысл жизни открывается человеку, когда он признает собою свою божественную сущность, заключенную в телесную оболочку. Смысл этот в том, что сущность эта, стремясь к своему освобождению, расширению области любви, совершает этим расширением дело Божие, состоящее в установлении Царства Божия на земле.

20) Главная цель искусства, если есть искусство и есть у него цель, та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом. От этого и искусство. Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям.

22) В последнее время я стал чувствовать такую твердость и силу не свою, а того дела Божья, которому хочу служить, что мне странный раздражение, укоры, насмешка над людьми, враждебными делу Божью — они жалки, трогательны.

28) Кто живет вполне духовной жизнью, тому жизнь здесь становится так не интересна и тяжела, что легко расставаться с нею.

28 мая 1896. 1) Для меня теперь совершенно ясно, что то, что мы называем злом, есть то благо, действие которого мы еще не видим.

8 июня 1896. Дочел Спира. Прекрасно.

1) Когда человек живет животной жизнью, он не знает, что через него живет Бог. Когда в нем пробуждается разум, он знает это. А зная, он соединяется с Богом.

2) В жизни животной человек должен руководиться инстинктом; разум, направленный на то, что не подлежит ему, все испортит.

19 июля 1896. Отец, избавь меня от моего гнусного тела. Очисти меня и не дай погибнуть и заглухнуть твоему духу во мне.

26 июля 1896. Всю ночь не спал. Сердце болит, не переставая. Продолжаю страдать и не могу покорить себя Богу. Одно: овладел похотью, но — хуже — не овладел гордостью и возмущением, и не переставая болею сердцем. Одно утешает... я не один, но с Богом, и потому как ни больно, чувствую, что что-то совершается. Помоги, Отец.

30 июля 1896. 12) Балы, праздность, зрелища, процессы, увеселительные сады и т. п. дают страшное орудие в руки устроителей. Могут быть страшные влияния. И если что подчинять контролю, так это.

13) Я шел дорогой и гумал, глядя на лес, на землю, на траву, какое смешное заблуждение: гумать, что мир такой, каким он представляется мне. Думать, что мир такой, каким он представляется мне, значит: гумать, что не может быть другого познающего существа, кроме меня с моими 6-ю чувствами. Я остановился и записывал это.

14) Часто удивляются на то, что люди неблагодарны. Надо удивляться, как они могут быть благодарны за сделанное им добро. Как бы мало ни делали люди добро, они знают несомненно, что делание добра есть величайшее счастье. Как же людям благодарить других за то, что эти другие напиль, когда в этом великое наслаждение?

15) Свободен только тот, кому никто и ничто не может поме шать сделать то, что он хочет. Такое дело есть только одно: любить.

17) Эстетическое наслаждение есть наслаждение низшего порядка. И потому высшее эстетическое наслаждение оставляет неудовлетворенность. Даже, чем выше эстетическое наслаждение, тем большую оно оставляет неудовлетворенность. Все хочется чего-то еще и еще. И без конца. Полное удовлетворение дает только нравственное благо. Тут полное удовлетворение — дальше ничего не хочется и не нужно.

20) Не может жить человек плотской жизнью, если не будет считать себя правым, и не может жить духовной жизнью, если не будет считать себя грешным.

21) Попов сказал мне: Для чего со мной связалось, так, что коверкает всю мою жизнь, существо без бороды, с длинными волосами и выступающими сосцами, очень похожее на человека, но совершенно по основным свойствам различное от него?

31 июля 1896. 1) Неверие в разум источник всего зла. Неверие это достигается преподаванием обмана веры с детства. — Поверь в одно чудо и погублено доверие разуму.

17 ноября 1896. 1) Мы радуемся на успехи наши технические. И так довольны этими успехами, что если нам скажут, что успехи эти достигаются только при гибели человеческих жизней, то, пожимая плечами, говорим: надо постараться, чтоб этого не было: — 8-ми часовой день, страхования рабочих и т. п., но из-за того, что несколько людей гибнут, нельзя отказываться от тех успехов... Стоит только допустить этот принцип, и нет предела жестокости, и очень легко добывать всякие технические усовершенствования... Они делаются жизнями человеческими. А надо ценить каждую жизнь человеческую, не ценить, а ставить ее выше всякой цены... и прекращать всякое усовершенствование, если оно вредит жизни человеческой.

20 декабря 1896. 19) После смерти по важности и прежде смерти по времени нет ничего важнее, безвозвратнее брака. И так же, как смерть только тогда хороша, когда она неизбежна, а всякая нарочная смерть — гурно, так же и брак. Только тогда брак не зло, когда он непреодолим.

21) Если бы я верил в личного Бога, к которому можно обращаться с вопросом, я бы сказал: Зачем, за что Бог сделал так, что одни, зная истину несомненную, все горят ее огнем, а другие не хотят, но могут понять и принять ее и даже ненавидят ее?

1897 г.

5 января 1897. 2) (К запискам сумашедшего или к граме). Отчаяние от безумия и бедственности жизни. Спасение от этого отчаяния в признании Бога и сыновности своей Ему. Признание сыновности есть признание братства. Признание братства людей и жестокий, зверский, оправдываемый людьми небратский склад жизни — неизбежно приводит к признанию сумашедшим себя или всего мира.

12 января 1897. Рано утром. Не сплю от тоски. И не виновата ни желчь, ни эгоизм и чувственность, а мучительная жизнь. Вчера сижу за столом и чувствую, что я и гувернантка мы оба одинаково лишние, и нам обоим

одинаково тяжело. Разговоры об игре Дузе, Гофмана, шутки, наряды, сладкая еда идут мимо нас, через нас. И так каждый день и целый день. Не на ком отдохнуть. Таня бедная и желала бы когда-то, да слабая, с слабыми духовными требованиями натура. Сережа, Илюша... Бывает в жизни у других хоть что-нибудь серьезное, человеческое — ну, наука, служба, учительство, докторство, малые дети, но говорю уж заработок или служение людям, а тут ничего, кроме игры всякого рода и жранья, и старческий flirtation или еще хуже. Отвратительно. Пишу с том, чтобы знали хоть после моей смерти. Теперь же нельзя говорить. Хуже глухих — кричащие. Она больна, это правда, но болезнь-то такая, которую принимают за здоровье и поддерживают в ней, а не лечат. Что из этого выйдет, чем кончится? Не переставая молось, осуждаю себя и молось. Помоги, как Ты знаешь.

15 января 1897. Рано утром. Почти всю ночь не спал. Проснулся от того, что видел во сне все то же оскорбление. Сердце болит. Думал: все равно от чего-нибудь умирать надо. Не велит Бог умирать ради его дела, надо так глупо, слабо умирать от себя, из-за себя. Одно хорошо, это то, что легко вытесняет из жизни. Не только не жалко, но хочется уйти от этой скверной, унижительной жизни. Думал и особенно больно и нехорошо то, что после того, как я всем божеским, служением Богу жизнью, раздачей имения, уходом из семьи, пожертвовал для того, чтобы не нарушить любовь, — вместо этой любви должен присутствовать при унижительном сумашествии. Это скверные, слабые мысли...

18 января 1897. Уныло, гадко. Все отталкивает меня в той жизни, которой живут вокруг меня. То освобождаюсь от тоски и страдания, то опять впадаю. Ни на чем так не видно, как я далек от того, чем хочу быть. Если бы жизнь моя была точно — вся в служении Богу, ничто бы не могло нарушить ее. Все пишу об искусстве, плохо.

4 февраля 1897. 1)... И общественное мнение в миллион раз сильнее всяких законов и войск. Доказательство того, что общественное мнение в

руках женщин, — то, что не только устройство жилищ, пищи определяются женщинами, — расходуют богатство, следовательно руководят работами людей женщины; успехи произведений искусств, книг, даже назначение правителей определяется общественным мнением, а общественное мнение определяется женщинами. Хорошо кто-то сказал, что мужчинам надо искать эмансипации от женщин, а не наоборот.

5) Двадцать раз повторял и 20 раз, как новая, приходит мысль о том, что спасение от всех волнений, страхов, страданий как физических, так в особенности духовных в том, чтобы разбить в себе иллюзию единства своего духовного я с физическим. И это всегда можно. Когда разбита эта иллюзия, то я духовный может страдать только от того, что он связан с физическим, но уж не от голода, боли, печали, ревности, стыда и т. п. В первом случае, пока он связан, он делает то, чего хочет физический я, сердится, осуждает, бранит, бьет; во 2-м случае, когда он отделен от физического, он делает только то, что может освободить его от мучительной связи; а освобождает только проявление любви.

8) (К Воззванию). Вы ошибаетесь, бедняки, если думаете устыдить, или расстрогать, или убедить богача, чтобы он поделился с вами. Он не может этого сделать потому, что видит, что вы хотите того же, чего и он, что вы боретесь против него тем же средством, которым он борется против вас.

Решаю непременно каждый день писать. Ничто так не утверждает в добре. Это лучшая молитва.

1 марта 1897. 1)... Так что жизнь — жизнь только тогда, когда она освещена сознанием. Что же такое сознание? Что такое поступки, освещенные сознанием? Поступки, освещенные сознанием, это такие поступки, которые мы совершаем свободно, т. е. совершая их, знаем, что мы могли бы поступать иначе. Так что сознание есть свобода. Без сознания нет свободы, и без свободы не может быть сознания.

3) Для твердости и спокойствия есть одно средство: любовь, любовь к врагам. Да вот мне задалась эта задача с особенной неожиданной

стороны, и как плохо я сумел разрешить ее. Надо постараться. Помоги, Отец.

3 мая 1897. Нравственный человек начинает пробуждаться и недоволен. Помоги мне, Отец, освободиться от того, что меня связывает во мне же. Очень гадок я себе.

16 мая 1897. Письмо написал и послал, кажется, 11-го. Теперь, должно быть, подано. 13 приезжала Софья Андреевна. Вчера получил от нее письмо. Все то же. Всю ночь не спал. Никогда страдания не доходили до такой силы. Отец, помоги мне. Научи. Войди. Усишься во мне. Не могу придти ни к какому решению. Не гумать? Нельзя. Решить же ничего не могу. Жалеть не могу, и противодействовать не могу по жалости. Боже, помоги.

17 мая 1897. Если буду жив, что очень сомнительно. Сердце ужасно болит. Слезы в горле. Только пуститься, и я разрыдаюсь.

16 июля 1897. 7) Бог дал нам дух свой, любовь, разум, чтобы служить ему, а мы этот дух его употребляем на служение себе, употребляем топор на то, чтобы строгать топорище.

14 октября 1897. 1) Нет большего подспорья для эгоистичной спокойной жизни, как занятие искусством для искусства. Деспот, злодей непременно должен любить искусство. Записано что-то в этом роде, теперь не помню.

2) Ясно представил себе, какая радостная, спокойная и вполне свободная могла бы быть жизнь, если вполне отдать себя Богу, т. е. во всех случаях жизни искать только одного: сделать то, чего Он хочет, сделать это в болезни, в оскорблении, в унижении, в страдании, во всех соблазнах и в смерти, которая тогда только перемена назначения. Слабость, неисполнение того, чего хочет Бог? Что ж тогда? Ничего: возвращение к сознанию того, что жизнь только в этом исполнении.

Минуты слабости это промежутки между буквами жизни — не жизнь. Помоги, Отец.

3) Видел во сне, что думаю и говорю, что все дело в том, чтобы сделать усилие, то самое, что сказано в евангелии: «Царство Божие усилием берется...» Все хорошее, все настоящее, всякий истинный акт жизни совершается усилием: не делай усилий, живи по течению, и ты не живешь. А между тем церковное учение проповедует, что усилие — грех, что это гордость, надежда на свои силы; светское учение говорит то же самое: «усилие над собой бесполезно, все делает организация, среда». Какое заблуждение. Усилие важнее всего. Всякое маленькое усилие: победить лень, жадность, похоть, гнев, уныние. Это важнейшее из важного, это проявление Бога в жизни — это карма, расширение своего я.

5) Когда люди восхищаются Шекспиром, Бетховеном, они восхищаются своими мыслями, мечтами, вызываемыми Шекспиром, Бетховеном. Как влюбленные любят не предмет, а то, что он вызывает в них. В таком восхищении нет настоящей реальности искусства, но зато есть полная беспредельность.

6) Только тогда можно понять и почувствовать Бога, когда ясно понял нереальность всего материального.

20) Ужаснее всего: пьянства, вина, изры, корысти, политики, искусства, влюбленья. С такими людьми нельзя говорить, пока они не выпались. Страшно.

10 ноября 1897. 2) Самое обыкновенное суждение о христианстве, особенно у новых ничшеанских рассудителей, что христианство это — отречение от своего достоинства, слабость, покорность. Как раз напротив: истинное христианство прежде всего требует высшее сознание своего достоинства, страшную силу и непоколебимость.

3) Шел по деревне, заглядывал в окна. Везде бедность и невежество, и думал о рабстве прежнем. Прежде видна была причина, видна была цепь, которая привязывала, а теперь не цепь, а в Европе волоски, но их так же много, как и тех, которыми связали Голивера. У нас еще видны

веревки, ну бичевки, а там волоски, но держат так, что великану народу двинуться нельзя. Одно спасенье: не ложиться, не засыпать. Обман так силен и так ловок, что часто видишь, как те самые, которых высасывают и губят — с страстью защищают этих высасывателей и набрасываются на тех, кто против них. У нас царь.

2 декабря 1897. 2) Разговаривал с Душаном. Он сказал, что так как он невольно стал моим представителем в Венгрии, то как ему поступать? Я рад был случаю сказать ему и уяснить себе, что говорить о толстовстве, искать моего руководства, спрашивать моего решения вопросов — большая и грубая ошибка. — Никакого толстовства и моего учения не было и нет, есть одно вечное, всеобщее, всемирное учение истины, для меня, для нас особенно ясно выраженное в евангелиях. Учение это призывает человека к признанию своей сыновности Богу и потому своей свободы или рабства (как хотите назовите); свободы от влияний мира и рабства Богу, воле Его.

11 декабря 1897. За это время выяснилось положение Грота. Он душевно больной, как все люди — не христиане.

29 декабря 1897. Получены угрожающие убийством письма. Жалко, что есть ненавидящие меня люди, но мало интересуют и совсем не беспокоит.

1898 г.

4 января 1898. Записать нужно только одно: то, что жизнь всякая бессмысленна, исключая той, которая имеет целью служение Богу, служение совершенно недоступного нам дела Божия.

13 января 1898. 2) Каждый из нас это свет, божественная сущность, любовь, сын Божий, заключенный в тело, в пределы, в цветной фонарь, который мы же разрисовывали нашими страстями, привычками, так

что все, что мы видим, мы видим только через этот фонарь. Подняться, чтобы видеть через него, нельзя — наверху такое же стекло, сквозь которое и Бога мы видим, сквозь нами же разрисованное стекло. Одно, что мы можем — это не смотреть сквозь стекла, а сосредоточиться в себе, сознать свой свет и разжигать его. И это одно спасенье от обманов жизни, от страданий, соблазнов. И это радостно и всегда возможно. Я делаю это. И хорошо.

3 февраля 1898. 10) То, что цель жизни есть самосовершенствование, совершенствование бессмертной души есть единственная цель жизни человека, уже справедливо потому, что всякая другая цель, в виду смерти — бессмысленна.

19 февраля 1898. Общее впечатление от этой статьи «о науке», так же как и от 20 главы, раскаяние. Чувствую, что это правда, что это надо, но больно, что оскорбляю, огорчаю много добрых заблудших. Очевидно, 0,999 не поймут, во имя чего я осуждаю нашу науку, и будут возмущены. Надо бы было сделать это с большей добротой. И в этом я виноват, но теперь поздно.

21 марта 1898. 6) Социалисты никогда не уничтожат бедность и несправедливость, неравенство способностей. Умнейший, сильнейший будет пользоваться глупейшим и слабейшим. Справедливости и равенства благ нельзя достигнуть ничем меньшим христианства, т. е. отречением от себя и признанием смысла своей жизни в служении другим.

8) Умные социалисты признают, что для достижения их цели главное дело в том, чтобы поднять умственно и физически рабочих. Сделать это можно только религиозным воспитанием, а этого они не признают, и потому вся их работа тщетна.

9) Ищите Царствия Божия и правды его, а остальное приложится вам — есть единственное средство достижения цели социализма.

13) Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором бы ясно высказать текущность человека, то, что он, один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо.

12 июня 1898. 5) Непротивление злу не только потому важно, что человеку должно для себя, для достижения совершенства любви, поступать так, но еще и потому, что только одно непротивление прекращает зло, поглощая его в себе, нейтрализует его, не позволяет ему идти дальше. Деятельное христианство не в том чтобы делать, творить христианство, а в том, чтобы поглощать зло.

12) Как странно и тяжело на меня действует вид детей моих, владеющих землей и заставляющих работать народ. Как угрызение совести. И это не рассуждение, а чувство, и очень сильное. Винават я был, не отдав землю мужикам? Не знаю.

14) Ничто не может спасти человечество от того обмана, в который оно поймано властью. Только религиозное чувство может дать отпор и победить.

28 июня 1898. Поша уезжает в Швейцарию, а Буланже в Болгарию.

20 июля 1898. 1) Жизнь для себя — мука, и потому, что хочешь жить для иллюзий, для того, чего нет и что не может быть не только счастливо, но не может быть. Все равно, как одевать и кормить тень. Жизнь только вне себя, в служении другим и не в служении близким, любимым — это опять для себя, а в служении тем, кого не любишь, еще лучше в служении врагам. Помози, Господи. Ужасное заблуждение в том, чтобы смешивать любовь половую, к детям, к друзьям, с любовью к людям через Бога, к людям, к которым равнодушен, и еще более к врагам, т. е. к людям заблудшим.

3 августа 1898. 4) Если бы даже случилось то, что предсказывает Маркс, то случилось бы только то, что деспотизм переместился бы. То

властвовали капиталисты, а то будут властвовать распорядители рабочих.

5) Ошибка марксистов (и не одних их, а всей материалистической школы) в том, что они не видят того, что жизнью человечества движет рост сознания, движение религии, более и более ясное, общее, удовлетворяющее всем вопросам понимание жизни, а не экономические причины.

6) Главная недодуманность, ошибка теории Маркса в предположении о том, что капиталы перейдут из рук частных лиц в руки правительства, а от правительства, представляющего народ, в руки рабочих.

Правительство не представляет народ, а есть те же частные люди, имеющие власть, несколько различные от капиталистов, отчасти совпадающие с ними. И потому правительство никогда не передаст капитала рабочим. Что правительство представляет народ, это фикция, обман. Если бы было такое устройство, при котором правительство действительно выражало бы волю народа, то в таком правительстве не нужно бы было насилия, не нужно бы было правительства в смысле власти.

11) Большое заблуждение думать, что разум человека совершенен и может открыть ему все. Ограниченность разума видна очевиднее всего в том, что человек не может разрешить (и ясно видит, что не может) задачи бесконечности: за всяким временем есть еще время, за всяким пространством еще пространство, за всяким числом еще число, так что все временное, пространственное — непознаваемо.

13) Я молюсь Богу о том, чтобы он избавил меня от того страдания, которое меня мучает. А страдание это послано мне Богом для того, чтобы избавить меня от зла. Хозяин стегает кнутом скотину, чтобы выгнать ее из горящего двора и спасти ее, а скотина молит о том, чтобы ее не стегали.

17) Люди все заняты тремя делами: 1) кормиться, т. е. поддерживать свое существование, 2) плодиться, поддерживать существование рода и 3) исполнять то, для чего они посланы в мир, устанавливать Царство Божие, для чего одно средство — совершенствовать себя. Люди заняты

почти все двумя делами, забывая последнее, которое в сущности есть одно настоящее дело.

24 августа 1898. 4) Часто думаю о том, что мир такой, какой он есть, только потому, что я так отделен от всего остального. Как только мое отделение от ВСЕГО кончится, пределы расторгнутся и установятся другие, так мир станет для меня совсем другой.

7) Эгоизм, вся жизнь эгоистическая, законен только до тех пор, пока не проснулся разум; как скоро он проснулся, то эгоизм законен только в той мере, в которой он нужен, чтобы поддержать себя, как орудие, нужное для служения людям. Назначение разума служить людям. В том весь ужас, что его употребляют на служение себе.

2 ноября 1898. Юбилей был не так противен и тяжел, как ожидал. Продажа повести и получение 12-ти тысяч, которые отдал духоборам, устроилось хорошо.

14 ноября 1898. 9) Смотришь на людей, целующих икону, подлезавших под нее, обожавших и боящихся ее. Если людей могли обмануть так, то нет обмана, на который бы они не поддались.

11) Бог проявляется в нас сознанием. Пока нет сознания, нет Бога. Только сознание дает возможность добра, воздержания, служения, самопожертвования.

1899 г.

2 января 1899. 1) Мы хотим знать Бога, не зная Его законы. А нам дано знать только законы, и о Боге, о существовании Его мы заключаем только потому, что есть законы, и потому должен быть и законодатель.

26 июня 1899. 15) Только бы всегда помнить, что нет другого смысла жизни, другого способа найти радость жизни, как только исполняя Его волю. И как можно бы спокойно и радостно жить!

16) Во время болезни исполнять Его волю тем, чтобы готовиться перейти в другую форму.

17) Нам кажется, что настоящая работа это работа над чем-нибудь внешним — производить, собирать что-нибудь: имущество, дом, скот, плоды, а работать над своей душой — это так, фантазия, а между тем всякая другая, кроме как работа над своей душой, усвоение привычек добра, всякая другая работа — пустяки.

20) Машина правительственная есть страшная машина. Если бы ясно понимали ее опасность, мы никогда не допустили бы ее образования.

22) Человечество это огромное животное, которое ищет и не может найти, что ему нужно. Очень медленно впечатления вызывают аффекты, а аффекты передаются мозгу, и мозг вызывает поступки. Деятельность социалистов, либералов и революционеров это попытки гальванизировать, заставить действовать животное, возбуждая двигательные нервы и мышцы. А есть один орган, который произведет все, если он цел, — это головной мозг в животном, в народе — религия.

40) Как мы все согласны, что свободен только тот, кто поборет страсти, а потом, зная это, мы серьезно заботимся об освобождении людей, полных страстей.

28 сентября 1899. 11) Все, что живет без сознания, как я живу, когда сплю, как жил в утробе матери, живет не материально, т. е. не знает материи — а живет. Жизнь же есть нечто духовное. Стараясь вспомнить свое состояние до сознания, на пороге сознания — я знаю только чувство тяжести, довольства, наслаждения, страдания, но понятия о теле своем или чужом — нет. Понятие тела (материю) является только тогда, когда является сознание. Понятие тела является только потому, что сознание дает понятие присутствие в себе начала всего (духовного). И в то самое время, как я сознаю, что я начало всего, я сознаю и то, что я не все начало, а часть его. И вот эта-то

частичность, пределы, отделяющие меня от всего, я и сознаю телом: своим телом и телами, окружающими меня.

16) То я простой человек Лев Николаевич, животное, а то я посланник Бога.

17) Человек есть вневременное и внепространственное существо, которое сознает себя в условиях пространства и времени.

2 октября 1899. 1) Отдельность, не всеобъемлемость нашего я выражается в том, что мы признаем собою часть движущейся материи: часть материи, которую мы признаем собою, дает нам понятие пространства; часть движения, которое мы признаем собою, дает нам понятие времени. Или иначе. Представить себе часть материи мы не можем иначе, как в пространстве; представить себе часть движения мы не можем иначе, как во времени. Пространство вытекает из невозможности представить себе два или много предметов вне времени. Время вытекает из невозможности представить себе два, много предметов вне пространства. Пространство есть возможность представить себе два, много предметов в одно и то же время, время есть возможность представить себе два, много предметов в одном и том же пространстве (один выйдет, другой войдет).

Разделение не могло бы быть в одном пространстве вне времени. Если бы не было времени (движения), все предметы в пространстве были бы неподвижны и составляли бы не много предметов, а одно нераздельное, наполненное материей пространство. И разделение не могло бы быть в одном времени вне пространства. Если бы не было пространства, не могло бы быть движения, и я не отделялось бы ничем от всего остального.

Тело мое, сознаваемое мной, как я, и познающее все остальное, есть движущаяся определенное время часть материи, занимающая определенное пространство.

Нехорошо, неясно, пожалуй и неверно.

2) Анархия не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которым люди заставляют подчиняться насильно, а — такие учреждения, которым люди подчиняются свободно, по разуму. Кажется иначе не могло и не должно бы быть устроено общество существ, одаренных разумом.

13 октября 1899. 1) Главная причина семейных несчастий та, что люди воспитаны в мысли, что брак дает счастье. К браку приманивает половое влечение, принимающее вид обещания, надежды на счастье, которое поддерживает общественное мнение и литература, но брак есть не только не счастье, но всегда страдание, которым человек платится за удовлетворение полового желания, страдание в виде неволи, рабства, пресыщения, отвращения, всякого рода духовных и физических пороков супруга, которые надо нести, — злоба, глупость, лживость, тщеславие, пьянство, лень, скупость, корыстолюбие, разврат — все пороки, которые нести особенно трудно не в себе, в другом, а страдать от них, как от своих, и такие же пороки физические, безобразия, нечистоплотность, вонь, раны, сумашествие... и пр., которые еще труднее переносить не в себе... И потому избавление от этих страданий только в том, чтобы не ждать радостей, а ждать дурного, готовясь переносить его.

27 октября 1899. 1) О свободе воли — просто: человек свободен во всем духовном — в любви: может любить или не любить, больше и меньше. Во всем остальном он не свободен, следовательно, во всем материальном. Человек может направить и может не направить свою силу на служение Богу. В этом одном (но это огромно) он свободен: может везти или быть везомым.

2) Война, суды, казни, угнетение рабочих, проституция и многое другое — все это необходимое, неизбежное последствие и условие того языческого строя жизни, в котором мы живем, и изменить что-либо одно или многое из этого невозможно. — Что же делать? Изменять самый строй этой жизни, то, на чем он стоит. Чем? Тем, чтобы, во-

первых, не участвовать в этом строе, в том, что поддерживает его: в военщине, в судах, податях, ложном учении и т. п., и во-вторых, делать то, в чем одним человек всегда совершенно свободен: в душе своей заменить себялюбие и все, что вытекает из него — злобу, корысть, насилие и пр. — любовью и всем тем, что вытекает из нее: разумностью, смирением, милосердием и пр. Как колеса машины нельзя повернуть силой, они все связаны с шестернями и другими колесами, а пустить и не пустить пар, который задвигает их легко, так точно страшно трудно изменить самые внешние условия жизни, но быть добрым или злым легко. А это: быть добрым или злым — изменяет все внешние условия жизни.

20 ноября 1899. 1) Мы говорим о цели жизни — хотя и не такой, которая была бы понятна нам, но такой, которая была понятна высшему разуму. Цель — все равно, что причина. Причина — назад. — Цель — вперед. А причина, понятие причины (а потому и цели) является только тогда, когда есть время, т. е. существо в своем понимании ограничено временем. И потому для Бога и для человека, живущего божеской жизнью, цели нет. Есть жизнь, в которой растет сознание, вот и все.

18 декабря 1899. 2) Одна из главных причин зла нашей жизни есть воспитываемая в нашем христианском мире вера в грубого, еврейского Бога лично; тогда как главный признак (если можно так выразиться) Бога в том, что он ничем не ограниченный, следовательно не личный.

3) Надо победить смерть — не смерть, а страх смерти, происходящий от непонимания жизни. Если только поймешь жизнь и необходимое благое условие ее — смерть, то перестанешь бояться ее, противиться ей. А перестанешь бояться ее — перестанешь служить себе смертному, а будешь служить не смертному Богу, от которого пришел и к которому идешь.

4) Материя есть все то, что доступно нашим чувствам. Наука заставляет нас предполагать, что есть материя, недоступная нашим чувствам. В этой области могут быть существа, составленные из этой

материи и ощущающие ее — эту недоступную нашим чувствам материю. Я не думаю, чтобы такие существа были, я только думаю, что наша материя и наши чувства, ощущающие ее, есть только одна из бесчисленных возможностей жизни.

5) Я раб, я червь, я царь, я Бог. Раб и червь — правда, а царь и Бог неправда. Напрасно люди придают особенное значение и величие своему разуму. Пределы человеческого разума очень недалеко и тотчас же видны. Пределы эти: бесконечность пространства и времени. Человек видит, что окончательные ответы на вопросы, которые он задает себе, все удаляются и удаляются, и во времени, и в пространстве, и в обеих областях этих последнего ответа нет, потому что обе области бесконечны. Разум человека имеет пределы очень недалекие. Он вполне способен только на ответы о том, как жить человеку. Только в этой области он дает окончательные ответы.

6) Читал о книге Энгельгарта. Эволюция прогресса жестокости. Я думаю, что тут есть большая доля правды. Жестокость увеличилась преимущественно потому, что совершилось, содействующее увеличению материального богатства людей, разделение труда. Все говорят о выгодах разделения труда, не видя того, что необходимое условие разделения труда, кроме омашинения человека, есть еще устранение условий, вызывающих человеческое нравственное общение людей. Если мы делаем одно и то же дело, как земледельцы, понятно, что между нами установится обмен услуг помощи, но между пастухом и фабричным ткачом не может быть общения. (Кажется неверно. Подумаю.)

8) При существующем, разделяемом всеми мировоззрении теперешний экономический и политический строй есть наилучший — должны быть и войско, и суды, и капитализм, и проституция, и церковь. — И потому все осуждения существующего строя неосновательны, и все попытки изменить, улучшить его, не изменяя общего людям мировоззрения, грубо материалистического (разделяющегося на атеизм и — церковное суеверие) — тщетны.

9) Можно личным опытом проверить истину о том, что Бог, часть которого есть мое я, есть любовь, и опытным путем убедиться в этой истине. Как только нарушена любовь, прекращается жизнь, не хочется ничего делать — все тяжело. И напротив, как только восстанавливается любовь — помирился, с кем ссорился, простил, получил прощение — так хочется жить, действовать — все кажется легко и возможно.

10) Хорошо бы было хоть приблизительно цифрами, а потом графически выразить то количество труда — рабочих дней, которыми пользуются в своей жизни богатые люди. Более или менее приблизительно это выражается деньгами. Если я проживаю 10 р. в день, это значит, что на меня, не переставая, работают 20 человек. — (Неясно — не то.)

Записная книжка 1

сентябрь 1895 г.

Надо прежде приучить себя к любви, и потом изменить жизнь. И надо прежде изменить жизнь. С двух концов *va et vient*: любовь, дело.

октябрь — ноябрь 1896 г.

Отчего приятно, успокоительно пахать? Потому что вся жизнь езда, движение.

Том 54

(1900 – 1903)

1900 г.

13 марта 1900. О 36 часовом дне кажется выйдут. Главное, будет показано, что теперешнее предстоящее освобождение будет такое же, какое было от крепостного права, т. е. что тогда только отпустят одну цепь, когда другая будет твердо держать. Невольничество отменяется, когда утверждается крепостное право. Крепостное право отменяется, когда земля отнята и подати установлены; теперь освобождают от податей, когда орудия труда отняты. Отдадут — имеют намерение отдать — рабочим орудия труда, только под условием обязательности для всех работы.

19 марта 1900. 4) Когда сходишься с человеком, помни, что наступил самый важный момент дела.

5) Когда женщина, помни, что она мать и дочь и главное человек сестра, а не самка.

24 марта 1900. 7) Сознание разумное есть сознание Бога. Только тогда сознаешь себя отдельным, когда сознаешь себя всеобщим. Понятие отдельности не могло бы возникнуть без понятия нераздельности. Сознание поэтому уничтожает пределы материи — любовью и пределы движения разумом.

6 апреля 1900. 2) «Воля пославшего меня». Что такое воля пославшего? Я не могу ее понять, но поднявшись до божественного разума, я хотя и не знаю, в чем воля, но знаю, что в ней есть смысл.

23 июня 1900. Ужасно хочется писать художественное, и не драматическое, а эпическое — продолжение Воскресенья: крестьянская

жизнь Нехлюдова. До умиления трогает природа: луга, леса — хлеба, пашни, покос. Думаю — не последнее ли доживаю лето.

12 июля 1900. 33) Я серьезно убежден, что миром управляют: и государствами, и именьями, и домами, совсем сумашедшие. Несумашедшие воздерживаются или не могут участвовать.

21 августа 1900. 6) Признак развратности нашего мира — это то, что люди не стыдятся богатства, а гордятся им.

30 августа 1900. Два пути, два средства, две формы познания, сознания Бога: любовь и разум.

22 сентября 1900. 4) Одно спасение и средство жить спокойно и радостно это слить свою волю с волей Бога, не иметь своей воли, не иметь желаний. Это знали и стоики и буддисты. Но отречение от желаний есть жизнь без радостей и без смысла. Если Бог, который послал нас в мир, хочет только того, чтобы мы не имели желаний и отрекались от всего, то такой Бог деспот, самодур. Зачем у меня желания, чтобы отрекаться от них?

Христианство говорит тоже самое, учит тому же, что и стоики и буддисты, также требует отречения от себя, слияния с волей Бога, но с тою разницей, что дает смысл жизни и не уничтожает желаний, а направляет их на то, чего хочет Бог — на установление Царства Божия на земле, т. е. замены борьбы и насилия любовью и согласием.

5) Думал о молитве — просительной. Можно ли просить Бога? Нельзя, главное, потому, что все, о чем мы только можем вздумать просить для нашего истинного блага — все это дано нам в изобилии. Просить Бога о благах — все равно, что просить пить, стоя у ключа. — Это и значат, вероятно, слова: о том, что Он ключ воды живой, кто жаждет, иди и пей.

23 ноября 1900. 1) Мы, богатые классы, разоряем рабочих, держим их в грубом непрерывном труде, пользуясь досугом и роскошью. Мы не даем им, задавленным трудом, возможности произвести духовный цвет и плод жизни: ни поэзии, ни науки, ни религии. Мы все это беремся давать им и даем ложную поэзию, науку — юриспруденцию, дарвинизм, философию, историю царей, религию — церковную веру. Какой ужасный грех. Если бы только мы не высасывали их до дна, они бы проявили и поэзию, и науку, и учение о жизни.

26 ноября 1900. Читаю Евангелие по голландски и многие места вновь поражают меня. Так, страшно поразила меня нагорная проповедь. Как могут люди не понимать, не чувствовать, что в ней сказано и то, что должно быть в будущем для всех, и то, что для каждого человека сейчас — единственное, лучшее, единственное спасение.

19 декабря 1900. 3) Две ужаснейшие чумы нашего времени: церковное христианство или скорее догматическое, супернатуралистическое, которое прививается людям с детства и поддерживается гипнотически до смерти, и — материализм, физиологический, антропологический и, главное, исторический, т. е. убеждение в том, что все идет само собой по законам механическим, физическим, химическим, биологическим и даже психологическим (в смысле материалистической психологии), и потому все усилия быть добрым, делать добро — праздны, беспредельны. И этот материализм караулит людей при их освобождении от догматического христианства. Только что освободятся от безнравственной лжи церковной, как попадают в еще худшую ложь материализма.

29 декабря 1900. 1) Читал об удивительных машинах, заменяющих труд и страдания человека. Но это все равно, как выдумать сложный аппарат, посредством которого можно сечь и убивать без труда и напряжения. Проще не сечь и не убивать. Так и машины, производящая пиво, вино, бархат, зеркала и т. п. Вся сложность нашей городской жизни в том, что придумают себе и приучат себя к вредным потребностям, а

потом все усилия ума употребляют на то, чтобы удовлетворять им или уменьшать вред от удовлетворения их: вся медицина, гигиена, освещение и вся городская вредная жизнь. Прежде, чем говорить о благе удовлетворения потребностей, надо решить, какие потребности составляют благо. Это очень важно.

1901 г.

6 февраля 1901. 3) Когда материалисты говорят о том, что жизнь есть ничто иное, как физико-химические процессы, совершающиеся по определенным законам, то они совершенно правы. Они рассматривают жизнь объективно и, рассматривая так, ничего другого видеть не могут. Но видят они только ту основу, на которой и в которой зарождается и происходит истинная, не наблюдаемая ими жизнь. Когда они говорят при этом о внутреннем опыте (употребляемом ими для психологии), то это только недоразумение: наблюдать наблюдателя нельзя.

Они совершенно правы, отыскивая и устанавливая законы, управляющие видимым внешним миром, но неправы, когда хотят или предполагают по тем же законам объяснить существование наблюдающего и потому отрицают независимое существование этого наблюдающего и способ познания этого наблюдающего: сознание, то самое, чем они пользуются для своих наблюдений, без чего они не могли бы делать их.

(Неясно высказано.)

Иначе сказать можно это еще так. Есть два способа познания: один внешний — наблюдения, при котором допускается данным и не требующим объяснения существование наблюдателя, которому верится; другой — такой, при котором исследуется самый наблюдатель и на основании его изучения уже признается достоверность внешнего, наблюдаемого.

4) Наблюдать явления внешнего мира объективно, не скажу очень полезно, но не лишено своего рода полезности, но признавать явления этого мира всею жизнью есть величайшее заблуждение. Вся жизнь есть

только то, что мы сознаем, и поэтому изучать всю жизнь можно только внутренним путем; все же то, что мы наблюдаем объективно, есть только последствия жизни. Жизнь есть только то, что мы сознаем как жизнь. Мало того, и сознание себя отдельной личностью еще не есть настоящая человеческая жизнь. Настоящая человеческая жизнь начинается только тогда, когда начинается божеское сознание, т. е. человек сознает себя сыном, слугою Бога, а остальное все только подобие жизни. И в остальном материалисты правы, считая все явления наблюдаемой ими жизни физико-химическими процессами.

Наблюдая в мире, в растении процесс обмена вещества, самосохранения, роста и цикла рождения, размножения и смерти, и такой же процесс сознавая в себе, мы говорим, что это жизнь. Наблюдая потом тот же процесс в передвигающемся, проявляющем чувства животном, и находя такой же процесс в себе, мы говорим: растительный процесс еще не жизнь — вот это жизнь, — отодвигаем линию, отделяющую жизнь от нежизни. Но мало этого: наблюдая в других людях и себе, умственную жизнь, достигающую разностороннего улучшения жизни, мы еще отодвигаем линию, отделяющую жизнь от не жизни... Наблюдая в других, лучших людях жизнь религиозную, жизнь не для себя, а для цели вне себя, и видя в себе это свойство, мы говорим, и имеем на это полное право, что только такая жизнь — не для себя, а для Бога, — есть жизнь. Так определяется жизнь христианством.

Так что я знаю три жизни: 1) жизнь растительную, бессознательную; 2) жизнь, сознающую себя отдельным существом, и 3) жизнь, сознающую себя божественной сущностью в пределах личности. Эту жизнь только я называю жизнью.

8 февраля 1901. 9) Обыкновенно говорят: зачем навязывать свои религиозные убеждения как взрослым так и детям. Каждый пускай сам составляет их. — Какое странное смешение понятий! Навязывать, т. е. лишать человека возможности видеть, знать другое — как это делают церковники, разумеется гурно, но передавать и ребенку и взрослым все то, что выработала человеческая мысль в области религии не только не

гурно, но необходимо. Почему, если я учу ребенка или взрослого тому, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы, или тому, что электричество имеет два полюса и действует по таким-то законам, я не насирую; а учу тому, что в человеке есть духовное, неумирающее начало и что с другими надо поступать так, как хочешь, чтобы поступали с тобою, я насирую? Такое странное мнение существует только потому, что принято считать единственную нужную и важную основную науку — науку религии и нравственности — не наукою, а чем то произвольным, неважным.

19 марта 1901. 10) Главное различие ложной религии от истинной то, что в ложной религии всегда употребляется возбуждение, воздействие на внешние чувства, произведение умиления, восторга, экстаза. Для этого и великолепные здания и живопись, иконы, и музыка, пение, и ладан, и пафос чтения и движений жрецов, коленопреклонения или скакания или качания шекеров. А между тем для проявления истинного религиозного чувства нужна, напротив, бездеятельность внешних чувств, тишина, спокойствие, простота. (Тихий ветерок, а не бури Ильи Пророка). Тоже нужно и в суждениях о религии, в изложении ее сущности: не восторженный тон и не красноречие, а простота, ясность, точность, деловитость выражений.

22 апреля 1901. 4) Вся религия — вечная всемирная, одна: вера в Бога во мне и вне меня, в людях и животных даже, и потому служение ему там, где Он есть.

Вся религия — братство людей, основанное на единстве происхождения или зависимости.

б) Господи, помоги мне делать Твое дело бесстрашно, спокойно и любовно.

8 июня 1901. 1) Работа физическая без напряжения сверх силы вызывает добродушное желание общения.

9 июня 1901. 2) Вся жизнь была только увеличение и укрепление своего божественного сознания. Какже может оно уничтожиться? Мы не сомневаемся в том, что в материальном мире ничто не исчезает, ни материя, ни энергия. Какже думать, что уничтожится духовное существование? Мы думаем так только потому, что не верим в духовное существование, и еще потому, что не видели, во что оно претворяется, как видим силу, переходящую в тепло и т. п., потому что претворяющееся — мы сами.

16 июля 1901. 13) Пределы моего существа мне представляются материей. Изменения моего существа мне представляются движением. Пределы моего существа по отношению других существ мне представляются пространством. Изменения моего существа по отношению изменений других существ мне представляются временем.

10 октября 1901. 15) Делаешь усилие проснуться, когда сон становится ужасен и нет сил переносить его; тоже надо и делать в жизни, когда она становится невыносима, и проснуться из животной жизни в жизни духовной — сознать свое вечное божественное я.

1902 г.

31 января 1902. 5) Как ясно, когда стоишь на пороге смерти, что это несомненно так, что нельзя жить иначе. Ах, как благодетельна болезнь. Она, хоть временами, указывает нам, что мы такое и в чем наше дело жизни.

21 марта 1902. 9) Жизнь, какая бы ни была, есть благо, выше которого нет никакого. Если мы говорим, что жизнь зло, то только в сравнении с другой жизнью, лучшей или воображаемой. В жизни может быть зло, а самая жизнь не может быть злом. Благо может быть только в жизни. И потому нельзя говорить, что отсутствие жизни может быть благо. Здоровье может быть только в теле, и потому нельзя говорить, что отсутствие тела есть здоровье.

8 августа 1902. Пишу Хаджи Мурата и все совестно. Брошюра священника — больно. За что они ненавидят меня? Надо писать им любовно. Помогите мне.

26 сентября 1902. 1) Очень живо представил себе внутреннюю жизнь каждого отдельного человека. Как описать, что такое каждое отдельное «я»? А кажется, можно. Потом подумал, что в этом собственно и состоит весь интерес, все значение искусства — поэзии.

2) Еще думал об особенностях веры каждого и в первый раз понял, что каждый верит по своему, и если точно верит, т. е. установил свое отношение к Богу, то вера его священна. В первый раз почувствовал уважение к чужой вере, веротерпимость.

3) Илья спросил: могут ли женщины быть умны? Я не мог ответить, а потом понял: женщины могут быть очень умны, в общем не глупее, если не умнее мужчин, но ум их не на месте, как матица, которая положена не под крышу — а на крышу. У мужчины, какой ни есть ум, ум этот служит руководством деятельности, у женщины — ум изрушка, украшение. Жизнь женщины руководится чем хотите: тщеславием, материнством, корыстью, любовью, но не умом.

6) Наше сознание есть нечто неизменное, вневременное и внепространственное. Оно стоит, явления же временные и пространственные проходят через него, а человеку кажется, что он с своим сознанием движется в пространстве и времени.

Но скажут: где же было сознание, когда человек рожался? А я скажу, там же, где оно во время сна, где оно было до смерти... Для внутреннего же опыта сознание всегда одно и нераздельно, какие бы длинные ни казались извне промежутки между одним и другим проявлением его. Как сон не разрывает сознания, хотя бы он, как в сказках, для внешнего наблюдения продолжался тысячи лет, также не прерывает сознания и смерть и рождение, т. е. переходы из одной жизни в другую.

4 ноября 1902. 6) 1. Сознать христианскую истину — это первая ступень; 2. это попытка сейчас осуществить ее в жизни; 3. негодование,

озлобление на врагов истины; 4. отчаяние; 5. попытки примирения; 6. Все в себе, перед Богом, не заботясь о последствиях.

8) Читая Мережковского об Эврипиде я понял его христианство. Кому хочется христианство с патриотизмом (Победоносцев, Славянофилы), кому с войной, кому с богатством, кому с женской похотью, и каждый по своим требованиям подстраивает себе свое христианство.

11 декабря 1902. 1) Мы знаем, что без физических усилий мы ничего не достигнем. Почему же думать, что в области духовной можно достигнуть чего либо без усилия.

13 декабря 1902. 3) Вся первая половина XIX века полна попыток разрушить насильственной революцией деспотический государственный строй. Все попытки кончились реакцией, и власть правящих классов только усилилась. Очевидно, революция не может теперь одолеть государственную власть. Остается одно: такое изменение мировоззрения народа, при котором он перестал бы служить насилиям правительств. Такое изменение может произвести только религия, и именно христианская. Религия же эта так извращена, что ее все равно, что нет. И что хуже всего, это то, что место ее занято. И потому не только главное, но единственное средство в наше время служить человечеству состоит в разрушении извращенного христианства и установлении истинной христианской религии. То самое, что всеми считается самым ничтожным делом и чего не только никто не делает, но самые бойкие квази-ученые люди заняты обратным: еще большим запутыванием и затемнением извращенного христианства.

1903 г.

4 января 1903. Для того, чтобы понятно было мое понимание жизни, нужно стать на точку зрения Декарта о том, что человек несомненно знает только то, что он есть мыслящее, духовное существо, и ясно понять, что самое строго-научное определение мира есть то, что мир

есть мое представление. (Кант, Шопенгауэр, Шпир). Но что же такое это духовное существо, которое я называю собою, и что есть причина моего представления о существовании мира? На эти вопросы, определяя жизнь, я отвечаю так: жизнь есть сознание духовного, отделенного от Всего остального, существа, находящегося в непрерывном общении со Всем. Пределы отделенности от Всего этого существа представляются мне телом (материей) моим и телами других существ, составляющими Все... Так что жизнь есть сознание отделенности моего ограниченного пределами духовного существа от какого-то другого, безграничного духовного существа, составляющего Все и Начало всего.

13 февраля 1903. Жизнь есть сознание заключенного в пределы и изменяющего эти пределы духовного (следовательно, не пространственного и не временного) существа.

Пределы этого существа представляются нам телом своим и телами других существ. Изменение же этих пределов представляется нам движением.

Не будь наше духовное существо заключено в пределах, не было бы тела, материи.

Не изменялись бы пределы этого существа, не было бы движения.

Отношение нашего тела к другим телам мы не можем себе представить иначе, как в пространстве. Отношение изменения пределов нашего существа к изменениям других существ мы не можем себе представить иначе, как во времени. Нам кажется, что изменяется самое заключенное в пределы существо, в действительности же изменяются только пределы. Происходит то же, когда нам кажется, что по небу бежит луна промеж туч. Бежит же туча, а луна стоит. То же и с духовным существом, которое мы сознаем. Оно неподвижно и всегда равно само себе; изменяется только его область, сознаваемая нами.

Изменения эти безконечно разнообразны, но в общем, in the long run изменения эти состоят все в большем и большем расширении области сознания.

20 февраля 1903. 1) Сторонники социализма это люди, имеющие в виду преимущественно городское население. Они не знают ни красоты, поэзии деревенской жизни, ни их страданий.

Если бы они знали, они не хотели бы, как теперь, уничтожить эту жизнь, заменить ее удобствами городской, а старались бы только освободить ее от ее бедствий.

11 марта 1903. 3) Главное различие социалистов от анархистов-христиан, да и вообще анархистов, то, что первые хотят изменить экономическое устройство. Если они хотят изменить политический строй, то только настолько, насколько он мешает предполагаемому ими экономическому устройству. Большинство же считает даже необходимым удержать этот строй для достижения своих целей.

Анархисты же видят все зло в существующем политическом строе, основанном на насилии, и считают первым делом его уничтожение, предполагая, что при уничтожении насильственного политического строя экономические условия сложатся сами собой наилучшим образом.

Многое еще надо было записать, но забыл. Одно вспомнил:

4) Часто люди, либералы-государственники, вообще всякие доктринеры считают хорошим, борясь только с одним из проявлений жизни, допускать и не бороться с другими. Это все равно, что при наводнении останавливать только одну из заливающих вас струй воды, предоставив другим затапливать вас.

13 марта 1903. 1) Второй раз встречаю в жизни незаслуженную, ничем не вызванную ненависть от людей только за то, что им хочется иметь такую же репутацию, как моя.

14 апреля 1903. 1) Обыкновенно меряют прогресс человечества по его техническим, научным успехам, полагая, что цивилизация ведет к благу. Это неверно. И Руссо и все восхищающиеся диким, патриархальным состоянием также правы или также неправы, как и те, которые восхищаются цивилизацией. Благо людей, живущих и пользующихся самой

высшей, утонченной цивилизацией, культурой, и людей самых первобытных, диких совершенно одинаково. Увеличить благо людей наукой — цивилизацией, культурой также невозможно, как сделать то, чтобы на водной плоскости вода в одном месте стояла бы выше, чем в других. Увеличение блага людей только от увеличения любви, которая по свойству своему равняет всех людей; научные же, технические успехи есть дело возраста, и цивилизованные люди столь же мало в своем благополучии превосходят нецивилизованных, сколько взрослый человек превосходит в своем благополучии не взрослого. Благо только от увеличения любви.

2) Люди, лишенные внутреннего, религиозного руководства, глумятся найти его в историческом законе, как они его понимают. Но чем же руководились те люди, которые начинали историю?

3) Я выздоравливаю и слежу за улучшением своего телесного состояния, — как это несвойственно старику. Старику свойственно только следить за своим умиранием, за разрушением пределов.

26 мая 1903. Здоровье недурно. Записал кое-что в книжечке. Здесь запишу следующее:

1) Здешняя жизнь не иллюзия и не вся жизнь, а одно из проявлений, вечных проявлений вечной жизни.

27 мая 1903. 5) Поэтому моя деятельность здесь не бесполезная, она нужна для других существ. Я прокладываю им дорожку, даю большую силу их деятельности.

6) Для чего эта отделенность духовных существ расширяющих свои пределы, не дано знать человеку; но это несомненно нужное дело.

7) Жизнь это не есть иллюзия, а вечная жизнь, совершающаяся проявляющимися сознаниями в своей отделенности.

8) Так что человек, уходя из этой формы жизни и переходя в другую, оставляет свой вечный след в этой жизни.

3 июня 1903. 1) Всякая власть чувствует, что она существует только благодаря невежеству народа, и потому инстинктивно и верно боится просвещения и ненавидит его. Есть, однако, условия, при которых власть волею-неволею должна делать уступки просвещению; тогда она делает вид, что покровительствует ему берет его в свои руки и извращает. Но есть и такие условия — так велика сила власти, при которых этого не нужно. В таких условиях был Николай, и понял это и так и действовал.

4 июля 1903. Вчера разговаривал с Голденвейзером о том, что делается с сознанием во время сумасшествия, думал следующее:

1) Жизнь продолжается во время сумасшествия только для наблюдателя извне; жизнь же истинная, жизнь сознания отсутствует также как она отсутствует во сне, в утробе матери, в первом детстве, в периоде страсти. Жизнь человеческая только тогда жизнь, когда человек сознает в себе духовное начало жизни. — Это то сознание человеком духовного начала претворяет материальную, пространственную, движущуюся, временную жизнь мира.

11 июля 1903. XII. Так что люди знают две жизни и приписывают два различных значения слову «жизнь». Одно значение есть понятие движущейся, отделенной от всего остального материи, и второе — неподвижное, всегда равное себе, духовное существо.

XIV. Различие же между признанием жизнью духовного неизменного начала, а не проявления его в тех пределах, в которых оно находится, очень важно и всегда было делается всеми религиозными учителями. На этом разъяснении различий двух понятий жизни основано учение евангелия об истинной жизни: жизни духа, и ложной жизни — жизни плотской и временной.

XV. Важно это разъяснение потому, что из сознания обмана ложной жизни и сознания истинной вытекает руководство жизни людей, вытекает то учение добра, правды и любви, которое дает наибольшее благо человечеству.

XVI. Из сознания истинной жизни в духовном сознании вытекает все то, что называют добродетелью и что дает наибольшее благо людям. Из этого сознания вытекает то, что составляет основу всех добродетелей: вытекает любовь, т. е. признание собою жизни всех существ мира, и для исполнения требований любви из этого же сознания вытекает самоотвержение, воздержание, бесстрашие, вытекает усиленное, уясненное требование того, что мы называем совестью, что есть не что иное, как сознание своей духовности.

15 июля 1903. 2) Говорят: то только настоящее бессмертие, при котором удержится моя личность. Да личность моя то и есть то, что меня мучает, что мне более всего отвратительно в этом мире. Остаться навеки с своей личностью это действительно мучение Агасфера.

14 ноября 1903. 1) Когда жизнь людей безнравственна и отношения их основаны не на любви, а на эгоизме, то все технические усовершенствования, увеличение власти человека над природою: пар, электричество, телеграфы, машины всякие, порох, динамиты, робулиты, производят впечатление опасных изрушек, которые даны в руки детям. 3) Обыкновенно думают, что прогресс в увеличении знаний, в усовершенствовании жизни, — но это не так. Прогресс только в большем и большем уяснении ответов на основные вопросы жизни. Истина всегда доступна человеку. Это не может быть иначе, потому что душа человека есть божеская искра, сама истина. Дело только в том, чтобы снять с этой искры Божьей (истины) все то, что затемняет ее. Прогресс не в увеличении истины, а в освобождении ее от ее покровов. Истина приобретает как золото, не тем, что оно приращается, а тем, что отмывается от него все то, что не золото.

24 ноября 1903. 1) Мы знаем в себе две жизни: жизнь духовную, познаваемую нами внутренним сознанием, и жизнь телесную, познаваемую нами внешним наблюдением.

Обыкновенно логи (к которым я принадлежу), признающие основой жизни жизнь духовную, отрицают реальность, нужность, важность изучения жизни телесной, очевидно, не могущего привести ни к каким окончательным результатам. Точно также и логи, признающие только жизнь телесную, отрицают совершенно жизнь духовную и всякие основанные на ней выводы, отрицают, как они говорят, метафизику. Мне же теперь совершенно ясно, что оба неправы, и оба знания: материалистическое и метафизическое имеют свое великое значение, только бы не желать делать несоответствующие выводы из того или другого знания.

Из материалистического знания, основанного на наблюдении внешних явлений, можно выводить научные данные, т. е. обобщения явлений, но нельзя выводить никаких руководств для жизни людей, как это часто пытались делать материалисты, — дарвинисты, например. Из метафизических знаний, основанных на внутреннем сознании, можно и должно выводить законы жизни человеческой, — как? зачем? жить: то самое, что делают все религиозные учения, но нельзя выводить, как это пытались многие, законы явлений и обобщения их.

Каждый из этих двух родов знания имеет свое назначение и свое поле деятельности.

Кажется 30 ноября 1903. 1) Как то на днях ночью, в постели, стал думать о жизни, о Боге и смысл жизни и Бог перестали быть ясны и нашел ужас сомнения. Стало жутко. Сердце ожалось. Но продолжалось недолго. Главный ужас был в сомнении, в том, что нельзя молиться, что никто не услышит, что ничто не обязательно. Не страх смерти, а страх бессмысленности. Продолжалось недолго. Первая звездочка просвета зажглась в том, что всегда в основе всего: от Кого, от Чего изшел, к тому иду и придю. Потом просветлело сознание того, чего хочет от меня сила, пославшая меня, и стало легко, сомнение исчезло. Это было скорее физическое затемнение, в котором важно знать, что это физическое, некий сон, сон высших духовных сил. И в эти минуты не

спрашивать, а ждать. (Дурно описал весь процесс сомнения и избавления от него, а чувствовал очень сильно.)

2) Я прежде думал, что сущность жизни человека состоит в все большем и большем расширении пределов. Но это неверно, не может быть. В чем сущность жизни не дано нам знать. Одно что мы знаем, это то, что все совершенствование человека состоит в наибольшем слиянии с непостижимой для него вечной жизнью; в все большем и большем слиянии своей линии жизни с теми двумя параллельными бесконечными линиями, которые влекут его к себе.

Том 55

(1904 – 1906)

1904 г.

3 января 1904. 3) Движение есть иллюзия, необходимо вытекающая из нашей отдаленности. Признать смысл жизни в нашем отдельном совершенствовании (расширении пределов) нельзя, потому что всякое совершенствование, всякое расширение есть ничто среди бесконечно пространства и времени; признать смысл жизни, как я делал это прежде, в прогрессе — единении существ, опять нельзя, потому что опять всякое единение в виду бесконечности пространства и времени есть ничто. Так что жизнь наша есть движение только для нас, но в действительности жизнь неподвижна...

В этом-то, в том, что жизнь моя имеет непонятный для меня, но глубокий смысл, в этом истинная и необходимая людям вера. Я верю, что есть Тот, для Кого моя жизнь имеет смысл.

6 января 1904. 1) Два ума: ум в области материальной — наблюдения, выводы, рассуждения о наблюдаемом, и другой ум в области духовной:

отношение к Богу, к людям, другим существам, нравственные требования... Большой частью, даже всегда, чем больше один ум, тем меньше другой.

11 января 1904. 1) Какое заблуждение и какое обычное: думать и говорить: я живу. Не я живу, а Бог живет во мне. А я только прохожу через жизнь или, скорее, появляюсь в одном отличном от других виде.

14 января 1904. 1) Какое праздное занятие вся наша подцензурная литература! Все, что нужно сказать, что может быть полезно людям в области внутренней, внешней политики, экономической жизни и, главное, религиозной, все, что разумно, то не допускается. Тоже и в деятельности общественной. Остается забава детская. «Играйте, играйте, дети. Чем больше играете, тем меньше возможности вам понять, что мы с вами делаем». Как это стало несомненно ясно мне.

19 января 1904. 1 Я — духовное и потому внепространственное, вневременное, безконечное, вечное существо, отделенное от своего начала (знаю, что слово и понятие отделенности есть понятие временно-пространственное, но не могу иначе понимать). И это отделенное существо рвется из своих пределов, как сжатый газ; и в том жизнь, что оно, сознавая свою духовность, свое единство со Всем, стремится соединиться с ним.

25 февраля 1904. 4) Как ни желательно бессмертие души, его нет и не может быть, потому что нет души, есть только сознание Вечного (Бога). Смерть есть прекращение, изменение того вида (формы) сознания, которая выражалась в моем человеческом существе... Я верю, что я не только в Боге, но я — проявление Бога и потому не погибну.

29 марта 1904. 5) Если есть бессмертие, то оно только в безличности. Истинное Я есть божественная бессмертная сущность, которая смотрит в мир через ограниченные моей личностью пределы. И потому

никак не могут остаться пределы, а только то, что находится в них: Божественная сущность души. Умирая, эта сущность уходит из личности и остается чем была и есть. Божеское начало опять проявится в личности, но это не будет уж та личность. Какая? Где? Как? Это дело Божие.

24 мая 1904. 3) Да, несомненно, все люди должны переживать три степени ясности сознания. Первая — когда ограниченность божественной силы в тебе принимаешь за отдельное существо. Не видишь своей связи с бесконечным началом. Второе — когда видишь, что сущность твоей жизни есть дух, но, не отрешившись от понятия своей отдельности, думаешь, что твой дух в теле — отдельное существо — душа. И третье — когда сознаешь себя ограниченным проявлением Бога, т. е. единого истинно существующего невременного и непространственного. — От этого три рода жизни: а) жизнь для себя, б) жизнь для людей и в) жизнь для Бога. От непонимания этого споры, несогласия, ошибки, осуждения. Как ребенку грудному, находящемуся на первой ступени, я не могу внушить необходимости помнить о других людях и сдерживать себя, так и человеку, живущему для людей, будут непонятны доводы о том, что надо жить для Бога, хотя бы это и было несогласно с требованиями людей. От этого все несогласия и осуждения. Старайся вообще поднять брата на высшую ступень сознания, но не требуй от него согласия с доводами из той области, которая еще чужда ему.

30 мая 1904. 1) Все научные исследования ничтожны без религиозной основы. Разум человека действует плодотворно только тогда, когда он опирается на данные религии. Только религия, ставя разумные цели, распределяет поступки людей по их значению. Самый прекрасный, благожелательный, умный поступок безобразен, вреден, бессмыслен не у места (Дурень ты, дурень...). Место же определяет только религия. Во имя чего надо отдать жизнь и во имя чего не пошевелить пальцем. Религия одна дает относительную оценку поступков, потому что она

одна оценивает поступки по их внутреннему достоинству. (Нехорошо, потому что не хочется писать.)

2 июня 1904. 1) Человек, взрослый человек без религиозного мировоззрения, без веры, есть духовный, нравственный калека, он может делать то, что свойственно человеку, может жить только благодаря искусственным приспособлениям: забавы, искусство, похоть, честолюбие, корыстолюбие, лобопытство, наука. И такой человек — как и калека — всегда во власти всех, с ним можно сделать все, что хочешь. И такова вся наша, вся европейская (и Американская) интеллигенция. Эта интеллигенция калека ни во что не верит, ничего не умеет делать, кроме пустяков, но знает, что ей надо жить. И жить она может только чужими трудами... И потому все усилия ее направлены на то, чтобы или извратить ту веру, которую имеет народ, или совсем лишить ее народ. Первым делом специально занято духовенство, вторым — ученые: наука, литература, искусство.

10 июня 1904. 1) Сознание в нас, — не сознание, а то безвременное, внепространственное начало жизни, которое мы сознаем, — неподвижно, нетелесно, вневременно, внепространственно. Оно одно неизменно есть, и жизнь состоит в том, что мы все яснее и яснее, полнее и полнее сознаем его. Сознаем же его яснее и полнее потому, что не сознание растет, — оно неизменно, — а скрывающие его пределы утончаются. Как бы темная, густая туча, сквозь которую с трудом просвечивает солнце, сдвигаясь, заслоняет солнце все более и более светлыми частями, и солнце выплывает из нея. Тоже с нашей жизнью. В этом все движение жизни. Нам кажется, что сдвигемся мы, а это сдвигается то, что скрывает от нас нашу истинную сущность.

3) Жизнь, истинная жизнь только в настоящем, т. е. вне времени. Как давно я знаю это, а только теперь вполне понял, и то едва ли «вполне». Всегда, в каждый момент жизни можно вспомнить это, перенести свою жизнь в настоящий момент, т. е. в сознание Бога. И как только сделаешь это, так отпадает все, что может тревожить, воспоминания

прошедшего, раскаяние, ожидание или страх будущего, и является спокойствие, твердость, радость. Я испытываю это теперь. И не думай, что это уничтожает энергию жизни, приводит к аскетической умной молитве и глядению на кончик носа. Напротив, это дает несравнимо с обычной жизнью энергию, бесстрашие, свободу и доброту.

13 июня 1904. 1) Бог тот, существование которого для меня неизбежно, хотя я ничего не могу знать про Него, как только то, что Он есть, этот Бог для меня вечно Deus absconditus, непознаваемый. Я сознаю нечто вневременное, непространственное, внепричинное, но я никакого права не имею называть это Богом, т. е. в этой неведущности, вневременности, непространственности, внепричинности видеть Бога и Его сущность. Это есть только та высшая сущность, к которой я причастен. Но Начало, принцип этой сущности может быть и должно быть совсем иное и совершенно недоступное мне. Скажут: это ужасно — чувствовать себя одиноким. Да, ужасно, когда приучил себя к мысли, что у тебя есть помощник, заступник. Но ведь это все равно, что укрыться в шалаш от бомб или, еще хуже, под высокое дерево от молнии. — Нет Бога, которого я могу просить, который обо мне заботится, меня награждает и карает, но за то я не случайное явившееся по чьей-то прихоти существо, а я орган Бога. Он мне неизвестен, но мое назначение в нем не только известно мне, но моя причастность Ему составляет непоколебимую основу моей жизни.

18 июня 1904. 1) Не обманываю ли я себя, хваля бедность? Увидел это на письме к Молоствовою. Вижу это на Саше. Жаль их, боюсь за них без коляски, чистоты, амазонки. Объяснение и оправдание одно: не люблю бедность, не могу любить ее, особенно для грузин, но еще больше не люблю, ненавижу, не могу не ненавидеть то, что дает богатство: собственность земли, банки, проценты. Дьявол так хитро подвезал ко мне, что я вижу ясно перед собой все лишения бедности, а не вижу тех несправедливостей, которые избавляют от нее. Все это спрятано, и все это одобряется большинством. Если бы вопрос был прямо поставлен,

как бы мне больно не было, я решил бы его в пользу бедности. Надо ставить себе вопрос прямо и прямо решать его.

28 июня 1904. б) Думал о состоянии души в высшем сознании. Находясь в этом состоянии, сливаешься с высшей волей. Воля же высшая в благе, т. е. просвещении людей. И потому в этом состоянии нельзя быть неподвижным. Напротив, все вызывает к деятельности, но только направленной не на себя, а на других. В этом состоянии естественно пользоваться всяким случаем служить Богу и людям. И какое успокоение! Как трудно угодить себе, и как легко угодить Богу, людям. И не искать этого служения, а только пользоваться каждым случаем. Когда ищут, то это признак того, что не пользуешься случаями, которые окружают нас всегда и везде.

7 июля 1904. Так что же делать? Ничего? Нет, делай все, что тебе хочется, что вложено в тебя, но делай не для добра (добра нет, как и зла), а для того, что этого хочет Бог.

12 июля 1904. Смерть есть пробуждение. Сейчас, теперь, живя, я нахожусь в том положении, в котором нахожусь, когда сплю. Мне кажется, что я переживаю разные события, состояния, но все это ничто и есть только произведение моего пробуждения. Мне кажется, что есть время, пространство, а этого ничего нет, есть только пробуждение. И что вся моя жизнь не временна, я почувствую, сознаю в момент пробуждения — смерти.

17 июля 1904. 3) Социализм, помимо сейчасшного облегчения положения рабочих, есть проповедь учреждения внешних форм, будущего экономического устройства человеческих обществ. И потому il a beau jeu. Все представляется в будущем, без содержания и осуществления в настоящем, кроме борьбы за улучшение жизни рабочих. Главная ошибка в понимании социализма то, что смешивают под этим понятием две вещи: а) борьба с эксплуатацией капитала и б) воображаемое движение

к осуществлению социалистического строя. Первое — полезное и естественное дело, второе — невозможное, фантастическое представление.

18 июля 1904. 2) Обратись к людям своей духовной, божеской стороной: разума и любви, разумной любви, любовного разума — и ты привлечешь их к себе и сам привлечешься к ним. Обратись к ним с телесной, личной стороны — и неизбежно отдаление, борьба, страдание.

22 октября 1904. 1) Опять, что со мной так часто бывало, приходит мысль, кажущаяся странной, парадоксом; но приходит с другой стороны, другой, третий раз, начинаешь думать о предметах и мыслях, связанных с нею, и вдруг приходишь к убеждению, что это не только не парадокс, не случайная мысль, а самая основная, важная, которая открывает новую важную сторону жизни. Так это было со мной с мыслью о призвании человека совершенствоваться. Я осторожно, робко относился к этой мысли, потому что одним она кажется трюизмом, а другим чем-то неприятным, глупо смешным, против чего они озлобленно возстают. И вот я пришел к убеждению, что это мысль, разрешающая все сомнения, что в этом ясный и единственно доступный нам смысл жизни. Зачем нужно то, чтобы мы совершенствовались, я не знаю и не могу знать. Но если я не знаю, зачем, я несомненно знаю, что в этом закон и цель нашей жизни. Знаю я это по трем самым убедительным доводам: потому что во 1-х, вся наша жизнь есть стремление к благу, т. е. к улучшению своего положения. И стремление к совершенствованию не есть предписание разума, а есть свойство, прирожденное человеку. Всякий человек всегда сознательно или бессознательно стремится к этому. Это первое. Во-2-х, это одна единственная деятельность из всех человеческих деятельностей, которая не может быть остановлена и которая в стеснениях, страданиях, болезнях, самой смерти может совершаться также свободно, как и всегда. Это второе. Третье доказательство того, что это есть назначение человека, то, что для человека, сознательно поставившего себе эту деятельность целью, исчезает все

то, что мы называем злом, или, скорее, претворяется в добро. Гонения, оскорбления, нужда, телесные страдания, болезни свои и близких людей, смерти друзей и своя, все это такой человек принимает как то, что не только должно быть, но что нужно ему для его совершенствования.

11) Надо помириться с тайной, окружающей нас, признать непроницаемость ее и знать, где остановиться в постановке вопросов и в ответах на них.

12) Одинаково ошибочно не отвечать на вопросы метафизические, как и отвечать на все.

13) Мы можем знать о нашей жизни, назначении и смысле ее ровно, сколько это нам нужно для нашего блага.

5 ноября 1904. В сущности, все верующие в доброго Бога не могут не верить в то, что в мире нет зла, и, главное, что ни один человек не может сделать зла другому. Я не мог бы ни верить в Бога, ни жить в таком мире, где Нерон, Екатерина, глупый Николай могут делать несчастья людей. Этого не может быть. А если есть, то нет ни разума, ни Бога.

3) Третьего дня ночью испытал сиротливое чувство, сознав себя удаленным от Бога, с прерванным с Ним общением. Ему не нужно. А я не могу без Него. Как ни глупо, неосновательно, младенчески мое отношение к Нему, а оно нужно мне. Нужно на известной глубине или высоте сознания.

Говорят: можно обойтись без Бога. Разумеется, можно тому, кто не дорос до потребности общения с Ним. Я обходился большую половину жизни. И теперь не нуждаюсь в Нем, когда живу животной жизнью. Всякий из нас несомненно знает, когда он физически наиболее здоров. Также знает всякий думающий человек, когда он наиболее здоров духовно. Вот в эти-то минуты духовного здоровья нельзя обходиться без Бога.

24 ноября 1904. 1) Как ни странно это может казаться, несомненно то, что только в том, что называлось ересями, проявлялось и двигалось, т. е. уяснялось, становилось доступно христианство. Ереси могли быть

нехристианские, ошибочные, но несомненно то, что учения, признававшие государственной, организованной религией: католичество, православие, лютеранство, не были христианством.

1 декабря 1904. Начал Кто я? Очень хорошо на душе. Все лучше и лучше. Не могу достаточно благодарить Бога, Бога, Бога (не боюсь этого слова и понятия) за все то, что дано мне.

11 декабря 1904. 1) Люди говорят, что они своей деятельностью хотят служить человечеству, его развитию, как будто они могут знать, что в этом бесконечно сложном процессе совершенствования человечества, что и как содействует и что препятствует этому развитию. Для того, чтобы не ошибаться и действительно на верное содействовать этому всеобщему совершенствованию, человек может делать только одно: сам совершенствоваться, стараться быть совершенным, как Отец Небесный.

7) Врачебная наука и практика составляет также, как пьянство, милитаризм, роскошь и угнетение рабочих, одно из величайших бедствий нашего времени и одного со всеми другими бедствиями происхождения: именно, отсутствия религии, т. е. признания своего положения в мире. Основа разумного (религиозного) понимания жизни есть *memoria mori*, память о смерти, — не столько память, сколько понимание краткости и убегаемости жизни. Врачебная же наука должна смотреть только на жизнь, отыскивая средства продлить ее. И этот взгляд усваивается толпой. Кончается же тем, что продлить жизнь медицина не достигает, а достигает только того, что портит жизнь, лишая ее разумного понимания; не говорю уже о нравственных ужасах страха зараз и нелепых теорий заразительных бактерий.

22 декабря 1904. 4) Есть только два способа совместной согласной жизни людей: повиновение одному или нескольким распорядителям под страхом насилия или свободное соглашение людей, не исключющее и распорядителей, когда это нужно, но без права насилия.

6) Жизнь, которую я сознаю, есть прохождение духовной неограниченной (божественной) сущности через ограниченное пределами вещество. Это верно.

31 декабря 1904. 1) Процесс уничтожения пределов тела: вещества и движения радостный — должен быть радостный. Жизнь есть смерть. Если любишь жизнь, люби смерть. Если любишь плотскую любовь, люби детей. Как плотская любовь ведет к детям, так жизнь ведет к смерти. Смерть есть плод жизни. Как же не любить ее, бояться ее? Как много зла людям сделала ложная церковная вера, по учению которой назначение, цель жизни — смерть — и деятельность, употребление сил жизни — труд — представляются злом, наказанием за грех! Труд, грех, смерть признаны злом. А труд есть не только лучшее, но единственное употребление жизни, грех есть сознание своей ошибки, смерть — достижение цели. И все это признано злом.

4) Сдача Порт-Артура огорчила меня, мне больно. Это патриотизм. Я воспитан в нем и несвободен от него также, как несвободен от эгоизма личного, от эгоизма семейного, даже аристократического, и от патриотизма. Все эти эгоизмы живут во мне, но во мне есть сознание божественного закона, и это сознание держит в узде эти эгоизмы, так что я могу не служить им. И по немногу эгоизмы эти атрофируются.

5) Совесть есть воздействие сознания вечного, божественного начала на сознание временное, телесное. Пока не проснулось это сознание, нет совести. Напрасно обращаться к ней.

1905 г.

1 января 1905. Не могу нарадоваться своему счастью. Был у Марьи Александровны. Она тоже испытывает. Как легко бы всем жить так. Ах, если бы хоть немного содействовать этому!

1) ... Искать того, что называется счастливыми условиями жизни: богатства, славы, здоровья, красоты, привлекательности, это все равно, что согреться у печки, а не здоровым трудом на свежем воздухе.

2) Устройство внешних форм общественной жизни без внутреннего совершенствования — это все равно, что перекладывать без известки, но на новый манер, разваливающееся здание из неотесанных камней. Как ни клади, все не будет защищено от непогоды и будет разваливаться.

20 января 1905. 1) Живем мы только для того, чтобы пользоваться благом жизни. Весь смысл жизни, доступный нам, только в том, чтобы мы имели возможность участвовать в божеской жизни; и потому мы должны быть счастливы. Если мы несчастливы, то это значит только то, что мы делаем не то, что должно, или не делаем того, что должно. Так что не только благо есть следствие исполнения долга, но наш долг в том, чтобы мы испытывали благо.

2) Музыка есть стенография чувств. Вот что это значит: быстрая или медленная последовательность звуков, высота, сила их, все это в речи дополняет слова и смысл их, указывая на те оттенки чувств, которые связаны с частями нашей речи. Музыка же без речи берет эти выражения чувств и оттенков их и соединяет их, и мы получаем изгру чувств без того, что вызывает их. От этого так особенно сильно действует музыка, и от этого соединение музыки с словами есть ослабление музыки, есть возвращение назад, выписывание буквами стенографических значков.

6 марта 1905. 2) Подумал о том, что преподается в наших школах, гимназиях: главные предметы: 1) древние языки, грамматика — ни на что не нужны; 2) русская литература, ограничивающаяся ближайшими, т. е. Белинский, Добролюбов и мы, грешные. Вся же великая всемирная литература закрыта. 3) История, под которой понимается описание скверных жизней разных негодяев Королей, Императоров, диктаторов, военачальников, т. е. извращение истины, и 4) венец всего — бессмысленные, глупые предания и догматы, которые дерзко называют Законом Божиим.

4) Истинное религиозное учение должно состоять в том, чтобы указать людям преимущества сознания вечного, духовного пере

временным и телесным, научить людей пользоваться временным и телесным для достижения целей духовных.

24 мая 1905. 5) Говорят о нечестности крестьян, о лживости, воровстве. Это-то и ужасно. Ужасно то, что мы, те, которые ограбили и грабим крестьян, — мы виноваты в этом. Какой честности, правдивости требовать от человека по отношению к разбойникам, которые ограбили и захватили его?

9) Как мы не знаем жизнь трудового народа! Не знаем всех тех жертв жизнями, которые они несут ради своего труда. Все это я глумал, глядя на то, как откапывали засыпанного Семена Владимирова. Самопожертвование, радость самопожертвования — видна в Алексее Жигкове, Герасиме. Удивительно. Надо бы выявить это людям.

6 июня 1905. 11) Кажется, что ослабеваешь, стареешь, умираешь, а это — крепнешь, растешь, рождаешься.

12) Уговаривать нельзя, можно только помогать вступить во всемирную духовную жизнь: соединиться с Богом.

13) Ты только передаточное орудие, через которое действует сила божия. Твое дело только в том, чтобы держать в порядке орудие — себя, свою душу.

14) Я орудие, которым работает Бог. Мое благо истинное в том, чтобы участвовать в Его работе. Участвовать же в Его работе я могу только тем, чтобы держать в порядке, чистоте, остроте, правильности то орудие, которое дано мне.

15) Не заниматься собой, а работать внешнюю работу, которую я считаю нужной, все равно, что рубить тупым топором. Только испортишь топор и размочалишь и разщеплешь то, что рубишь, а ничего не сделаешь, не построишь.

31 июля 1905. 9) Главная преграда для осуществления учения Христа женщины — их лживость, их освобождение себя от своего долга, своего призвания — деторождения.

10) Для существования разумного, нравственного общества необходимо нахождение женщин под внушением мужчин. В нашем же обществе обратное: мужчины находятся под внушением женщин.

11) Гораздо лучше кокетничание женщин плечами и задницей, чем принципами, убеждениями...

15) Страдаешь от того, что люди не религиозны, не понимают религиозных требований, и досаждаешь на них — огорчаешься. Надо понять, что способность религиозного отношения к жизни (высшая теперь человеческая способность) не может быть передана рассуждением или каким бы то ни было духовным воздействием людям, не имеющим ее. Как нельзя научить собаку затворять дверь, или лошадей не топтать траву, или диких людей готовить себе жилища и пищу, пока у них не развился рассудок, так нельзя научить людей — каково большинство людей теперь — тому, чтобы они жили, понимая все значение своей жизни, т. е. жили, руководствуясь религиозным сознанием. Люди такие только начинают вырабатываться — являются один на тысячу, и являются совершенно независимо от образа жизни, материального достатка, образования, столько же и даже больше среди бедных и не образованных. Количество их постепенно увеличивается, и изменение общественного устройства зависит только от увеличения их числа.

20) Сидим на дворе, обедаем 10 кушаний, мороженое, лакеи, серебро, и приходят нищие, и люди добрые продолжают есть мороженое спокойно. Удивительно!!!!

23) Разница между правилами и законами та, что правила предписываются, а законы сознаются. Таковы законы христианства.

24) Русская революция должна разрушить существующий порядок, но не насилием, а пассивно, неповиновением.

28) Социализм есть одно из малых приложений христианства, но неверное, потому что неполное.

27 августа 1905. 2) Лучшее состояние — то, когда ничего не желаешь. Но что же тогда благо? Благо тогда труд для исполнения воли Пославшего.

4) Все благо. Все бедствия только открывают то божественное, бессмертное, самодовлеющее, которое составляет основу нашу. Главное же бедствие по людскому суждению, — смерть, открывает нам вполне наше истинное «я».

6) Люди часто боятся, что может случиться что-то особенное. Но, увы, ничего с человеком особенного случиться вне очень узких пределов, случиться не может. И хочется часто людям чувствовать тоже что-то особенное, великое. Ничего и чувствовать особенного люди не могут. Высшее чувство, доступное человеку, это — сознание своей преданности воле Бога.

9 сентября 1905. 5) В гурные минуты не чувствую Бога, сомневаюсь в нем. Вчера ночью было это. И спасенье всегда одно и верное. Перестать думать о Боге, а думать только об его законе — и исполнять его: любить всех, не любить себя, и сейчас кончается сомнение, и живу.

6) Все революции были большее и большее осуществление вечного, единого, всемирного закона людей.

7) Закон (Божий) один для всех людей: закон умирания плоти и воскресения духа —... в этой жизни и всегда.

19 сентября 1905. 5) Только прошедшее мое — благо. Будущего нет. В настоящем возможно благо.

6) Человек спокоен только, когда живет по высшему закону, который доступен ему, какой бы он ни был.

7) Иногда думаю, что не имею права говорить о Боге. Я не могу ничего знать про него...

Читаю Канта. Очень хорошо.

12 октября 1905. 3) Совершенно ясно понял и почувствовал все безумие нашей, богатых, освобожденных от труда сословий, жизни и то, что оно не может быть иначе. Люди, не работая, т. е. не исполняя один из законов своей жизни, не могут не ошалеть. Так шалели перекормленные домашние животные: лошади, собаки, свиньи.

23 октября 1905. Революция в полном разгаре. Убивают с обеих сторон. Выступил новый, неожиданный и отсутствующий в прежних европейских революциях элемент — «черной сотни», «патриотов»: в сущности, людей, грубо, неправильно, противоречиво представляющих народ, его требование не употреблять насилия. Противоречие в том, как и всегда, что люди насилуют хотя и прекратят, обуздая насилие.

Вообще легкомыслие людей, творящих эту революцию, удивительно и отвратительно: ребячество без детской невинности.

5) Человек не познает, не может познать смысла не только общей, но и своей жизни. Но ему необходимо метафизическое объяснение смысла жизни и своей и всего мира. Я искал везде — и в чужих душах и умах, и в своей этого объяснения, и не нашел никакого более простого, удобного и наиболее, относительно, верного, как то, что есть Бог и мы должны исполнять Его волю.

6) «Служить Богу». Конечно, это бессмысленно для людей, никогда не гдумавших о смысле своей жизни и признающих его в своем счастье. Это — легкомыслие, и легкомыслие простительное; но когда это легкомыслие обдуманное, обделанное, как нищезанство, это уже глупость, sottise.

7) Счастье — это удовлетворение желаний животного существа; благо — это удовлетворение стремлений всей жизни — духовного существа.

3 ноября 1905. 1) Ехал верхом и гдумал о своей жизни: о праздности и слабости большей ее части. Только по утрам исполняю свое назначение — пишу. Только это от меня нужно. Я орудие чье-то.

2) Во всей теперешней революции нет идеала. И потому не революция, а бунт.

4) Истинная жизнь есть сознание себя, она же есть нравственная жизнь. Я сознаю себя. Кто же этот я, который сознает себя? Это — божественное, вечное, всемирное начало, которому я могу быть причастным. Свобода воли только в том, что мы можем переходить из низшего сознания в высшее.

16 декабря 1905. 1) Часто прямо чувствую, (может быть, это и заблуждение, прелесть), что через меня хочет пройти, требует выражения мне ясная истина, и я все не могу облечь ее в наиболее доступную форму. Истина эта простая, до глупости простая: что людям лучше жить не каждому для себя, а для всех, как хочет того Бог. И что это лучше и для тела и для души. Может быть, и удастся сказать это. Разумеется, не для того, чтобы меня хвалили или чтобы радоваться на то, что я сделал, а для того только, чтобы сделать, что должно. — Только бы быть поджожками костра. Пускай сгореть прежде, чем займется костер.

27 декабря 1905. 1) Читал Мысли Мудрых людей. Сказано: все страдания от незнания. Спасение от страданий — знание. Истинное знание достигается совершенствованием. И потому спасение от страданий одно: совершенствование. Совершенствование же достигается работой в тиши над собой, а никак не внешними изменениями форм жизни. Хочется прибавить к этому то, что работа над внешними изменениями форм жизни, как это совершается теперь у нас, не только нарушает ту тишину, которая необходима для внутренней работы, но всегда понижает уровень нравственности. Очень понижает его.

2) Дунаев ужасается на зверство людей. Я не ужасаюсь. Это кажется удивительно, но происходит это от того, что тот ужас, который он испытывает теперь при проявившемся зверстве (причина которого в отсутствии религии), я испытал 25 лет тому назад, когда увидел себя вооруженным рарсудком животным, лишенным всякого понимания смысла своей жизни (религии), и увидел кругом всех людей такими. Я тогда ужаснулся и удивлялся только тому, что люди не режут, не душат друг друга. И это не фраза, что я ужаснулся тогда. Я действительно ужаснулся тогда едва ли не более, чем люди ужасаются теперь. То же, что делается теперь, есть то самое, перед чем я ужаснулся и чего ждал. — Я — как человек, стоящий на тендере поезда, летящего под уклон, который ужаснулся, увидав, что нельзя остановить поезда. Пассажиры же ужаснулись только тогда, когда крушение совершилось.

3) Весь закон Божий в одном: в признании себя «рабом божьим», в сосредоточении всех своих желаний в одном: в исполнении дела, к которому приставлен. Дело это одно: ты сам, твоя душа, доведите себя до высшего доступного тебе совершенства.

4) Ничто так очевидно не подтверждает этого, — того, что дело жизни есть именно это исполнение воли Божией, — как то, что чего бы ты не желал вне своего совершенствования и как бы полно не удовлетворилось твое желание, как скоро оно удовлетворено, так тотчас же уничтожается прелесть желания.

Сколько вещей желал, начиная от того, чтобы у тебя выросли усы, и до того, чтобы учредилась республика в России, и как только выросли усы и учредилась республика, так удивляешься, как мог желать такой не могущей радовать вещи.

Только искание Царства Божия и правды его внутри себя дает истинную, не перестающую, а растущую радость. Всякий шаг вперед на этом пути несет с собой свою награду, и награда эта получается сейчас же. И ничто не может отнять эту награду.

31 декабря 1905. 2) Моя двойственность. То я по утрам и ночью истинно мудрый и хороший человек, то я — слабое, жалкое существо, не знающее, что с собой делать. Разница в том, что первое — настоящее, а во втором состоянии я знаю, что я в тумане заблуждений.

1906 г.

6 января 1906. 1) В Мыслях Мудрых Людей нынче, 6-го, Рескина о том, что грех людей есть грех Иуды, то, что люди не верят в своего Христа и продают его. В первый раз понял: Да, главная ошибка — источник всяких страданий и бедствий, то, что мы не верим в свою божественность и продаем ее за чечевичную похлебку телесных радостей.

30 января 1906. 3) Движение религиозного сознания и чувства, мне кажется, было и есть вот какое:

Сознав в себе духовную силу: божественное начало, человек сознавал и ограниченность в себе этого начала: подчинение его внешним воздействиям, и в следствии этого признавал существование этого начала вне себя в более могущественной (менее ограниченной), чем в себе, форме: фетишизм, поклонение героям. Сначала эти божества были очень мало удалены от человека, так что он за панибрата обращался с ними: приносил им жертвы, подкупал, задабривал, в самых грубых проявлениях даже наказывал их, не давал им жертв, бил их (как Чуваши своих идиолов), составлял с ними уговоры, как Завет Евреев, и т. п.

2 февраля 1906. 3) Людям кажется, что нельзя жить без правительства, но ведь также казалось, что нельзя жить без пыток, без рабов, без колдовства, гаданья. Те, кто говорили, что не нужно пыток, рабов и др., не брали доказывать, что можно без них жить, а просто говорили, что это гурно — противно и разумной и доброй природе человека. Тоже и с правительством. Оно гурно, оно ужасное зло и материальное и духовное. А зло не может быть необходимо, чтобы без него не могло существовать человечество.

4) Кажется, уже не раз выражал это. Но вчера с особенной ясностью пришла мысль о том, что забота о себе, все внимание, направленное на себя, очень гурное, ужасное состояние, когда я, на которое направлены забота и внимание, — я телесное с своими чувственными и умственными радостями. Но совсем не то, когда вся забота, все внимание направлены на я духовное, на я общее всему живому, когда вся забота и внимание направлены на то, чтобы совершенствовать это я, т. е. расширить его, слиться им с Богом и со всем живущим. (Люби Бога и ближнего.) — Только служа этому я, возможно благо свое и всех людей.

5) Познать Бога можно только исполнением Его закона. («Делайте то, что я говорю, и узнаете, правда ли это».) Чтобы познать Бога, надо слиться с Ним. Чтобы слиться с Ним, надо исполнять Его закон.

2 марта 1906. 15) Думал: что бы было, если бы все люди понимали и сознавали то, что жизнь есть только соблюдение своего духовного «я» перед Богом и для Бога?! А почему же невозможно? Неполько возможно, но необходимо.

2 апреля 1906. 1) Совершенно ясно стало в последнее время, что род земледельческой жизни не есть один из различных родов жизни, а есть жизнь, как книга — библия, сама жизнь, единственная жизнь человеческая, при которой только возможно проявление всех высших человеческих свойств. Главная ошибка при устройстве человеческих обществ и такая, которая устраняет возможность какого-нибудь разумного устройства жизни — та, что люди хотят устроить общество без земледельческой жизни или при таком устройстве, при котором земледельческая жизнь — только огна и самая ничтожная форма жизни. Как прав Бонгарев!

17 апреля 1906. 3) Только при земледельческом труде всех может быть разумная, нравственная жизнь. Надо коснуться земли.

25 апреля 1906. 10) Спрашивают: зачем страдания? Надо спрашивать: от чего страдания? Страдания от того, что в человека вложено, во 1-х, сознание своего единства с Богом и со всем существующим, и во 2-х, стремление к благу — к благу Всего. Когда же человек достиг до сознания своего единства со Всем и вместе с тем ищет блага себя одного, он вместо блага получает и производит страдания. Страдания показывают человеку, что его благо есть благо всех. Благо же всех достигается одним средством: любовью. —

Любовь есть соединение сознания единства Всего и стремления к благу.

22) У человека есть, кроме сознания своей жизни, высшее сознание, способность спросить себя: истинно ли и добро ли то, что я делаю? У человека, стало быть, есть в нем самом мера истинного и доброго. В нем, стало быть, есть истина и добро.

24) Видел сон, что я выгоняю сына; сын — соединение Ильи, Андрея, Сережи. Он не уходит. Мне совестно, что я употребил насилие, и то,

что не довел его до конца. Тут присутствует Стахович, и мне стыдно. Вдруг этот собирательный сын начинает меня своим задом вытеснять с того стула, на котором я сижу. Я долго терплю, потом вскакиваю и замахиваюсь на сына стулом. Он бежит. Мне еще совестнее. Я знаю, что он сделал это не нарочно. Сына нет. Приходит Таня в сенях и говорит мне, что я не прав. И прибавляет, что она опять начинает ревновать своего мужа. Вся психология необыкновенно верна, а нет ни времени, ни пространства, ни личности.

3 мая 1906. 5) Какая радость узнавать в себе Бога! А в этом, только в этом жизнь. Узнаешь в себе свободное, разумное, любящее и потому блаженное существо.

22 мая 1906. 1) Только будь в полной преданности воле непостижимого, таинственного начала — Бога (*Deus absconditus*) и полагай свою жизнь в исполнении этой воли, и все будет легко.

6 июня 1906. 5) День не есть та минута, которую я переживаю, но есть все, что совершается от восхода до захода солнца. Дано мне это представление и опытом, и воспоминанием, и разумом. Тоже и представление о моем 40-летнем сыне. Это не тот плешивый человек, который сейчас рассуждает о политике, а это то существо, которое рожалось, играло, училось, заблуждалось, мужало и которое будет стареться и умирать. И так все.

3 июля 1906. 5) К Кругу Чтения. Четыре отдела:

1. Человек живет не для себя, а для исполнения воли Бога.
2. Что такое Бог? Закон и законодатель.
3. В чем воля Бога? В возвеличении в себе духа Божия.
4. Что ожидает человека? Ничего не ожидает, а благо сейчасное и вечное дает исполнение воли Бога.

13) Мы часто смотрим на древних, как на детей. А дети и мы перед древними, перед их глубоким, серьезным, не засоренным пониманием жизни.

17) Какое спокойствие и бесстрашие, если желать только одного: исполнить волю Бога, дело Божие сейчас: любить людей и об одном этом думать.

24 августа 1906. 20) Люди могут жить разумной и радостной жизнью только руководясь религиозным законом. Без религии — страсти и гипноз, т. е. страдания и рабство.

21) В последнее время, глядя на людей, лишенных всякой религии, я стал уважать людей, верующих в Бога, хотя представляющих себе Его в самых грубых формах. Вера в Иверскую все-таки лучше, чем полное отсутствие признания высшего закона.

24 сентября 1906. 9) Что может быть мерзее полового общения. Стоит только описать в точности этот акт, чтобы вызвать ужаснейшее отвращение. И потому всегда у всех народов, выхлывших из животного состояния, вступающих в жизнь духовную, являлся стыг перед половым актом и его членами. Если спрашиваешь себя, для чего это так, то ответ ясен: для того, чтобы человек в той мере, в которой он разумное, духовное существо, воздерживался от этого акта и совершал его только, когда он не в силах бороться с похотью к нему. Для того же, чтобы продолжался род, пока это нужно, вложено страстное животное влечение к этому акту. Какое же извращение человеческой природы возвеличение, восхваление этого акта и частей тела, нужных для него! То, что делают теперь так называемые эстеты, художники.

30 сентября 1906. Читаю Гете и вижу все вредное влияние этого ничтожного, буржуазно эгоистического даровитого человека на то поколение, которое я застал — в особенности бедного Тургенева с его восхищением перед Фаустом (совсем плохое произведение) и

Шекспиром, — тоже произведение Гете, — и, главное, с той особенной важностью, которая приписывалась разным статуям Лаокоонам, Аполонам и разным стихам и драмам. Сколько я помучался, когда, полюбив Тургенева, желал полюбить то, что он так высоко ставил. Из всех сил старался, и никак не мог. Какой ужасный вред авторитеты, прославленные великие люди.

10 октября 1906. 5) Записано так, после очень тяжелого настроения: Уж очень отвратительна наша жизнь: развлекаются, лечатся, едут куда-то, учатся чему-то, спорят, заботятся о том, до чего нет дела, а жизни нет, потому что обязанностей нет. Ужасно!!!! Все чаще и чаще чувствую это.

6) Ходил гулять. Чужное осеннее утро, тихо, тепло, зелень, запах листа. И люди вместо этой чудной природы с полями, лесами, водой, птицами, зверями, устраивают себе в городах грузую, искусственную природу, с заводскими трубами, дворцами, локомотивами, фонографами..... Ужасно, и никак не поправишь.

7) Очень важное. Люди нашего времени гордятся своей наукой. То, что они гордятся так ею, лучше всего показывает то, что она ложная. Истинная наука тем и познается, или, скорее, несомненный признак истинной науки — сознание ничтожности того, что знаешь, в сравнении с тем, что раскрывается. А что наука ложная, в этом нет никакого сомнения. Не в том, что то, что она изследует, неверно, а в том, что это не нужно. И я твердо уверен, что люди поймут это и начнут разрабатывать единую истинную и нужную науку, которая теперь в заgone — НАУКУ О ТОМ, КАК ЖИТЬ.

14 октября 1906. Записать надо только:

1) О том, что христианство наше, скорее, Павлианство, так далеко от истинного христианства, что его надо не только открывать, но выпрастывать и спасать.

20 октября 1906. Нет, радуюсь тому, что сознание жизни духовной, Бога в себе, не ослабевает. Испытываю совершенно новое состояние

сознания, когда признаю себя не Львом Толстым, а проявлением духовного безпредельного, единого существа: равнодушие к мнению людей, к состоянию тела, даже к своей производительности; испытываю кроткое, любовное бесстрашие всемогущества. — Прекрасная русская поговорка: «как перед Богом». Жить перед Богом.

1) Неясно, для меня, понятие Бога. Я не имею никакого права говорить про Бога, про всего Бога, тогда как я знаю только то, что во мне есть нечто свободное, всемогущее — хотел сказать: благое, но это качество не может быть приписано этому «нечту», так как всемогущее и свободное и единое не может не быть благим. Это сознание я знаю и могу жить в нем, и в этом перенесении в это сознание всей своей жизни есть высшее благо человека.

2) Сознание есть созерцание созерцателя. Созерцатель в зависимости, созерцание свободно.

5) Успешность революции — в зависимости от освобождения от заблуждений.

8) Все больше и больше занимает меня мысль выделения христианства (отчасти я это бессознательно сделал) из церковного, главное, Павловского христианства. В первый раз чувствую, что это в мои годы не по силам предприятие.

23 октября 1906. Ах, ах, как хорошо бы никогда не терять этого прямого отношения к Богу, исключаящего всякий интерес к людским суждениям. И это можно. Можно быть в сильном и слабом состоянии, в состоянии бездействия, но надо не поддаваться соблазну желания любви к себе. Это страшный соблазн, зачинающийся в первом детстве и до сих пор держащий меня или, скорее, постоянно подчиняющий меня своей власти. Сейчас я свободен благодаря фельетону. Но надолго ли.

9 ноября 1906. 13) Нехорошо уверять себя, что любишь людей, что живешь любовью, повторять фальшивые слова Павла или самому придумывать такие. Где нам любить, когда вся жизнь наша основана на зле. Все, чем я пользуюсь, сделано с проклятиями, сделано поневоле, от нужды, которой я пользуюсь. Говорить про нашу любовь к людям, даже

вызывать в себе чувства, подобные любви, все равно, что лаком покрывать нетесанное дерево, скородить непаянное. Мы живем узнетением братьев. Надо, прежде, чем любить, перестать жить их страданиями.

16) Христианское человечество стоит перед дилеммой: отречься не только от христианства, но и от всякой религии, или отказаться от государства, от могущества, силы. Европейцы, Французы, Американцы, Англичане, Немцы как будто склоняются к первому решению: отказ от религии; надеюсь, что русские изберут второе.

17 ноября 1906. Чертков болен, и мне было очень страшно потерять его.

3) Часто, особенно теперь, с новой силой вспоминаю и понимаю: *Fais ce que dois, advienne que pourra*. Человек ходит, Бог водит. Все в этом: в том, чтобы не думать о последствиях поступков, а о доброте, божественности поступков. Понимание этого изменяет всю жизнь.

7) Понятны верования буддизма о том, что пока не дойдешь до полного самоотречения, будешь возвращаться к жизни (после смерти). Нирвана — это есть не уничтожение, а та новая, неизвестная, непонятная нам жизнь, в которой не нужно уже самоотречения. Неправ только буддизм в том что он не признает цели и смысла этой жизни, ведущей к самоотречению. Мы не видим его, но он есть, и потому эта жизнь также реальна, как и всякая другая.

8) Ничего нет гнуснее того эгоизма, который относится к своему телесному я, и ничего выше того, который сознает одно свое духовное я и ему одному служит.

23 ноября 1906. Догнал меня Абакумов с просьбой и жалобой за то, что его за губы приговорили в острог. Очень было больно. Он не может понять, что я, муж, не могу сделать по своему, и видит во мне злодея и фарисея, прячущагося за жену. Не осилил перенести любовно, сказал Абакумову, что мне нельзя жить здесь. И это не добро. Вообще меня все больше и больше ругают со всех сторон. Это хорошо. Это загоняет к Богу. Только бы удержаться на этом. Вообще чувствую одну из самых

больших перемен, совершившихся во мне именно теперь. Чувствую это по спокойствию и радостности и доброму чувству (не смею сказать: любви) к людям. Все почти мои прежние писания последних лет, кроме Евангелия и некоторых, мне не нравятся по своей недоброте. Не хочется давать их.

27 ноября 1906. 2) На народном языке жалеть значит любить. И это верное определение того рода любви, который больше всего связывает людей и вызывает их любовную деятельность. Есть любовь, когда, видя высоту, правду, радостность человека — существа, чувствуешь свое единство с ним, желаешь быть им. Это любовь низшего существа к высшему. И есть любовь, и самая нужная — перенесение себя в грустного, страдающего человека, сострадание, желание помочь ему. Это: жалеть — любить. Первая любовь может перейти в зависть, вторая может перейти в отвращение. — Первая любовь: любовь к Богу, к святым, к лучшим людям, свойственна человеку, но особенно важно развить в себе вторую и не дать ей извратиться в отвращение. В первой любви мы жалеем, что мы не такие, как те, кто лучше нас, во второй любви мы жалеем, что люди не такие, как мы: мы здоровы, целы, а они больны, калеки. Вот тут надо особенно стараться выработать в себе такое же отношение к духовно больным людям, развращенным, заблуждающимся, гордым (что особенно трудно), как и к больным телесно. Не сердиться на них, не спорить с ними, не осуждать их, а если не можешь помочь, то жалеть их за то, что те духовные калечества и болезни, которые они несут, не легче, а еще тяжелее телесных.

29 ноября 1906. 1) Думал о том, что мы называем Богом, о начале, о том, без чего ничего бы не было, и вспомнил, что Христос не называл это Богом, а Отцом, и не в смысле личности отца, его любви к детям, а главное, в смысле источника, начала всего... Главное то, что молитва Отче наш и лучшие места Евангелия — везде Отец.

3) Побуждает к деятельности и заставляет воздерживаться прежде всего животная природа человека. Ради требований животной природы

человек идет на охоту и ради этих же требований не ест сырое мясо или незрелый плод, а варит и ждет. Кроме животной природы, побуждает к деятельности и сдерживает человека воздействие на него других людей: страх перед ними или перед их мнением. Эти два двигателя всегда в борьбе, и то один, то другой побеждает. Третий двигатель: это требования божеской (духовной) природы человека. Такая же идет борьба между этими требованиями и теми двумя.

4) Думал о душевном состоянии людей, участвующих в революции.

а) Люди из народа, нуждающиеся и страдающие массы. Главные побудительные чувства это зависть, корыстолюбие, злоба. И потому они жалки, и великий грех тех, кто приводит их в это состояние.

б) Делатели революции, пресса, проповедники, практически деятельные революционеры. Мотивы этих и чувства: тщеславие, славолюбие, светливость, самоуверенность, самомнение, властолюбие и даже зависть и злоба.

с) Отстаивающие существующее борцы против революции: эгоизм, упорство и злоба, но не столь жестокая, как у первых двух.

Как же не жалеть несчастных захваченных этой заразой и не стараться остаться свободным от нее и спасти от нее, кого можешь.

Том 56

(1907 – 1908)

1907 г.

5 апреля 1907. 14) Особенно живо чувствую (чувствовал) радость, спокойствие, блаженство состояния любви ко всем. Только в таком состоянии все хорошо и в жизни и в смерти. Хотя редко, но испытываю это.

11 апреля 1907. Третий день испытываю какое-то новое, радостное чувство живого сознания своего духовного существа и вытекающее из него бесстрашие, спокойствие, любовность и жизнерадостность.

28 мая 1907. 5) Сон — совершенное подобие смерти: в том, что прекращается сознание, но не прекращается жизнь. Может быть, подобен сон и тем, что в нем начинается новое сознание, все основанное на прежнем (бдящем), но не связанное с ним. Может быть, подобие и в том, что вся наша жизнь относится к истинной жизни, как сновидения к нашей теперешней жизни. Точно также, как в теперешней жизни после каждого засыпания и пробуждения жизнь все больше и больше открывается, так и истинная жизнь все больше и больше открывается с каждым рождением после смерти.

11) Две науки точные: математика и нравственное учение.

Одно — самое поверхностное, другое — самое глубокое. Точны и несомненны эти науки потому, что у всех людей один и тот же разум, воспринимающий математику, и одна и та же духовная природа, воспринимающая (учение о жизни) нравственное учение.

9 июня 1907. 4) Вся цель теперешней цивилизации — уменьшение труда и увеличение удовольствий праздности. (Еврейская цивилизация: праздность — условие рая). Тогда как главное благо человека — материальное — должно быть в увеличении приятности труда. При теперешней цивилизации человек, его радости, отдаются в жертву выгоде. Пар вместо лошади, сеялка вместо руки, велосипед, мотор вместо ног и т. п.

10 июня 1907. 1) Все больше и больше почти физически страдаю от неравенства: богатства, излишеств нашей жизни среди нищеты; и не могу уменьшить этого неравенства. В этом тайный трагизм моей жизни.

20 июля 1907. 7) Любишь быть силен, ловок, умен, способен на всякое дело, и упражняешься для этого в силе, ловкости, в разных делах. А есть одно дело, которое важнее всех других и успех в котором дает наибольшую радость, и потому разумно упражняться более всего в этом деле. Дело это в том, чтобы приближаться к Богу в самом себе.

11) Нравственность только в том, чтобы понимать себя проявлением Бога: сыном, рабом Его. Безнравственность это — то, чтобы понимать себя слугою или своей личности, или своей семьи, или своего отечества, или своей породы существ — человечества.

12) Не успел оглянуться, как соблазнился, стал приписывать себе особенное значение: основателя философско-религиозной школы, стал приписывать этому важность, желал, чтобы это было, как будто это имеет какое нибудь значение для моей жизни. Все это имеет значение не для, а против моей жизни, заглушая, извращая ее.

16) Тело мое — не я, разум мой — тоже не я. Не я и мое сознание. Я, мое истинное я, это — то, что я сознаю. Сознаю же я свою духовную, божественную сущность. Я не понимаю эту сущность, но она-то одна и есть настоящий я.

18) Нельзя проповедовать учение блага, живя противно этому учению, как живу я. Единственное средство доказательства того, что учение это дает благо, это — то, чтобы жить по нем, как живет Добролюбов.

21) Колокольчик, письма. По старой привычке я ожидаю чего-то извне: кто-то приятный едет, какое нибудь хорошее известие в письме. Я ожидаю, а между тем знаю очень хорошо, что извне мне ничего хорошего придти не может. Не могу придумать, что извне, какой человек и какое известие могло бы дать мне истинную радость. Что же может дать мне радость? Чего я могу желать? Только одного: того, что я сам могу дать себе: все большего и большего приближения к Богу, слияния с Ним. Сейчас я в дурном духе; какую же радость я сейчас могу доставить себе? Могу и теперь доставить себе — и большую — радость: победить это настроение, воспользоваться им для того, чтобы научиться и при нем не прекращать своего общения с Богом.

22 августа 1907. 12) Да, да, любить врагов, любить ненавидящих не есть преувеличение, как это кажется сначала, это — основная мысль любви. Также, как непротивление, подставление другой щеки не есть преувеличение и иносказание, а закон, закон непротивления, без которого нет христианства. Также нет христианства без любви к ненавидящим, именно к ненавидящим.

7 сентября 1907. 1) Если ты понял, что ты — Бог, проявившийся отдельно — в теле, то какая же может быть смерть для Бога? Если же ты понял это, то ты не можешь не стремиться к освобождению себя от отделенности и к соединению со Всем. Освобождение же себя от отделенности достигается только одним: любовью ко Всему и всем. Любовь же дает лучшую радость в жизни.

2) Человек, живущий телесной жизнью, руководящийся временными интересами, совершенно подобен птице, которая, мучаясь, бежала бы слабыми ногами по земле, не зная употребления своих крыльев.

12 сентября 1907. ... Так что кажется невозможным благо и противоречивым это желание блага в человеке с его разумом только потому, что извращены и понятие блага и разум человеческий. Извращено желание блага тем, что основное, главное, составляющее жизнь человека и неистребимое в нем желание блага не есть желание блага для своей телесной личности, — оно кажется только таким при неразвитом и извращенном разуме, — а есть желание блага себе, своему духовному существу, тому существу, которое человек сознает не в одном себе, но во всем живом и особенно сильно и живо в таких же, как он, людях. Желание же блага своему духовному существу, сознаваемому человеком во всем живом, проявляется в человеке любовью. И потому истинное благо человека есть то благо, которое он находит в любви, в том чувстве любви, которое он сознает в себе, которое дает ему счастье и которое он может бесконечно увеличивать и в увеличении которого и в пользовании которым никто и ничто не может ему препятствовать, в котором человек чувствует себя всемогущим, в

котором сливается, соединяется с тем Началом, которому он приписывает свое существование.

15 сентября 1907. 3) Настоящая, серьезная жизнь только та, которая идет по сознаваемому высшему закону; жизнь же, руководимая похотями, страстями, рассуждениями, есть только преддверие жизни, приготовление к ней, есть сон.

5) Никто не призывает тебя к изменению и улучшению существующих порядков, но вся сила жизни, вложенная в тебя, призывает тебя к изменению и улучшению твоей внутренней, духовной жизни, к все большему и большему проявлению в себе Бога.

6) Все больше и больше проявлять в себе Бога — в том жизнь, в том и вера.

8) Человек запутался так, что что ни сделаи, все дурно, как перекресток дорог сказачного богатыря. Кажется, что выхода нет, и куда ни пойдю — все будет худо. И вот, если только найдет на него внутреннее просветление, и он поймет, что ему выбирать ничего не нужно, а нужно только сознать в себе Бога и отдаться Ему, т. е. отдаться любви. И тогда не нужно ничего выбирать. Иди по какой хочешь дороге — на всех благо.

9) (Вписать в беседу:) Говорят: только попробуй один жить по любви, когда все люди вокруг будут жить по мирскому, и тебя оберут, замучают самого и только посмеются над тобой. Так говорят люди, но это неправда. Не может этого быть. Любовь и разум вложены не в меня одного, а во всех людей. Не мог Бог вложить в нас любовь и разум — частицу Себя — только затем, чтобы нам было дурно, если мы станем жить тем, что вложено в нас и что влечет нас к себе. Не может этого быть.

10) Какое счастье чувствовать, как я это иногда чувствую, что у меня другого побуждения в жизни нет, как только то, чтоб исполнять волю Пославшего.

Я помру, так что же? Тем лучше. Если не я сам, Л. Н., буду исполнять эту волю, будут исполнять ее те люди, которые от меня, через меня поймут, что жизнь только в том, чтобы исполнять эту волю.

10 октября 1907. 1) Жизнь не шутка, а великое, торжественное дело. Жить надо бы всегда так же серьезно и торжественно, как умираешь.

12 октября 1907. 1) Говорят, говорю и я, что книгопечатание не содействовало благу людей. Этого мало. Ничто, увеличивающее возможность воздействия людей друг на друга: железные дороги, телеграфы, — фоны, пароходы, пушки, все военные приспособления, взрывчатые вещества и все, что называется «культурой», никак не содействовало в наше время благу людей, а напротив. Оно и не могло быть иначе среди людей, большинство которых живет безрелигиозно, безнравственной жизнью. Если большинство безнравственно, то средства воздействия, очевидно, будут содействовать только распространению безнравственности. Средства воздействия культуры могут быть благодетельны только тогда, когда большинство, хотя и небольшое, религиозно-нравственно. Желательно отношение нравственности и культуры такое, чтобы культура развивалась только одновременно и немного позади нравственного движения. Когда же культура перегоняет, как это теперь, то это — великое бедствие. Может быть и даже я думаю, что оно бедствие временное, что вследствие превышения культуры над нравственностью, хотя и должны быть временные страдания, отсталость нравственности вызовет страдания, вследствие которых задержится культура и ускорится движение нравственности и восстановится правильное отношение.

20 октября 1907. 1) Вера в Бога в том, чтобы, несмотря на осуждения людей, делать то, чего хочет Бог, и быть спокойным.

26 октября 1907. 7) (Очень важное). Непротивление злу насилием — не предписание, а открытый, сознанный закон жизни для каждого отдельного человека и для всего человечества — даже для всего живого. Закон этот непрерывно исполняется. Волки вырождаются, кролики размножаются. Закон этот, как всякий закон, есть идеал, к которому само собой бессознательно стремится все живое и должен стремиться каждый отдельный человек.

8) Странно, что мне приходится молчать с живущими вокруг меня людьми и говорить только с теми далекими по времени и месту, которые будут слышать меня.

27 октября 1907. Отрываюсь от работы, чтобы записать то, что с утра испытываю невыразимую, умиленную радость сознания жизни любви, любви ко всем и ко Всеми. Какая радость! Какое счастье! Как не благодарить То, Того, Кто дает мне это.

8 ноября 1907. 3) Дело не в том, чтобы у всех было равно, а в том, чтобы со всеми быть в любви. Можно быть богатым и в любви с бедными, и быть равным по имуществу и ненавидеть.

4) Если мозг занят научными знаниями, то в нем не может быть места для религиозно-нравственных. Этим объясняется нерелигиозность наших высших классов. Телесный труд оставляет мозг свободным, но не то с умственным трудом.

5) Трагизм положения в том, что нет иного выбора, как только грубая языческая церковность или истинное христианство. Но в истинном христианстве человек один; не только один, но большинство враждебно ему. И люди не берут ни того, ни другого и остаются без всякой, какой бы то ни было веры.

11) Божественное я есть то я, которое сознает себя. Рука, нога, нос, живот, мозг не сознают себя. Не сознает себя и соединение всего, как оно в мертвом теле. Сознает себя нечто неопределимое, свободное, всемогущее в своей духовной области.

12) При чтении книг надо не забывать, что это — общение с ближними, и что оно поэтому должно быть любовное: не сердиться на пишущих гурное, а жалеть.

13) Отчего неразумны так называемые — образованные? От того, что головы их набиваются ненужными пустяками, выдаваемыми им за самое важное.

16 декабря 1907. 11) Без религии, т. е. установленного отношения к бесконечному духовному, человек — бесхвостая обезьяна, умеющая делать фонографы, баллоны, бомбы и т. п.

1908 г.

1 января 1908. 1) Если человек думает в час смерти, что ему нечего делать, он не знает жизни. Ему надо делать все то же, что он делал во всю свою жизнь: освобождать свою душу.

Зачем я пишу это? Затем, что это мне нужно, а может быть это нужно и другим.

4) Человек — все и ничто, а он думает, что он — что-то. В этом вся ошибка — грех. От этого суеверие личности.

11) То, что жизнь только в усилии нравственном, видно из того, что во сне не можешь сделать нравственного усилия и совершаешь самые ужасные поступки.

20 января 1908. 4) Признавать учение Христа и допускать насилие — в роде того, что признавать возможность доброй жизни при распространении пьянства.

31 марта 1908. 1) Я прежде думал, что разум (разумение) есть главное свойство души человеческой. Это была ошибка, и я смутно чувствовал это. Разум есть только орудие освобождения, проявления сущности души — любви. (Очень важно).

2 апреля 1908. Низшая ступень — жизнь для похотей тела, чтобы угодить телу, вторая ступень — для одобрения людского, чтобы угодить людям, третья — для награды от Бога, чтобы угодить Богу вне себя, четвертая, выше которой я не знаю, жизнь ни для чего, а только чтобы угодить Богу в себе.

9 апреля 1908. 1) Знаю в себе тот же X — силу жизни, которую знаю во всем и особенно ясно в наиболее себе подобных существах. Силу жизни эту называю Бог. Могу, не сознавая эту силу, жить ею, могу сознавать и жить ею. Разница между этими двумя жизнями в том, что при первой живу одной ограниченной, окруженной враждебными существами жизнью; при второй живу, кроме своей ограниченной, еще и жизнью всех однородных, близких существ, все больше и больше сознавая и их любовью.

12 июня 1908. Здоровье хорошо. Но слаб и телом и мозгом — сонливость. Начинаю привыкать к признанию главным — одним делом жизни — любовь. Главное — в мыслях. Кто хочет жить истинной жизнью, должен прежде всего делать это усилие к истинной жизни в своих мыслях, когда один сам с собой. Удивительно, как мало знают это. Как подумал о комнибудь с недоброжелательством, остановись, ищи в нем доброе, пусть он будет для тебя как самое дорогое для тебя существо, для меня моя мать. Можно. Думал нынче, после того, как холодно обошелся с женщиной просительницей, думал, что: Одно дело только можно делать во всех возможных телесных условиях, это: быть любовным. Это можно и с больной печенью и умирая.

2 июля 1908. Вчера тяжелый разговор. Все я плох. Одно хорошо, что знаю и чувствую это. Благодетельность телесных страданий еще не умею понимать и чувствовать, а знаю, что она есть. Зато благодетельность оскорблений, укоров, клевет, даже злобы и знаю и даже чувствую.

20 июля 1908. 1) Я — это сознание Бога.

5 август 1908. Да, ты только работник дела хозяйского, Божия, и знаешь наверно только то, что ты прислан сюда работать Его дело. Хорошо ли, дурно это положение, нечего рассуждать, оно таково и не изменится; одно, о чем можно и должно рассуждать, это то, как лучше прожить. А лучше прожить можно, очевидно, только тогда, когда будешь делать ту работу, которая задана. Узнаешь, что делаешь ту работу, которая задана, по тому, что она самая легкая, и не только легкая, но и радостная.

11 августа 1908. Да, тяжело жить в тех нелепых, роскошных условиях, в которых мне привелось прожить жизнь, и еще тяжелее умирать в этих условиях: суеты, медицины, мнимого облегчения, исцеления, тогда как ни того, ни другого не может быть, да и не нужно, а может быть только ухудшение душевного состояния. Отношение к смерти никак ни страх, но напряженное любопытство.

Хотя и пустяшное, но хочется сказать кое что, что бы мне хотелось, чтобы было сделано после моей смерти. Во-первых, хорошо бы, если бы наследники отдали все мои писания в общее пользование; если уже не это, то непременно все народное, как-то: «Азбуки», «Книги для чтения». Второе, хотя это и из пустяков пустяки, то, чтобы никаких не совершали обрядов при захоронении в землю моего тела. Деревянный гроб, и кто хочет снесет или свезет в Заказ против оврага, на место зеленой палочки.

Да, «все в тебе и все сейчас», как говорил Слютаев, и все вне времени. Так что же может случиться с тем, что во мне и что вне времени, кроме блага.

28 августа 1908. 1) Короткая молитва: Не оставляй меня Ты (не могу назвать Тебя). Помогай мне служить Тебе в деле Твоем, быть с Тобою, в Тебе и Тобою.

2) Поесть, когда голоден, выпить воды, когда хочется пить, большое удовольствие телу. Но отказаться от еды, питья, от всего, чего хочет тело, уже не удовольствие, а радость души. Знает это только тот, кто испытал это.

28 октября 1908. 2) Какая ни с чем несравнимая, удивительная радость — и я испытываю ее — любить всех, все, чувствовать в себе эту любовь или, вернее, чувствовать себя этой любовью. Как уничтожается все, что мы по извращенности своей считаем злом, как все, все — становятся близки, свои... Да не надо писать, только испортишь чувство.

Да, великая радость. И тот, кто испытал ее, не сравнит ее ни с какой другой, не захочет никакой другой и не пожалеет ничего, сделает все, что может, чтобы получить ее. А для того, чтобы получить ее, нужно одно небольшое, но трудное в нашем извращенном мире, — одно: отучить себя от ненависти, презрения, неуважения, равнодушия ко всякому человеку. А это можно. Я сделал в этом отношении так мало, а уже как будто вперед получил незаслуженную награду.

2 ноября 1908. 1) ... И подумал: Весь мир, какой мы знаем, ведь только произведение наших внешних чувств: зрения и осязания... и наших соображений. Как же верить в реальность, единую реальность мира, каким мы его представляем себе? Какой он для блох? Какой для Сириуса, для неизвестного мне существа, одаренного неизвестными мне чувствами? И пространство и время — это все мною построено. То, что я называю бесконечно малыми существами, нисколько не меньше меня. И то, что я называю моментом, нисколько не меньше того, что я называю вечностью. Одно, одно есть, то, что сознает, а никак не то, что оно познает и как.

10 ноября 1908. Да, вот что: Все пути человеку заказаны, кроме одного — совершенствования, увеличения духовной силы, освобождения от тела, приближения к Богу. Дело это, единственно разумное дело жизни, совершается только в моменте настоящего. Прошедшее не существует, оно также, как и все отношения с миром, суть только материал совершенствования. Будущее же никак не бери целью своей деятельности (Это — то главное, что я живо понял нынче). Будущего — представления того, что будет, не должно быть для разумно живущего

человека. Есть только настоящее, в котором я могу совершать свойственное мне дело жизни. То же, что выйдет из этого, мне не дано знать; не дано знать, что выйдет для мира (а люди думают, что они могут знать это, и этим руководствуются. В этом главная причина злой жизни людей), не дано знать и то, что выйдет для моей души... А какая свобода и сила, когда вся жизнь в одном настоящем.

6 декабря 1908. 2) Как я особенно счастлив. Если меня и ненавидят, не зная меня, многие, как много людей не по заслугам любят меня. Люди, которые по своим quasi религиозным взглядам, которые я разрушаю, должны бы были ненавидеть, любят меня за те пустяки — «Война и Мир» и т. п., которые им кажутся очень важными.

18 декабря 1908. Личность есть только воспоминание о прошедшем и желания в будущем. Как только нет ни того ни другого, нет времени — жизнь в безвременном моменте настоящего — нет личности, а есть только основа жизни — любовь, Бог. Так это было бы, если бы человек мог вполне отрешиться от воспоминаний и желаний; в жизни же возможно только приближение: чем меньше воспоминаний и желаний, т. е. чем больше уничтожена, ослаблена личность, тем больше проявляется в жизни любовь — Бог, тем больше живешь вне времени и сознаешь, что движешься не ты, а мир для того, чтобы ты мог познавать его.

3) Большая ошибка думать, что все изобретения, увеличивающие власть людей над природой в земледелии, в добычании и химическом соединении веществ, и возможность большего воздействия людей друг на друга, как пути и средства сообщения, печать, телеграф, телефон, фонограф, есть благо. И власть над природой, и увеличение возможности воздействия людей друг на друга будут благом только тогда, когда деятельность людей будет руководима любовью, желанием блага другим, и будут злом, когда она будет руководима эгоизмом, желанием блага только себе. Выкопанные металлы могут пойти на удобства жизни людей или на пушки, последствие увеличения плодородности земли может дать обеспеченное питание людям и может быть причиной усиленного

распространения и потребления опиума, водки, пути сообщения и средства сообщения мыслей могут разносить добрые и злые влияния. И потому в безнравственном обществе, каково наше мнимо христианское, все изобретения, увеличивающая власть человека над природой и средства общения, не только не благо, но несомненное и очевидное зло.

30 декабря 1908. Приехал Николаи Николаевич. Получил трогательное письмо от Петровой, сидящей в тюрьме. Отвечал ей. Нынче проситель крестьянин о разделе, потом Студент с удивительным вопросом о требовании курсистки, чтобы он взял ее в жены. Потом Андрей с денежными делами, потом сумашедший, потом письмо от Студента с требованием того, чтобы жизнь была злом. Вчера было очень хорошо на душе, радостно, любовно, нынче хуже, но, слава Богу, все же радостно и благодарно. Начал было писать «Не виноватых», но не пошло. — Готовят маскарад. Мне жалко.

„Тайный“ дневник 1908 г.

2 июля 1908. Когда спрошу себя: что же мне нужно: уйти от всех. Куда? К Богу, умереть. Преступно желаю смерти.

3 июля 1908. Все так же мучительно борюсь, но плохо борюсь. Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду — стыд и страдание.

6 июля 1908. Мучительно тяжело испытание или расплата за любовстрастие. Ужасно тяжелая расплата. Сейчас Чертков рассказал бывший с ней разговор: «Он живет, пользуется роскошью и говорит... все фарисейство.... и т. д. Я, я жертвую собой».

Помоги мне, Господи. Опять хочется уйти. И не решаюсь. Но и не отказываюсь. Главное: для себя ли я сделаю, если уйду. То, что я не для себя делаю, оставаясь, это я знаю.

7 июля 1908. Очень было мучительно вчера. Считал деньги и соображал, как уйти. Не могу без недоброго чувства видеть ее. Нынче лучше.

Как на ней видно весь ужас телолюбия, себялюбия, доведенного до потери обязательности духовной. Ужасно и для других и для нея. Жалеть надо. Попытаюсь получше написать — говорить нельзя.

Это об ней. А о себе забываю. Я плох, очень плох. Не мог вчера не думать о себе, об отвратительном себе.

Да, я — тело — это такой отвратительный нужник — только сними, приоткрой крышку духовности, и смрад и мерзость.

Постараюсь нынче жить для души.

9 июля 1908. Думаю написать ей письмо. Недоброго чувства, слава Богу — нет. Одно все мучительнее и мучительнее: неправда безумной роскоши среди недолгой нищеты, нужды, среди которых я живу. Все делается хуже и хуже, тяжелее и тяжелее. Не могу забыть, не видеть.

18 июля 1908. Недоброе чувство кончилось. Отвлёкся мыслями. Вчера были беглые два матроса. Дал денег, пожалел.

Том 57

1909 г.

3 января 1909. 4) Признание Бога любовью тем и хорошо и благотворно, что, признавая Его любовью, общение с Ним, которого не можешь не желать, только одно: любовь к людям. Преимущество этого общения с Богом перед всяким другим общением в том, что при этом общении чувствуешь, что Он есть и отвечает тебе в твоей душе, отвечает тем, что чем больше, полнее отдаешься ты любви к людям, тем больше он спокойствием, радостью наполняет твое сердце.

6 января 1909. Третьего дня был настоящий интеллигент, литератор Гершензон, будто бы с вопросами о моих метафизических основах, в сущности же с затаенной (но явной) мыслью показать мне всю бессосновность моей веры в любви.

8 января 1909. Ходил утром и встретил болгара офицера — нервно возбужденный. Было тяжело.

Чертков настаивает на моем особенном значении. Не могу и не могу верить, да и не желаю. Благодарю Бога. Записать два:

1) О памяти. Я совсем почти потерял память. Прошедшее исчезло. В будущем ничего (почти) не желаю, не жду. Что может быть лучше такого положения? и я испытываю это великое благо. Как не переставая не благодарить Бога за эту чудную жизнь, свободную, радостную?!

2) Ночью гумал о том, как бы хорошо ясно определить те злодейские должности, которые не только христианин, но просто порядочный человек — не злодей, желающий чувствовать себя не злодеем, — исполнять не может. Знаю, что торговец, фабрикант, землевладелец, банкир, капиталист, чиновник безвредный как учитель, профессор живописи, библиотекарь и т. п. живет воровским, грабленным, но надо делать различие между самим вором и грабителем и тем, кто живет воровским. И вот этих самих воров и грабителей надо бы выделить из остальных, ясно показать греховность, жестокость, постыдность их деятельности.

И таких людей имя — легион. 1) Монархи, министры: а) внутренних дел, с насилем полиции, казнями, усмирениями, в) финансов — подати, с) юстиции — суды, d) военные, e) исповеданий (обман народа), и все служащие, все войско, все духовенство. Ведь это миллионы. Только бы уяснить им, — что они делают.

10 января 1909. Вчера писал почти с охотой, но плохо. Не стоит того, чтоб делать усилия. Нынче совсем нет охоты и вчерашнее кажется слабым, просто плохим. Третьего дня разговор с Андреем очень для меня поучительный. Началось с того, что они, все братья, страдают безденеьем.

Я. Отчего?

Он. Да все дороже стало, а живем в известной среде.

Я. Надо жить лучше, воздержнее.

Он. Позволь возразить.

Я. Говори.

Он. Ты говоришь, что надо жить так: не есть мяса, отказываться от военной службы. Но как же думать о тех миллионах, которые живут, как все?

Я. Совсем не думать, думать о себе.

И выяснилось мне, что для него нет никакого другого руководства в жизни, кроме того, что делают все. Выяснилось, что в этом — все, что за крошечными исключениями все живут так, не могут не жить так, потому что у них нет другого руководства. А потому и упрекать их и советовать им другое — бесполезно и для себя вредно, вызывая недоброе чувство. Человечество движется тысячелетия веками, а ты хочешь годами видеть это движение. Двигается оно тем, что передовые люди понемногу изменяют среду, указывая на вечно далекое совершенство, указывая путь (Христос, Будда, да и Кант, и Эмерсон, и др.), и среда понемногу изменяется. И те опять как все, но иначе. Интеллектуалы, это те, которые так же «как все» интеллектуалы.

Ничего нынче не делал и не хочется. Пишу вечером, 6 часов. Проснулся, и две вещи стали особенно, совершенно ясны мне: 1) то, что я очень дрянной человек. Совершенно искренно говорю это, и 2) что мне хорошо бы умереть, что мне хочется этого.

Очень я зол нынче. Может быть, живу я еще затем, чтобы стать хоть немного менее гадким. Даже наверное за этим. И буду стараться.

Помоги, Господи.

11 января 1909. Чувствую потребность что-то сделать. Неудержимое требование, а не знаю еще, что. Вот когда от души говорю: помоги, Господи! Хочу, ничего не хочу для себя. Готов на страдания, на унижения, только бы знать сам с собой, что делаю то, что должно. Какое легкое или страшно трудное слово: что должно. Кажется, ничего больше не нужно и не хочется писать.

12 января 1909. Был у Чертковых. Очень приятно — не приятно, а гораздо больше — равенство общения со всеми. Разумеется, и там неполное, но

нет мучительного присутствия «прислуги», погасящих сладкие кушанья, которых им не коснуться. Все тяжелее и тяжелее жизнь в этих условиях. Но не знаю, как благодарить Бога, что рядом с увеличивающейся тяжестью увеличивается и сила для перенесения. Вместе с бременем и силы. А от сознания сил несравненно больше радости, чем тяжести от бремени. Да, иго Его благо и бремя легко.

15 января 1909. Хорошо ходил. Ничего не писал. Как-то стыдно, стыдно, все стыдно. Дурно спал. Письмо от Божьего Полка.

На рождение можно смотреть, как на засыпание, и тогда жизнь — сон, и смерть — пробуждение. И можно смотреть на рождение, как на пробуждение от сна, и на смерть, как на засыпание. Можно смотреть еще и так, что рождение есть и засыпание к этой нашей телесной жизни и вместе с тем пробуждение от прежнего сна, а также и на смерть, как на пробуждение от этой жизни и засыпание в новую жизнь. И то, и другое, и третье верно. Пробуждение и сон, сон и пробуждение есть наивернейшее представление во времени нашей жизни.

16 января 1909. Важное письмо от Божьего Полка.

17 января 1909. Вчера был очень близкий и сильный человек Шеерман. Очень хорошо беседовали. Я выразил то, что смерть есть то освобождение, к которому идешь, и потому благо. Так что же самоубийство? Я ночью задал себе этот вопрос. Кажется, можно ответить так: Смерть благо для того, кто положил жизнь в освобождении себя в жизни. Нет, не ясно. Подумаю еще.

22 января 1909. Вчера был Архиерей, я говорил с ним по душе, но слишком осторожно, не высказал всего греха его дела. А надо было. Испортило же мне его рассказ Сони об его разговоре с ней. Он, очевидно, желал бы обратить меня, если не обратить, то уничтожить, уменьшить мое, по их — зловердное влияние на веру в церковь. Особенно неприятно, что он

просил дать ему знать, когда я буду умирать. Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я «покаялся» перед смертью. И потому заявляю, кажется повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью, я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причастии — ложь. Говорю это потому, что, если есть люди, для которых по их религиозному пониманию причастие есть некоторый религиозный акт, т. е. проявление стремления к Богу, для меня всякое такое внешнее действие, как причастие, было бы отречением от души, от добра, от учения Христа, от Бога.

4 февраля 1909. 1) По ощущению того, как это неприятно терпеть, понял — смешно сказать: в 80 лет — то, что не надо говорить с другими о том, что тебя занимает, а ловить то, что их занимает, и об этом говорить, если есть что...

4) Слышу и получаю письма, вероятно и в печати, упрекающие меня за то, что я не отдал землю крестьянам. Не могу не признать, что было бы лучше, не боясь упреков семьи, отдать землю крестьянам (каким?), но можно было как-нибудь устроить, но гурно ли, хорошо, я не сделал этого, но никак не потому, что дорожил этой собственностью. Я 20 лет и больше ненавижу ее и не нуждаюсь и не могу нуждаться в ней и благодаря моим писаниям, и если не писаниям, то моим грузьям. — Единственная выгода того, что я не отдал землю, та, что меня за это осуждали, ругали, осуждают и ругают.

6 февраля 1909. 2) Легко сказать: «жить только перед Богом», а как трудно, но и как хорошо!

12 февраля 1909. Приехал вчера и нынче Ваисов.

14 февраля 1909. 1) Говорят: «разве возможно жить по закону любви, без удержания насилем злых?» То, что люди говорят это, показывает, что

говорящие верят в закон насилия, верят в то, что насилие учредит жизнь. Они верят в это, и действительно, закон насилия отчасти, только отчасти учреждает, или нам кажется, что учреждает жизнь. Что бы было, если бы мы верили в закон любви так же, как верим в закон насилия? Все дело в вере в то или другое. И я думаю, что вера в закон любви придет и сделается столь же общей, какой была вера в закон насилия. А как только вера эта сделается общей, так уничтожится большая часть тех зол, от которых страдает теперь человечество.

2) Часто отдаешься унынию, негодованию о том, что делается в мире. Какая это непростительная ошибка! Работа, движение вперед, увеличение любви в людях, сознание ее возможности, ее применения, как закона жизни, растет в человечестве и положительным путем — признание ее благотельности, и отрицательным — признание все ухудшающегося и ухудшающегося положения людей вследствие признания закона насилия. Да, надо видеть этот двоякий рост, а не отчаиваться.

15 февраля 1909. 2) Сейчас был нищий, мужик, бывший солдат, говорит иностранными, ненужными словами, но смысл речей один: ненависть к правителям, к богатым, зависть и оправдание себя во всем. Страшное существо. Кто это сделал? революционеры или правительство? Оба.

3) Религиозно нравственное положение народа ужасно, как будто нет выхода. Но он есть, только во времени. Наелся дурной, вредной пищи или напился пьян, и мучаешься, и кажется, что нет выхода, потому что сейчас действительно нет выхода, но выход есть. Желудок переварит, организм переработает, так и в этом.

4) Какое ужасное зло сделано революционной литературой: указать прежде не сознаваемое, спокойно переносимое зло и предложить, как единственное средство избавления, средство, не избавляющее, а увеличивающее зло — это ужасно жестоко. И это самое сделано революционерами с народом.

18 февраля 1909. 1) Сейчас гумал очень для меня важное: Все хочется — не знаю, по старой ли привычке или по свойству души человеческой — хочется молиться, обращаться к Кому-то, к Богу. Я последнее время, стараясь ясно определить себе Бога, как и должно было быть, пришел к признанию невозможности отношения к Нему, к отрицанию Его для разума, но потребность жива. Бог, Ты, Ты — все, чего я смутное проявление в теле, в отделенном от Всего теле, Ты — весь, во всем совершенстве, помоги мне. Говорю это — и мне хорошо на душе. Не знаю, кто Тот, Кого я прошу о помощи, но мало того, что знаю, что Он есть, но знаю и то, что чем больше, искреннее, горячее прошу Его о помощи, тем больше чувствую эту помощь. Да. Помоги мне освободиться от тела, соединиться с Тобой — и чувствую, что Ты уже помогаешь, и — хотел бы сказать, что люблю Тебя, но «люблю» не то слово. Чувство мое к Тебе и не так горячо, как любовь, и не так узко, телесно. Это не любовь. В любви есть желание блага, а в этом только желание соединения. — (Чепуха.)

2) Я все придумывал молитву краткую и молюсь составленной глинной молитвой. Это нехорошо. Молитва не может быть одна и та же на все дни, на все часы. Нынче мне нужно: «помоги». А иногда нужно: «благодарю». Иногда нужно только созерцание, и иногда память о Нем и о Себе.

19 февраля 1909. 1) Надеяться, ожидать чего-нибудь разумный человек может только одного: смерти.

2) Надо в жизни не ожидать будущего, а готовиться к жизни в настоящем.

28 февраля 1909. 1) Жизнь есть стремление к соединению с Началом всего, с Богом, так как же может быть страшна смерть для того, кто понимает истинный смысл жизни. Как же ему бояться того, в чем исполнение его стремлений.

2) Умирая, испытываешь то, что брошенный ребенок, возвращаясь к любящей и любимой матери.

3) Как рабочие сами виноваты. Цель не должна быть освобождение, а цель — достижение лучшей духовной жизни — цель религиозная, общая, и тогда и только тогда попутно достигается цель политическая, частная.

4) Наивность недоумения сегодняшнего рабочего о том, что «этак можно получить много неприятностей».

1 марта 1909. 4) Подати самое могущественное орудие порабощения, и потому освобождение возможно только при освобождении от участия в собирании податей и — страшно сказать (и вместе с тем радостно) — только при освобождении от корысти, при готовности к бедности, при отказе служения богатым.

5 марта 1909. 1) Гоголь — огромный талант, прекрасное сердце и слабый, т. е. несмелый, робкий ум.

Лучшее произведение его таланта — Коляска, лучшее произведение его сердца — некоторые из писем.

Главное несчастье его всей деятельности это его покорность установившемуся жеррелигиозному учению и церкви и государства, какое есть. Хорошо бы, если бы он просто признавал все существующее, а то он это оправдывал, и не сам, а с помощью софистов славянофилов и был софистом и очень плохим софистом своих детских верований. Ухудшало, запутывало еще больше склад его мыслей его желание придать своей художественной деятельности религиозное значение. Письмо о «Ревизоре», вторая часть «Мертвых душ» и др.

Отдается он своему таланту — и выходят прекрасные, истинно художественные произведения, отдается он нравственно религиозному — и выходит хорошее, полезное, но как только хочет он внести в свои художественные произведения религиозное значение, выходит ужасная, отвратительная чепуха. Так это во 2-ой части «Мертвых душ» и др. Прибавить к этому надо то, что все от того, что искусству приписывает несвойственное ему значение.

6 марта 1909. 1) Читал газету и о казнях, и о злодействах, за которые казни, и так ясно стало развращение, совершаемое церковью — скрытием христианства, извращением совести, и государством — узаконением, не только оправданием, но возвеличением гордости, честолюбия, корыстолюбия, унижения людей и в особенности всякого насилия, убийства на войне и казней. Казалось бы, так несомненно ясно это, но никто не видит, не хочет видеть этого. И они — и церковь, и государство, хотя и видят все увеличивающееся зло, продолжают производить его. Происходит нечто подобное тому, что бы делали люди, умеющие только пахать и имеющие только орудия пахоты и только своей работой, пахотой могущие существовать, если бы эти люди пахали бы поля, на которых уже возошли всходы. Если могли быть нужны в свое время дела церкви и государства, они явно губительны в наше время и продолжают совершаться.

7 марта 1909. Много гумал о Гоголе и Белинском. Очень интересное сопоставление. Как Гоголь прав в своем безобразии, и как Белинский кругом неправ в своем блеске, с своим презрительным упоминанием о каком-то Боге. Гоголь ищет Бога в церковной вере, там, где он извращен, но ищет все-таки Бога, Белинский же, благодаря вере в науку, столь же, если не более нелепо, чем церковная вера (стоит вспомнить Гегеля с его «alles, was ist, ist vernünftig»), и несомненно еще более вредную, не нуждается ни в каком Боге. Какая тема для нужной статьи! Записать надо:

1) Хорошо бы написать о том, как наша жизнь, богатых классов, есть неперестающее воровство, грабеж, которые смягчаются хотя отчасти для тех, кто родился, воспитан в этом грабеже, но которые для тех, кто увеличивают грабеж получением мест у капиталистов, у правительства, есть подлость. Для всех же есть лицемерие.

3) Все яснее и ярче и настоятельнее требует изложения мысль о том, что одна из главных причин бедствий, переживаемых человечеством, это инерция, признание добрыми отжившие формы жизни: церковь, государство, наука. Пахать по всходам, надевать на себя взрослого

детскую одежду, разрывать, зашивать, прилаживать ее, а не понять то, что она уже не нужна, что надо ее бросить, а строить новую.

16 марта 1909. 1) Довольно одного благословения церковью такого брака, как Андреев, чтобы обличилась вся подлость и лживость церкви.

2) К «Стражнику»: Огромное количество рабочих кладут свой труд на производство предметов роскоши: туалеты, мебель, произведения искусства, и все не успевают занять все руки рабочих. Стоит только стать массе народа в положение хоть небольшого достатка, и рабочих не хватит, чтобы удовлетворить их потребности — жилья, одежды, пищи, удовольствий!

3) Борьба с половой похотью было бы в сто раз легче, если бы не поэтизирование и самых половых отношений и чувств, влекущих к ним, и брака, как нечто особенно прекрасное и дающее благо (тогда как брак, если не всегда, то из 10000 — 1 раз не портит всей жизни); если бы с детства и в полном возрасте внушалось людям, что половой акт (стоит только представить себе любимое существо, отдающееся этому акту) есть отвратительный, животный поступок, который получает человеческий смысл только при сознании обоих того, что последствия его влекут за собой тяжелые и сложные обязанности выращивания и наилучшего воспитания детей.

26 марта 1909. Читал Канта: Религия в пределах только разума. Очень близко мне.

30 марта 1909. Помоги, Х. Х — не Христос, а икс, т. е. неведомый, но признаваемый Бог.

1 апреля 1909. Мучительна мне это безумная (больше, чем безумная, рядом с бедной на деревне) жизнь, среди которой уже сам не знаю как обречен доживать. Если не в чем другом, так в этом сознании неправды я явно пошел вперед. И роскошь мучительна, стыдна, отравляет все, и тяжелы сыновья своей чуждостью и общей всей семье

самоуверенностью исключительной, — то же у дочерей. Еще думал, как губительна, развращает детей гимназия (Володинька Милютин — Бога нет), как нельзя преподавать рядом историю, математику и Закон Божий. Школа неверия. Надо бы преподавание нравственного учения.

8 апреля 1909. 8) И теперь самое для меня дорогое, важное, радостное; а именно:

Как хорошо, нужно, пользительно, при сознании всех появляющихся желаний, спрашивать себя: чье это желание: Толстого или мое. Толстой хочет осудить, думать недоброе об NN, а я не хочу. И если только я вспомнил это, вспомнил, что Толстой не я, то вопрос решается бесповоротно. Толстой боится болезни, осуждения, и сотни и тысячи мелочей, которые так или иначе действуют на него. Только стоит спросить себя: а я что? И все кончено, и Толстой молчит. Тебе, Толстому, хочется или не хочется того или этого — это твое дело. Исполнить же то, чего ты хочешь, признать справедливость, законность твоих желаний, это — мое дело. И ты ведь знаешь, что ты и должен и не можешь не слушаться меня, и что в послушании мне твое благо.

Не знаю, как это покажется грузин, но на меня это ясное разделение себя на Толстого и на Я удивительно радостно и плодотворно для добра действует.

11 апреля 1909. 1) Сознание божественности своей души — это разумная (метафизическая) основа жизни. Любовь — это проявление в жизни этого сознания своей божественности (религиозная основа жизни). Воздержание от страстей, грехов, соблазнов, препятствующих проявлению любви, — это добрая жизнь (нравственная основа).

17 апреля 1909. 2) Чем нелепее вера, тем она упорнее, тверже: вера в искупление, бессмертники, малеванцы; чем разумнее, тем подвижнее, не упористее: всегда уясняется, проверяется.

28 апреля 1909. 3) Не знают ни Бога, ни богов, знают один нравственный закон (как они его понимают), и насколько они нравственно, т. е. весь народ, выше наших христиан.

9 мая 1909. 2) Живо представил себе повесть или драму, в которой нет злых, дурных, все добрые для себя и все невиноватые. Как бы было хорошо и как ярко выступила бы из-за этой доброты, невинности людей недоброта и виновность устройства жизни.

10 и 11 мая 1909. 3) Самоотречение?! Разве можно отречься от себя, когда «я» — только я телесное. Самоотречение есть отречение от того, что я ошибочно считал собою. Самоотречение есть признание своей божественности, вечности.

6) Все дело в том, чего человек хочет достигнуть — в чем его идеал: хочет он богатства, почестей, славы, удовольствий — будет одна жизнь; хочет любви своей ко всем людям — будет совсем другая. Все в идеале.

7) Любить Бога значит любить проявление Его во мне. Но проявление Его я не могу не видеть везде: в небе, в земле, в камне, песке, в звездах. Разница во всех этих проявлениях только та, что одни ближе ко мне (не по месту ближе, а по роду проявления), а другие дальше. Чем ближе ко мне, тем больше можно и должно любить. Самое дальнее от меня: земля, камень, песок, небо, планеты, звезды, — мне естественно любить и их, но дерево, растение ближе ко мне, и я больше люблю их, еще больше — животных, больше всего — самого близкого к себе, человека. Но еще больше, больше всего на свете не могу не любить себя, свое я, только не телесное, мерзкое я, которое должно мне быть так далеко, как всякое животное, даже как камень, песок, но свое духовное я, любовь к которому есть сама любовь, есть любовь ко всему. Отвратителен эгоизм телесный, и нет ничего выше эгоизма духовного, перенесения своего сознания в духовное, вечное, всемирное я. И перенесение это совершается любовью и дает такое благо, испытывая которое ничего

больше но нужно. Как же не благодарить Того, То, что дало нам это благо?!

16 мая 1909. 2) Бог не в храмах, не в изображениях, не в словах, не в таинствах, не в делах человеческих, а в человеке, в самом человеке; а перед ним, перед проституткой, палачом, приговаривателем к казням, перед этим благоговеи, созерцая в них Бога.

19 мая 1909. Был два раза милый Николаев. Какой удивительный работник по Генри Джорджу, да и вообще какой хороший.

22 мая 1909. 7) Говорить серьезно о праве, когда есть право земельной собственности, все равно, что говорить о праве на владение рабами, о порядке продажи их.

24 мая 1909. 1) Без любви не к N. N., а к ближнему вообще нет и не может быть никакой нравственности, а без недопущения насилия, т. е. без непротивления, нет и не может быть любви к ближнему, и потому без непротивления не может быть никакой нравственности. Проповедь же или признание любви без непротивления есть гадкая ложь и лицемерие. Лучше закон борьбы без лжи нравственной.

6 и 7 июня 1909. 1) Познание Бога может быть тройкое: а) верою, б) разумом и в) любовью. Можно поверить, что Бог есть то, что мне сказали про Него. Можно рассуждением прийти к признанию Начала всего, к существованию чего-либо вневременного и внепространственного, не разрушаемого, необходимости признания либо конечности, либо бесконечности, включающих в себя признак нереальности. Не так выражаюсь, хочу сказать, что все то, что телесно и занимает ограниченное пространство в пространстве бесконечном и происходит во времени бесконечном в обе стороны, все это не действительно есть. Есть то, что есть вне времени и пространства. А так сущее есть только то, что мы называем Богом. Можно прийти к признанию существования Бога сознанием в себе этого

внепространственного и вневременного, это познание Его единством с Ним, выражаемым любовью.

2) Чувствую себя очень глупым, но зато и — смело скажу — хорошим. Так естественно, страстно, от всей души говорю, думаю, чувствую одно то, чтоб делать то, что Ему угодно, сумею быть Его органом. Все глупо, бессмысленно, но на душе тепло, радостно, хорошо. Игу обедать.

8 июня 1909. Особенно живо чувствовал безумную безнравственность роскоши властвующих и богатых и нищету и задушенность бедных. Почти физически страдаю от сознания участия в этом безумии и зле. Здесь же меня поместили в безумную роскошь и привезли сам четверг: доктор, секретарь, прислуга. И на беду 9 Июня весь Круг Чтения на эту тему. Научи меня Ты, что мне делать.

9 июня 1909. 1) В первый раз вчера испытал очень радостное чувство полной преданности воле Его, полного равнодушия к тому, что будет со мною, отсутствия всякого желания, кроме одного: делать то, чего Он хочет (я сейчас испытываю это). Я и прежде, давно уже познал это, как истину, открытую мне разумом, но только теперь испытал это как чувство — чувство обращения к Нему и желания получения указания от Него: что же делать? — Привык к молитве и к ожиданию ответа на человеческие речи. Но это самообман. Ответ есть в душе. Благодарю Тебя. Как хорошо! Чую ответ, и так радостно, что выступают слезы.

11 июня 1909. Главное же, мучительное чувство бедности, — не бедности, а унижения, заботности народа. Простительна жестокость и безумие революционеров. Потом за обедом Свербеева, французские языки и теннис, и рядом рабы голодные, раздетые, забитые работой. Но могу выносить, хочется бежать.

14 июня 1909. 2) Говорю о любви, а в мыслях не люблю, презираю, даже ненавижу. Вчера получил ядовитое обратительное письмо и вместо

того, чтобы понять, сумеет пожалеть, написал загкое, такое же ядовитое письмо. Хорошо, что не послал.

4) Не потому люблю людей и свою гушу, что знаю Бога и Его волю, а знаю Бога и Его волю потому, что люблю людей и свою гушу.

5) Знаю Бога потому, что знаю свою гушу. А гушу свою знаю потому, что люблю свою гушу, и не одну свою гушу, а и гуши других людей, гушу всего мира.

6) Тело мое болеет и умирает; гуша не болеет и не умирает. Душа это Бог, живущий в моем теле.

10) Вчера говорил с Любой и Алеї о стихах. А надо было спросить: знаете ли вы, как надо жить? А пока этого не узнаете, ничего нельзя изучать.

12) Бог открывается одной любовью, но утверждается разумом.

20 июня 1909. Да, брак это главное препятствие к жизни настоящей. Идеал всего должен быть безбрачие. А никак не освящать эту гадость. Да, читал вчера о Марксе Энгельса... Нынче проснулся от ясного, простого, понятного всем опровержения материализма. На яву вышло не так ясно, как во сне, но кое-что осталось. А именно то, что материалисты должны допускать нелепость Творца, чтобы объяснить, отчего сложилась материя так, что из нее образовались отдельные существа, из которых первый я, и с такими свойствами, как чувства и разум.

22 июня 1909. Сколько помнится, ничего не делал вчера... Потом поехал с тремя Танями в лес. Пошел оттуда и набрел на косцов — вся деревня. Говорил о многом с ними, о земле, о солдатчине, о том, что сами себя порабощают. О том, что трудно освободиться от бедности, а еще труднее от богатства. Что жить надо для души, и все будет хорошо. Обедал, читал. Чувствовал себя сравнительно бодро. Сегодня, — спал хорошо, походил, кое-что записал. Хорошо молился, живо понимал свое ничтожество и не величие — величие сказать мало, а

бесконечность — не гадины Льва Толстого, а существа, сознающего себя Божественным.

23 июня 1909. Пора понять, что если хочешь служить людям, то работай для grand monde — рабочего народа и его имей перед собой, когда пишешь. Наш брат в огромном большинстве безнадежен. А те жажгут.

12 июля 1909. Вчера вечером было тяжело от разговоров Софьи Андреевны о печатании и преследовании судом. Если бы она знала и поняла, как она одна отравляет мои последние часы, дни, месяцы жизни! А сказать и не умею и не надеюсь ни на какое воздействие на нее каких бы то ни было слов.

21 июля 1909. С вечера вчера Софья Андреевна была слаба и раздражена. Я не мог заснуть до 2-х и больше. Проснулся слабый. Меня разбудили. Софья Андреевна не спала всю ночь. Я пошел к ней. Это было что-то безумное. Душан отравил ее и т. п. Письмо Стаховича, про которое я должен был сказать, потому что она думала, что что-то скрываю от нее, вызвало еще худшее состояние. Я устал и не могу больше и чувствую себя совсем больным. Чувствую невозможность относиться разумно и любовно, полную невозможность. Пока хочу только удалиться и не принимать никакого участия. Ничего другого не могу, а то я уже серьезно думал бежать. Ну-тка, покажи свое христианство. C'est le moment ou jamais. А страшно хочется уйти. Едва ли в моем присутствии здесь есть что-нибудь, кому-нибудь нужное. Тяжелая жертва, и во вред всем. Помоги, Бог мой, научи.

23 июля 1909. 3) Я дожил до того сознания, что я не живу, но живет через меня Бог. Это звучит безумной гордостью, а между тем это, насколько это искренно чувствуется, есть самое настоящее смирение. Все мои гадости я не считаю собою, своей жизнью, я считаю своей жизнью только то, что в ней хорошо. Как ни мало этого, оно есть. И это малое не мое, а это Бог.

24 июля 1909. 1) Думал о том, что основа призрачности жизни в том, что мы называем движением. Основа призрачности — движение. Движение же включает в себя призрачность времени и пространства. Время, как я говорил, способность представлять себе два предмета в одном и том же месте; пространство — возможность представлять себе два предмета в одно и то же время. Движение есть способность представлять себе переходы предметов из одного места в другой. Количество же мест, как для бесконечно малых, так и бесконечно великих предметов не может быть мыслимо иначе как бесконечным. А потому и количество переходов предметов из одних мест в другие не может быть мыслимо иначе, как бесконечным. Т. е., что движение то, без чего мы не можем мыслить, понимать, сознавать жизнь, есть только призрак такой же, как тот, когда тебе, стоящему неподвижно, тогда как все со всех сторон равномерно бежит вокруг тебя, кажется, что все стоит, а бежишь ты. Точно то же совершается и с основной сущностью человеческого «я». «Я», истинное я человека — вне движения, пространства и времени, но оно не может понимать жизни иначе, как в движении, и ему кажется, что мир стоит (хотя в нем, в мире, и происходит движение), но что движется он, развиваясь, стареясь, приближаясь к смерти и умирая; кажется, что он приходит и уходит, а мир остается. Все это очевидная призрачность. Очевидная уже потому, что для того, чтобы было движение, необходимо, чтобы было что-либо неподвижное, по отношению к которому и совершается движение. И такое неподвижное есть только одно: сознание своего вневременного, внепространственного, недвижущегося «я».

Что же такое жизнь? Раскрытие, освобождение от затемнения, застилания этого неподвижного я, от призрачности движения, пространства и времени.

Жизнь, как каждого отдельного существа, так и всего мира есть это освобождение, благо все увеличивающееся и увеличивающееся этого освобождения. Зачем? Для чего это так? Для чего нужен этот процесс освобождения, т. е. жизнь? Это не дано знать человеку. Одно, что дано

знать ему, это то, что в этом благо, великое благо жизни. И знание этого, подчинение этому закону увеличивает это благо.

28 июля 1909. Есть на свете такие существа, которые живут все от произведений земли, но для того, чтобы им было как можно труднее кормиться, они землю свою разделили так, что пользоваться ею могут только те, кто не работает на ней, те же, кто работают, не могут пользоваться ею и страдают и мрут поколения за поколениями от невозможности кормиться с земли. Кроме того, существа эти избирают по одному семейству или по нескольким из многих и отказываются от своей воли и разума ради рабского повиновения всему тому, что захотят сделать над ними эти избранные. Избранные же бывают самые злые и глупые из всех. Но существа, избравшие и покоряющиеся, всячески восхваляют их. Существа эти говорят на разных языках, непонятных друг другу. Но вместо того, чтобы стараться уничтожить эту причину недоразумений и раздоров, они еще разделяют сами себя, независимо от различия языка, еще на разные соединения, называемые государствами, и из-за этих соединений убивают тысячи и тысячи себе подобных и разоряют друг друга. Для того, чтобы они могли удобнее разорять и убивать друг друга, существа эти надевают особенные, одинаковые, большей частью пестрые одежды, придумывают средства убивания друг друга и обучают повинующихся многих одному наилучшим способам убийства...

Удивительные эти существа. Существа эти называются людьми.

2) Никакие восстания, бунты, союзы не сделают одной тысячной того, что может сделать воздержание хотя бы от двух дел — потребления водки и поступления в войско.

1 августа 1909. 1) Несмотря на мое ясное понимание Бога не познаваемого, а только сознаваемого в себе, мне часто хочется Бога личного, такого, какому можно бы молиться. Это слабость, привычка и вместе с тем естественное желание общения с Богом такого же, как общения с человеком, хотя этого-то и не может быть. Желание это

естественно сильно. Для того же, чтобы удовлетворить ему, нужно верить, что Он есть именно такой, каким бы я хотел, чтобы Он был, т. е. личным существом, с которым я мог бы общаться не неразрывно внутренне, как это есть в действительности, а внешним общением, как с отдельным существом. Для того, чтобы мочь так общаться, нужно верить, что Он есть отдельное существо; а чтобы верить этому, надо доказательство. Доказательством таким может быть только чудо, показывающее и Его отдаленность от меня, и Его существование, как отдельного от меня существа. И потому, чтобы верить в личного Бога, нужны чудеса. Чудес нет, надо верить в предания о чудесах или воображать себе чудеса. Это и делают так называемые верующие. Те же, которых называют атеистами, требуют для веры в Бога также чудеса, но, будучи критически трезвы в мыслях, не верят в чудеса прошедшего, не видят чудес в настоящем и потому не верят в Бога, а верят только в то, что познается внешними чувствами.

2) Как ни странно это кажется, самые твердые, непоколебимые убеждения, это самые поверхностные. Глубокие убеждения всегда подвижны.

3) Как удивительно верно изречение Иоанна — Бог есть любовь, т. е. Бог есть то высшее, что есть в нас.

5 августа 1909. Вчера вечером приехали разбойники за Гусевым и увезли его.

28 августа 1909. С утра приехали Маклаков, Цингер, Семенов. Я позвал Маклакова и говорил с ним о том, чтобы он поднял вопрос в Думе. Он говорит, что ничего не знает о Генри Джордже, и что вопрос не может не только пройти, но и вызвать суждения. Он практически очень умен, но совершенно плотно заткнут для всех настояще нужных людям вопросов — как и очень, очень многие.

29 августа 1909. Вчера вечером приехал милый Булыгин. Смотрит твердо на ожидающий его сына отказ от воинской повинности. Сейчас,

проходя в передней, услышал его громкий голос, говоривший: «Нельзя жить той зверской жизнью, которой мы живем», и голос сына Сергея, говорящий: что «точно наша жизнь теперь не хороша, но что вообще в устройстве жизни нет ничего нехорошего». И я в первый раз ясно понял мирозерцание этих людей, увы, называемых образованными. Это люди с заткнутыми отверстиями, через которые может войти разумная и обязательная мысль каждого человека, именно: как мне надо жить? Вопрос разумного человека, ответ на который есть только в религии. У них же отверстие это заткнуто «научными» глубокомысленными, т. е. глупыми соображениями о том, «как развивается общество людей», законы и т. п. научные соображения. И выходит *circle vicieux*: эти соображения скрывают от них необходимость религии, и они же (эти соображения) отвечают — очень глупо, но все-таки отвечают — на вопросы религиозные о том, как жить, которые хочешь не хочешь стоят перед всяким человеком. Грустно по отношению всех сыновей. Но надо не грустить, а стараться помочь им. Вчера с Булыгиным приехал для свидания Загрязский. Кажется, вопросы искренни.

2 сентября 1909. Как ни странно это сказать: знание Бога дается только любовью. Любовь есть единственный орган познания Его.

4 сентября 1909. 2) Дни два назад ночью было одиноко и никак не мог восстановить в себе живое сознание Бога. И было очень тяжело.

8 сентября 1909. 3) Живо почувствовал, что я слуга Бога. И такую радость, уверенность, спокойствие — даже гордость почувствовал, и так живо почувствовал этот несчастный самообман людей, которые лезут — я сам лез туда же когда-то — лезут в слуги властителей земных и чем выше поднимаются в этом служении, тем ниже спускаются в служении Богу.

24 сентября 1909. Писал письмо индусу и получил приятное письмо от индуса из Трансвааля.

27 сентября 1909. 2) В обществе людей, живущих духовной жизнью, во главе их, влияя на них, естественно станет человек высший по нравственным качествам. В обществе же людей, живущих одной телесной, мирской жизнью, неизбежно всегда во главе их с властью над ними станет человек самый низкий по нравственным свойствам.

14 октября 1909. 3) Есть искусства двойные: музыка, драма, отчасти живопись, в которых мысль — задача искусства — и исполнение разделяются: в музыке композиция и исполнение, также и в драме — сочинение пьесы и исполнение, отчасти и в живописи, вообще в пластическом искусстве, замысел и исполнение, и уже вполне — иллюстрация. И в этих двойных искусствах чаще всего встречается фальшивое искусство: ложная, пустая мысль и прекрасное исполнение музыкантами, или актерами, или живописцами. Особенно в драме и музыке. Есть драматурги (Андреев принадлежит к ним) и композиторы, которые, не заботясь о содержании, о значительности, новизне, правдивости драмы, музыкального сочинения, рассчитывают на исполнение и к удобству, эффектам исполнения подгоняют свои произведения.

19 октября 1909. Дома к обеду Звезинцева. Старался или не говорить или говорить серьезно и добро. Не совсем хорошо, но лучше, чем прежде. То же и с Андреем и его женой. Но упрекаю себя в том, что не скажу им прямо то, что думаю об их жизни. С Звезинцевой говорил о молитве в церкви, о тексте VI Матфея и неприложимости к молитве текста XVIII, 20. — Вообще как вредно приписыванье значения текстам.

Марья Александровна приехала. Какая серьезная в ней идет работа! Читал Русскую Мысль: Конь Белый, Березка и стихи. Без преувеличения: дом сумашедших, а я дорожу мнением этих читателей и писателей. Стыдно, Лев Николаевич.

21 октября 1909. 2) Я, как отдельное существо, — иллюзия. Я только один, бесконечно малый орган бесконечно великого, недоступного мне Всего. Мое дело служить этому Всему, как служит каждая клетка, частица всему телу. Вообразить себе, что я отдельное, независимое существо, верх безумия. Я только орган. Нет никакого я; есть только обязанности органа служения Всему и возможность радостного сознания этого служения. Служение же возможно только тогда, когда орган в единении со Всем. Единение со Всем дается любовью. Так что любовь не есть цель Всего (Бог не есть любовь), а только условие, при котором орган, то, что мне представляется как «я», соединяется со Всем. Цель же Всего не доступна мне, хотя я и знаю, что служу ей. (Неясно, но мне радостно, понятно.)

22 октября. Теперь 12-й час. Видел прекрасный сон о том, как я горячо говорил о Генри Жорже.

4 ноября 1909. 3) Часто в письмах спрашивают у меня: хорошо ли, нужно ли жениться, выходить замуж. Думаю, что такой ответ ясно выразит то, что я думаю и чувствую по этому вопросу: Всегда лучше воздержаться, если можешь, — уничтожить в себе пол, если можешь, т. е. быть ни мужчиной, ни женщиной, а человеком. Это первое. Если же не в силах и не можешь видеть мужчину в женщинах — сестер, а женщина в мужчинах — братьев, если половое чувство нарушает главное дело жизни — братское, равно духовное, любовное отношение ко всем людям, то женись, сойдясь неразрывно, на всю жизнь с одним или одною, разумеется, стараясь найти в том или той, с кем сходишься, наибольшее согласие с своим непониманием, и вступая в такое половое общение, знай, что ты этим общением берешь на себя обязательство растить и воспитывать детей, — естественное, оправдывающее последствие брака.

3 декабря 1909. 1) Чтобы быть художником слова, надо, чтоб было свойственно высоко подниматься душою и низко падать. Тогда все

промежуточные ступени известны, и он может жить в воображении, жить жизнью людей, стоящих на разных ступенях.

4) Я не хочу быть христианином, как не советовал и не хотел бы, чтобы были браменисты, буддисты, конфуцианцы, таосисты, магометане и другие. Мы все должны найти, каждый в своей вере, то, что обще всем, и, отказавшись от исключительного своего, держаться того, что обще.

8 декабря 1909. В первый раз, чуя близость смерти (спасибо за это), почувствовал возможность и великую радость жизни, свободной от своего «я», а всю посвященную на служение. Можно так жить, и как бы хорошо для других, а главное, для себя. Очень, очень хорошо на душе. Не могу достаточно ясно выразить и достаточно радоваться тому новому, испытанному мною чувству — уже не рассуждение, а чувство, что я работник, только работник Того, кем я живу. Что меня нет, как «я», как Лев Николаевич, есть только работник, и все интересы мои только Его дело. И это дело может быть то, чтоб пахать и сеять землю, чтоб кормить людей, и чтобы растить детей, и чтоб уяснить сознание. Можно бы возразить, сказать: а как же свое совершенствование?

Свое совершенствование не исключается этим пониманием себя — совершенствуюсь не для себя, а только для того, чтобы быть хорошим для Него работником.

Том 58

1910 г.

5 января 1910. Рано проснулся. Ходил по саду. Все тяжелее и тяжелее становится видеть рабов, работающих на нашу семью. Старался помнить молитву при общении с людьми. Приехали милые Николаев и Абрикосов, и я очень рад им. Поговорил с Николаевым. Абрикосов полон

духовной жизни. Получил много писем. Писал ответы Шмиту и Магометанину из Самары. Больше ничего не делал. Все грустно. Игу обедать. Вечером читал Сон всему обществу. Много возражений. Но я думаю, что хорошо. Винт, и все грустно и стыдно.

6 января 1910. Много писем, мало интересных. Приехал кинематограф. Немного поправил Сон и Бедноту и решил послать Черткову, как есть. Вообще надо перестать и писать и заботиться о писанном. Вчера был Еврей, требовавший изложение, сжатое смысла жизни. Все, что я ему говорил — не то, все это субъективно, нужно объективно, на основании «эволюции». Удивительна глупость, тупоумие, вкусивших учености. Ничего не записал. Все так же, еще больше, чем вчера, стыдно и грустно. Вечером скучный кинематограф. Винт.

7 января 1910. Душевное состояние немного лучше. Нет беспомощной тоски, есть только не перестающий стыд перед народом. Неужели так и кончу жизнь в этом постыдном состоянии? Господи, помоги мне, знаю, чтт во мне; во мне и помоги мне...

- 1) Особенно ясно почувствовал то, что знал давно: то, что каждый сознает свое «я» так же, как я свое. Это кажется очень просто, а для меня это было и очень ново, и особенно, необыкновенно важно. Только бы всегда помнить об этом. Если только помнить, то конец всякому осуждению, не говорю уж, неприятному сругому, поступку.
- 2) Это важно, главное потому, что если хоть не сознаешь, но живо воображаешь другое «я», как свое, то сознаешь и то, что всякое сругое «я» самое коренное «я», есть не только такое же, как мое, но оно одно и тоже.
- 3) Важно такое сознание чужого я, как своего, для блага человека, потому что, признавая чужое «я» таким же, как свое, можешь делать благо не только одному своему «я», но и всем сругим.
- 4) Любовь есть ничто иное, как только признание сругих я — собою.

13 января 1910. 1) Не анархизм то учение, которым я живу. А исполнение вечного закона, не допускающего насилия и участия в нем. Последствия же будут или анархизм, или, напротив, рабство под игом японца или немца? Этого я не знаю и не хочу знать.

16 января 1910. Проснулся бодро и решил ехать в Тулу на суд. Прочел письма и немного ответил. И поехал. Сначала суд крестьян, адвокаты, судьи, солдаты, свидетели. Все очень ново для меня. Потом суд над политическим. Обвинение за то, что он читал и распространял самоотверженно более справедливые и здравые мысли об устройстве жизни, чем то, которое существует. Очень жалко его. Народ собрался меня смотреть, но, слава Бога, немного. Присяга взволновала меня. Чуть удержался, чтобы не сказать, что это насмешка над Христом. Сердце сжалось и от того промолчал. Дорогой с Душаном хорошо говорили о Масарике. Вечером отдохнул и не могу удержаться от радости по поводу выхода в Одессе Круга Чтения. Теперь 9 часов. — Записать нечего.

13 февраля 1910. 1) Засыпая, я теряю сознание бдящего себя; умирая, я теряю сознание живущего этой жизнью себя; но как при засыпании не уничтожается то, чтт сознает, так и при смерти. Чтт оно такое, это сознающее, — не знаю и не могу знать.

Приходит в голову: Ну, хорошо, моя душа, это то, чтт сознает, не умрет, а где-то когда-то опять (все временные и пространственные понятия) проявится. Но не помня того, чтт был прежний «я», это уже не я. Сознание мое со смертью уничтожилось. Чтобы ни было после смерти «я», того начала, которое составляет мое «я», меня уже нет; не будет и не может быть. Но если это так, то приходит вопрос: чтт же такое это мое я, появившееся вдруг при рождении. Чтт такое это я? Отчего это я — я? И как же может это я, так непонятно вне времени появившееся, не исчезнуть так же непонятно вне времени. Хорошо, я умру. Но почему всякая жизнь после моей смерти не будет моя жизнь?

1 марта 1910. Проснулся бодро. Кое что записал. Не успею вписать теперь. Погулял. Письма интересные, отвечал добросовестно. Слава Богу, все чаще помню, что жизнь только перед Богом, и о смерти. Плохо поправлял О телогождении. Ездил с Душаном в Подъиванькову. Боюсь, что простудился. Соня нездорова. Вернулся поздно, не успел заснуть. Иду обедать. Одно помню записать.

1) Пора проснуться, т. е. умереть. Чувствую уже изредка пробуждение и грузую, более действительную действительность.

5 марта 1910. ... Еще письмо от Досева.

17 марта 1910. 1) Если бы человек ничего бы ни знал о жизни людей нашего христианского мира, и ему бы сказали: Вот есть такие люди, которые устроили себе такую жизнь, что самая большая часть их, 0,99 или около того, живет в непрестанной телесной работе и тяжелой нужде, а другая часть, 0,01 живет в праздности и роскоши; что, если эта одна сотая имеет свою религию, науку, искусство, каковы должны быть эти религия, наука, искусство? Думаю, что ответ может быть только один: извращенные, плохие и религия, и наука, и искусство.

5) Жизнь для мужика, это прежде всего труд, дающий возможность продолжать жизнь не только самому, но и семье и другим людям. Жизнь для интеллигента, это усвоение тех знаний или искусств, которые считают в их среде важными, и посредством этих знаний пользоваться трудами мужика. Какже может не быть разумным понимание жизни и вопросов ее мужиком, и не быть безумным понимание жизни интеллигентом.

6) Бог — Творец, Бог Брама, Вишну, Сива, Бог Юпитер, Бог — Христос и т. п. Все это так нелепо, что мы смело отвергаем, не можем не отвергать эти нелепые представления. А не думаем о том, что понятие Бога, духовного начала всего, есть такое великое и необходимое понятие, до которого мы одни никогда не додумались бы, если бы оно не было открываемо людям постепенно усилиями мысли величайших мудрецов мира. Это огромный шаг человечества, а мы воображаем, что

имея радиі, аэропланы, электричество, можем обойтись без него. Да, можем, но только как животные, а не как люди, как мы и живем теперь в наших Ньюиорках, Лондонах, Парижах с 30 этажными домами.

26 марта 1910. 1) То, что спасение человечества возможно только через неучастие в насилии. Не платить податей даже нельзя. Придут и отберут, но не быть насильником всегда можно. Это не моя мысль, а Булыгина.

27 марта 1910. 8) Удовольствие для тела, для души — благо. Удовольствие и благо редко сходятся.

1 апреля 1910. Вчера приехал Димочка, рассказывал мне повесть Семенова, очень хорошо. Я взял Семенова и читал весь вечер. Очень хорошо.

5 апреля 1910. 1) Как хорошо помнить свое ничтожество: человека перед миллиардами людей, животного среди миллиарда миллиардов животных, своего обиталища земли-песчинки, в сравнении с Сириусом и др., и свое время жизни в сравнении с миллиардом миллиардов веков. Один смысл: ты — работник. Урок заданный написан в твоём разуме и сердце и выражен ясно и понятно лучшими из таких же существ, как ты. Награда за исполнение урока сейчас же опять в тебе верная. Но какое значение имеет твой урок и исполнение его — не дано знать тебе, да и не зачем. Тебе и так хорошо. Чего еще желать тебе?

7 апреля 1910. Жить только для того, чтобы исполнять не свою, а Его волю. Какая свобода! И я начинаю испытывать ее. Как же не быть благодарным и за рождение, и за жизнь, и за смерть?

10 апреля 1910. 1) Если сердиться на людей, то подумай, не от того ли, что сам плох. Если сердиться на животных, то все вероятнее за то, что плохота в тебе. Если же сердиться на вещи, то знай, что все в тебе и надо взять себя в руки.

3) Какой большой грех я сделал, отдав детям состояние. Всем повредил, даже дочерям. Ясно вижу это теперь.

11 апреля 1910. 2) Нас приучили понимать под религией точное, определенное представление о Боге и Его законе, и от этого нам кажется, что признание непонятного, но несомненного Бога и Его требований, написанных не в книгах, а в наших сердцах, не удовлетворяет нас. А между тем только в этом непонятном Боге и в требованиях Его, написанных в наших сердцах и есть религия, одна истинная религия.

12 апреля 1910. Не обедал. Мучительная тоска от сознания мерзости своей жизни среди работающих для того, чтобы еле еле избавиться от холодной, голодной смерти, избавиться себя и семью. Вчера жрут 15 человек блины, человек 5, 6, семейных людей бегают, еле поспевая готовить, разносить жранье. Мучительно стыдно, ужасно. Вчера проехал мимо бьющих камень, точно меня сквозь строй прогнали. Да, тяжела, мучительна нужда и зависть, и зло на богатых, но не знаю не мучительней ли стыд моей жизни.

14 апреля 1910. Читал свои книги. Не нужно мне писать больше. Кажется, что в этом отношении я сделал, что мог. А хочется, страшно хочется.

16 апреля 1910. 1) Не помню кто, Досев или киевский студент, уговаривали меня бросить свою барскую жизнь, которую я веду, по их мнению, потому что не могу расстаться с сладкими кушаньями, катаниями на лошади и т. п. — Это хорошо. Юродство.

2) Как не быть самоубийствам при том извращении веры и нелепости науки. От веры в науку; из огня в полымя.

19 апреля 1910. Нынче утром приехали два Японца. Дикие люди в умилении восторга перед европейской цивилизацией. Зато от Индуса и книга и

письмо, выражающая понимание всех недостатков европейской цивилизации, даже всей негодности ее.

20 апреля 1910. 3) Огромное большинство живет одной животной жизнью; в вопросах же человеческих слепо подчиняется общественному мнению.

28 апреля 1910. На душе невесело. Хочется одиночества, с людьми тяжело.

29 апреля 1910. 1) Мы молимся словами. — А общение с Ним, Богом возможно не словами, а только любовью.

2) Сознание пробуждает от сна. Также только сознание — кто я? — пробуждает от ложной телесной жизни. Душа, это сознание. Кажется, как малт сознание. Жизнь так сложна, ощутительна, а сознание такое что то небольшое, так мало заметное. Маленькое, мало заметное, а оно Все.

6 мая 1910. И материалисты совершенно правы, если, говоря о животной жизни, сводят ее к борьбе за существование и привычке. Но если говорить о человеческой жизни, то надо объяснить главное свойство ее — усилие. Что такое с материалистической точки зрения усилие?

7 мая 1910. Большая радость: приехал Чертков.

10 мая 1910. 1) Чем больше живу, тем меньше понимаю мир вещественный и напротив, тем все больше и больше сознаю то, чего нельзя понимать, а можно только сознавать.

2) Спасение от бедственности нашей жизни одно, и только одно: признание полного безумия нашей жизни и полное отречение от нее.

3) Христианский идеал нашего времени есть полное целомудрие.

Признание брака чем то священным, даже хорошим, есть отречение от идеала. Христианское посвящение, если допустить религиозный акт

посвящения, может быть только одно: посвящение себя полному целомудрию, а никак не разрешенному половому общению, и обет может быть не верности супругов, а для обоих только один: целомудрия, включающего в себя верность одному.

4) Не может не быть самоубийств, когда людям не на что опереться, когда они не знают: кто они и зачем они живут, и уверены при этом, что этого и знать нельзя.

6) Очень важное: Как понятие творения засело в головы людей, требуя ответов на вопрос: как во времени произошел мир? творение мира, (Дарвин), так другой такой же вопрос о происхождении зла (грех Адама, наследственность). А и то и другое — грубое суеверие. Мир не происходит, а есмь я, и зла нет, а опять таки есмь я.

11 мая 1910. 1) Суеверие зла. Зла нет. Жизнь благо. Зло — отсутствие блага — только признак заблуждения, ошибки. Время только затем и существует, чтобы мы могли видеть свои ошибки и исправлять их, иметь радость (высшее благо) исправлять свои ошибки. Если же мы не исправляем свои ошибки, то они исправляются помимо нашей воли смертью.

12 мая 1910. 1) Как легко усваивается то, что называется цивилизацией, настоящей цивилизацией и отдельными людьми, и народами! Пройти университет, отчистить ногти, воспользоваться услугами портного и парикмахера, съездить за границу, и готов самый цивилизованный человек. А для народов: побольше железных дорог, академий, фабрик, дредноутов, крепостей, газет, книг, партий, парламентов — и готов самый цивилизованный народ. От этого то и хватаются люди за цивилизацию, а не за просвещение — и отдельные люди, и народы. Первое легко, не требует усилия и вызывает одобрение; второе же, напротив, требует напряженного усилия и не только не вызывает одобрения, но всегда презираемо, ненавидимо большинством, потому что обличает ложь цивилизации.

13 мая 1910. 1) Только сказать про то, что большинство людей, как милости, ждут работы, чтобы ясно было, как ужасна наша жизнь и по безнравственности и по глупости, и по опасности, и по бедственности. 4) Что зло есть суеверие, яснее всего видно из того, что смерть считается злом. Для меня — я знаю, что не зло.

14 мая 1910. 1) Как бы хорошо быть в состоянии искренно ответить на вопрос: Как твое здоровье? — Не знаю, это меня не касается.

18 мая 1910. 1) Религиозная истина: сознание в себе невидимого начала дающего жизнь всему и стремление к удовлетворению требований этого начала, познаваемых и каждым из людей, и некоторыми наиболее чуткими к этому сознанию, людьми. И везде одно и то же: выражение этого высшего начала соединяет людей, соединенные люди, под влиянием похотей — страстей, извращают понимание этого начала и его требований, и соединение одних людей служит основанием и причиной отступления от сознанных требований.

22 мая 1910. II) Все дело ведь очень просто. Завоеватели, убийцы, грабители подчинили рабочих. Имея власть раздавать их труд, они для распространения, удержания и укрепления своей власти призывают из покоренных себе помощников в грабеже и за это дают им долю грабежа. То, что делалось просто, явно в старину, — ложно, скрытно делается теперь. Всегда из покоренных находят люди, не гнушающиеся участием в грабеже, часто, особенно теперь, не понимая того, что они делают, и за выгоды участвуют в порабощении своих братьев. Это совершается теперь от палача, солдата, жандарма, тюремщика, го сенатора, министра, банкира, члена парламента, профессора, архиерея, и, очевидно, никаким другим способом не может окончиться, как только, во-первых, пониманием этого обмана, а во-вторых, настолько высоким нравственным развитием, чтобы отказаться от своих выгод, только бы не участвовать в порабощении, страданиях ближних.

5 июня 1910. 1) Человеку говорят, чтобы он работал, а он говорит: я не хочу. А если вы говорите, что все должны работать, так пусть все эти богачи, которые ничего не делают, покажут мне пример. Они станут работать, и я стану, а без них не хочу.

14 июня 1910. 4) О том, что будет после смерти, нам не дано знать; о том же, что уже есть благо, мы можем знать и знаем.

5) Как естественно, что просвещенные люди закрывают все тело, особенно женщины, оставляя открытым только то, на чем печать духовности — лицо. Оголение тела теперь признак падения. Должно бы быть и у мужчин.

6) В очень сильном, задушевном молитвенном настроении, хочется молиться. И пытаюсь молиться: помоги мне быть с Тобой, исполнить дело Твое, победить все дурное в себе. И все, что я ни думаю, все не то, все не нужно и сознаю, что просить не о чем, что все, чего я могу просить, все дано мне, все есть у меня. Могу одно: благодарить.

7) Соединять может только понимание того, что соединяет только одна религия — одно понимание жизни. Но религии такой нет — как церкви или Бехаисты, а только стремление к такой единой религии. Мешает единению, во 1-х, непонимание того, что в этом цель, а во-вторых, и главное, — понимание этого, но с предположением, что эта религия найдена, что она католицизм, Бехаизм...

Истинная религия есть прежде всего искание религии.

8) Встретил Эстонца приказчика, деловитого, трезвого, красивого человека, и в первый раз ясно понял значение «России» — Орда, заграбившая хороших, нравственно и умственно стоящих выше орды наций и теперь гордящаяся этим и всеми силами удерживающая покоренных. Как ни отвратительно самое дело, еще более отвратительно оправдание его, величаемое патриотизмом.

15 июня 1910. Думать, что можно жить безошибочно, безгрешно — большое и вредное заблуждение.

19 июня 1910. 1) Ужасно не единичное, бессвязное, личное, глупое безумие, а безумие общее, организованное, общественное, умное безумие нашего мира.

21 июня 1910. 1) Нам дано одно, но зато неотъемлимое благо любви. Только любви, и все радость: и небо, и деревья и люди, и даже сам. А мы ищем блага во всем, только не в любви. А это искание его в богатстве, власти, славе, исключительной любви — все это, мало того, что это не дает блага, но наверное лишает его.

22 июня 1910. Ездил с Чертковым в Лебучане. Там ходил на фабрику — проявление безумия.

28 июня 1910. Приятные разговоры с рабочими. У Сережи бездна народа и скучно, тяжело. Ходил к сгрячку и говорил с бабами. Как мы можем жить среди этой ужасной, напряженной нужды?

11 июля 1910. 3) Я не ожидал того, что, когда тебя ударят по одной, и ты подставишь другую, что бьющий опомнится, перестанет бить, и поймет значение твоего поступка. Нет, он напротив того, и подумает, и скажет: вот как хорошо, что я побил его. Теперь уж по его терпению ясно, что он чувствует свою вину и все мое превосходство перед ним. Но знаю, что несмотря на это, всетаки лучшее для себя и для всех, что ты можешь сделать, когда тебя бьют по одной щеке — это то, чтобы подставить другую. В этом «радость совершенная». Только исполни. И тогда за то, что кажется горем, можно только благодарить.

11 июля 1910. Жив еле еле. Ужасная ночь. До 4 часов. И ужаснее всего было Лев Львович. Он меня ругал, как мальчишку и приказывал идти в сад за Софьей Андреевной... Не могу спокойно видеть Льва. Еще плох я. Соня, бедная, успокоилась. Жестокая и тяжелая болезнь. Помози, Господи, с любовью нести.

16 июля 1910. 1) Мы живем безумной жизнью, знаем в глубине души, что живем безумно, но продолжаем по привычке, по инерции жить ею, или не хотим, или не можем, или то и другое, изменить ее.

18 июля 1910. Софья Андреевна опять взволнована. «Я изменил ей и оттого скрываю дневники». И потом жалеет, что мучает меня. Неукротимая ненависть к Черткову.

20 июля 1910 3) Вера, то чему верят, есть нечто иное, как суеверие. Люди предпочитают веру сознанию, потому что вера тверже и легче, также тверда и легка, как следование обычаю, и легко переходить в привычку, но сама вера всегда не тверда, шатка и не вызывает движения духовной жизни. Она всегда неподвижна и загорна, вызывает желание обращения других, как и не может быть иначе, так как основывается на общественном мнении, а чем больше людей разделяет веру, тем она тверже. Вера есть дело мирское, удобное условие для телесной жизни. Сознание Бога — дело души, неизбежное условие разумной, хорошей жизни. Вера всегда stationaire, сознание всегда движется. Для «верующих» движение жизни совершается в области телесной, для сознающих в области духовной.

21 июля 1910. 2) Наука — это богдельня, или скорее поприще успеха среди толпы, открытое для всех самых умственно и нравственно тупых людей. Занимаясь наукой, он может не сознавать того, что он делает, считая букашечки или перечисляя книги и, выписывая из них, что подходит под избранную тему, может или ничего не думать, или выдумывать в том безжизненном, никому ни на что не нужном, соображении какую нибудь теорию и быть вполне уверенным, что он делает самое важное на свете дело.

26 июля 1910. 1) Есть один вечный, человеческий закон любви, а суеверы науки, исследуя зверей, нашли закон борьбы и приложили его к человеческой жизни. Какое безумие!

27 июля 1910. 5) Мы не признаем закон любви, свойственный человеку, открытый нам всеми величайшими мудрецами мира и признаваемый нами в нашей душе, потому что мы не видим его на вещественных явлениях мира, а видим, видим в вещественном мире закон борьбы, свойственный животным и потому признаем закон борьбы, приписывая его человеку. Какое ужасное и грубое заблуждение! А оно то считается мирозерцанием, свойственным самым просвещенным людям.

5 августа 1910. 9) Жизнь вся эгоистическая есть жизнь неразумная, животная. Такова жизнь детей и животных, не плодящихся. Но жизнь вся эгоистическая для человека взрослого, обладающего разумом, есть противоестественное состояние — сумасшествие. Таково положение многих женщин, живших с детства законно эгоистической жизнью, потом эгоизм семейной животной любовью, потом эгоистической супружеской любовью, потом материнством и потом лишившись семейной, внеэгоистической жизни: детей, остаются с рассудком, но без любви всеобщей, в положении животного. Положение это ужасно и очень обыкновенно.

7 августа 1910. 1) Редко встречал человека более меня одаренного всеми пороками: сластолюбием, корыстолюбием, злостью, тщеславием и, главное, себялюбием. Благодарю Бога за то, что я знаю это, видел и вижу в себе всю эту мерзость и все таки борюсь с ней. Этим и объясняется успех моих писаний.

2) И одурение это особенно сильно и неизлечимо потому, что люди не видят, не хотят, не могут видеть его. А не хотят, не могут видеть, потому что вполне довольны собой, своим положением. Мы в эволюции, в прогрессе. У нас аэропланы, у нас подводные лодки.... Чего же еще? Вот дай срок, и все будет прекрасно. И в самом деле, нельзя не восхищаться немнящим людям аэропланами и т. п...

К чему нибудь, да появились они. А появились они, потому что 0,99 рабов делают то, что велят 0,01 и, правда, что делаются чудеса. И люди верят, что чудеса эти нужны, и потому не могут, не хотят

изменять жизнь, производящую эти чудеса. Чудеса поддерживают дурную жизнь. Дурная жизнь производит чудеса. Разве можно улучшить жизнь, продолжая жить дурно. Одно нужно: поставить на первое место нравственные требования, а поставь на первое место нравственные требования, и тотчас же уничтожатся аэропланы и....

13 августа 1910. Была бывшая барыня, фельдшерница. Все тоже служение людям и половая любовь. Как хорошо бы развенчать хорошенько эту любовь. Показать суеверие этой любви.

15 августа 1910. 2) Вместо того, чтобы учиться жить любовной жизнью, люди учатся летать. Летают очень скверно, но перестают учиться жизни любовной, только бы выучиться кое как летать. Это все равно, как если бы птицы перестали летать, и учились бы бегать или строить велосипеды и ездить на них.

24 августа 1910. 10) Прежде правительство с помощью одной церкви обманывало народ, чтобы властвовать над ним, теперь тоже правительство понемногу подготавливает для этого дела и науку, и наука очень охотно и усердно берется за это дело.

1 сентября 1910. 1) Люди, одаренные разумом и сознанием божественного начала в себе, соединяющего их, вместо того, чтобы развивать в себе это начало, хотя бы передвигаться быстрее лошадей, оленей, летать, как птицы, и заглушают в себе то, что дано им для их блага, и стараются развить в себе то, что не дано и не нужно им. Удивительно!

4 сентября 1910. 4) Я умер — мой дух перестал жить в моем теле, но тот же мой истинный я, мой дух живет и будет продолжать жить в других существах, понимавших и понимающих меня. — «Но это уже не твой будет дух», говорят на это. «То то и хорошо, что к этому тому, что останется жить после меня не будет примешана личность —

отвечая я. Личность есть то, что мешает слиянию моей души со Всем. А после смерти останется мой дух, но не будет личности».

11 сентября 1910. Душан удивителен своей ненавистью Евреев, вместе с признанием основ любви.

15 сентября 1910. 1) Да, сначала кажется, что мир движется во времени и я иду вместе с ним, но чем дальше живешь и чем больше духовной жизнью, тем яснее становится, что мир движется, а ты стоишь. Иногда ясно сознаешь, иногда опять впадаешь в заблуждение, что ты движешься со временем. Когда же понимаешь свою неподвижность — независимость от времени, понимаешь и то, что не только мир движется, а ты стоишь, но с миром вместе движется твое тело: ты седеешь, беззубеешь, слабеешь, болеешь, но это все делается с твоим телом, с тем, что не ты. А ты все тот же — один и тот же всегда: 8-летний и 82-летний. И чем больше сознаешь это, тем больше сама собой переносится жизнь вне себя, в души других людей.

6) Материнство для женщины не есть высшее призвание.

9) Вместо того, чтобы те, на кого работают, были благодарны тем, кто работают — благодарны те, кто работают тем, кто их заставляет на себя работать. Что за безумие!

10) Не могу привыкнуть смотреть на ее слова, как на бред. От этого вся моя беда.

Нельзя говорить с ней, потому что для нее не обязательна ни логика, ни правда, ни сказанные ею же слова, ни совесть — это ужасно.

11) Не говоря уже о любви ко мне, которой нет и следа, ей не нужна и моя любовь к ней, ей нужно одно: чтобы люди думали, что я люблю ее. Вот это то и ужасно.

13) Прогресс ни для отдельного человека, ни для рода человеческого не имеет никакого значения, потому что происходит во времени, которое бесконечно. Прогресс во времени есть только необходимое условие возможности сознания блага, совершенствования.

24 сентября 1910. 2) Знание и наука разница. Знание — все, наука — часть. Также, как разница между религией и церковью.

29 сентября 1910. 1) Если есть какой-нибудь Бог, то только тот, которого я знаю в себе, как самого себя, а также и во всем живом. Говорят: нет материи, вещества. Нет, она есть, но она только то, посредством чего Бог не есть ничто, не есть не живой, но живой Бог, посредством чего Он живет во мне и во всем. Зачем, это я не знаю, но знаю что это есть.

Надо помнить, что моя душа не есть что то — как говорят — божественное, а есть сам Бог. Как только я Бог, сознаю себя, так нет ни зла, ни смерти, ничего, кроме радости.

2) Сейчас в дурном духе: все нехорошо, все мучает, все не так, как бы мне хотелось. И вот вспоминаю, что жизнь моя только в том, чтобы освободиться от того, что скрывает мне меня, и тотчас же все переставливается. Все, что мучало представляется пустяками, не стоящими внимания, тоже, в чем жизнь и что дает ей радости, сейчас передо мной. Только бери. И вместо досады спокойное обращение на себя и то, что мучало становится материалом переработки. А переработка эта всегда возможна и всегда дает лучшую радость жизни.

3) Какой ужасный умственный яд современная литература, особенно для молодых людей из народа. Во 1-ых, они набивают себе память неясной, самоуверенной, пустой болтовней тех писателей, которые пишут для современности. Главная особенность и вред этой болтовни в том, что вся она состоит из намеков, цитат самых разнообразных, самых новых и самых древних писателей. Цитируют словечки из Платона, Гегеля, Дарвина, о которых пишущие не имеют ни малейшего понятия, и рядом словечки какого-нибудь Горького, Андреева, Арцыбашева и других, о которых не стоит иметь какого-нибудь понятия; во-вторых, вредна эта болтовня тем, что, наполняя головы, — не оставляет в них места, ни досуга для того, чтобы познакомиться с старыми, выдержавшими проверку, не только десяти, ста, тысячи лет писателями.

2 октября 1910. Встал больно́й. Походил. Северный, неприятный ветер. Ничего не записал, но ночью очень хорошо, ясно думал о том, как могло бы быть хорошо художественное изображение всей пошлости жизни богатых и чиновничьих классов и крестьянских рабочих, и среди тех и других, хоть по одному духовно живому человеку. Можно бы женщину и мужчину. О, как хорошо могло бы быть. И как это влечет меня к себе.

1) Бог дышит нашими жизнями и всей жизнью мира. Он и я одно и то же. Как только понял это, так и стал Богом.

3) Бог дышит нами и блажен. Главное свойство Его есть благо. Он понимаем нами, как благо. Мы ищем блага — вся жизнь наша в этом искании, и потому хотим ли мы этого или не хотим, вся жизнь наша — в искании Бога.

7 октября 1910. 1) Религия есть такое установление своего отношения к миру, из которого вытекает руководство всех поступков. Обыкновенно люди устанавливают свое отношение к началу всего — Богу, и этому Богу приписывают свои свойства: наказания, награды, желание быть почитаемым, любовь, которая, в сущности, свойство только человеческое, не говорю уже о нелепых легендах, в которых бога описывают, как человека. Забывают то, что мы можем признать, скорее не можем не признать, начало всего, но составить себе какое-нибудь понятие об этом начале, никак не можем. Мы же придумываем своего человеческого Бога и за панибрата обращаемся с ним, приписывая ему наши свойства. Это панибратство, это умаление бога более всего извращает религиозное понимание людей и большей частью лишает людей, какой бы то ни было религии — руководства поступков. Для установления такой религии лучше всего оставить бога в покое, не приписывать ему не только творения рая, ада, гнева, желания искупить грехи и т. п. глупости, но не приписывать ему воли, желаний, любви даже.

9 октября 1910. 1) Тело? Зачем тело? Зачем пространство, время, причинность? Но ведь вопрос: зачем? есть вопрос причинности. И тайна, зачем тело, остается тайной.

2) Спрашивать надо: не зачем я живу, а что мне делать.

10 октября 1910. 3) Когда революционеры достигают власти, они неизбежно должны поступать так же, как поступают все властвующие, т. е. совершать насилия, т. е. делать то, без чего нет и не может быть власти.

19 октября 1910. 2) Жить перед Богом, не значит жить перед каким то Богом на небе, а значит, вызвать в себе Бога и жить перед ним.

22 октября 1910. В письме Досеву много правды, но не вся. Есть и слабость. Даже для писания Дневника нет охоты. Николаева книга прекрасная.

23 октября 1910. Письмо к Досеву для меня больше всего программа, от исполнения которой я так далек еще.

От Гусева письмо его о Достоевском, как раз то же, что я чувствую.

26 октября 1910. Мне очень тяжело в этом доме сумашедших.

Дневник для одного себя.

1910, 29 июля. [Ясная поляна.] Начинаю новый дневник, настоящий дневник для одного себя. Нынче записать надо одно: то, что если подозрения некоторых грузей моих справедливы, то теперь начата попытка достичь цели лаской. Вот уже несколько дней она целует мне руку, чего прежде никогда не было, и нет сцен и отчаяния. Прости меня Бог и добрые люди, если я ошибаюсь. Мне же легко ошибаться в добрую, любовную сторону. Я совершенно искренно могу любить ее, чего не могу по отношению к Льву. Андрей просто один из тех, про которых трудно

думать, что в них душа Божия (но она есть, помни). Буду стараться не раздражаться и стоять на своем, главное, молчанием. Нельзя же лишить миллионы людей, может быть, нужного им для души. Повторяю: «может быть». Но даже если есть только самая малая вероятность, что написанное мною нужно душам людей, то нельзя лишить их этой духовной пищи для того, чтобы Андрей мог пить и развратничать и Лев мазать и... Ну да Бог с ними. Делай свое и не осуждай.. Утро.

30 июля. Чертков вовлек меня в борьбу, и борьба эта очень и тяжела, и противна мне. Буду стараться любя (страшно сказать, так я далек от этого), вести ее.

В теперешнем положении моем, едва ли не главное нужное — это неделание, не говорение. Сегодня живо понял, что мне нужно только не портить своего положения и живо помнить, что мне ничего, ничего не нужно.

5 августа. Немножко светлее думал. Совестно, стыдно, комично и грустно мое воздержание от общения с Чертковым. Вчера утром была очень жалка, без злобы. Я всегда так рад этому — мне так легко жалеть и любить ее, когда она страдает, а не заставляет страдать других.

18 августа. Софья Андреевна, узнав о разрешении Черткову жить в Телятинках, пришла в болезненное состояние. «Я его убью». Я просил не говорить и молчал. И это, кажется, подействовало хорошо. Что-то будет. Помози мне, Бог, быть с Тобою и делать то, что Ты хочешь. А что будет, не мое дело. Часто, нет, не часто, но иногда бываю в таком душевном состоянии, и тогда как хорошо!

20 августа. Хорошо говорил с сторожем. Нехорошо, что рассказал о своем положении. Ездил верхом, и вид этого царства господского так мучает меня, что подумываю о том, чтобы убежать, скрыться.

Нынче гумал, вспоминая свою женитьбу, что это было что то роковое. Я никогда даже не был влюблен. А не мог не жениться.

24 сентября. Потерял маленький дневник. Пишу здесь. Начало дня было спокойно. Но за завтраком начался разговор о Детской Мудрости, что Чертков коллекционер, собрал. Куда он денет рукописи после моей смерти? Я немного горячо попросил оставить меня в покое. Казалось ничего. Но после обеда начались упреки, что я кричал на нее, что мне бы надо пожалеть ее. Я молчал. Она ушла к себе, и теперь 11-й час, она не выходит и мне тяжело. От Черткова письмо с упреками и обличениями. Они разрывают меня на части. Иногда думается: уйти ото всех. — Оказывается, она спала и вышла спокойная. Я лег после 12-ти.

26 сентября. Опять сцены из-за того, что я повесил портреты, как были. Я начал говорить, что не возможно так жить. И она поняла. Душан говорил, что она стреляла из детского пистолета, чтобы испугать меня. Я не испугался и не ходил к ней. И действительно лучше. Но очень, очень трудно. Помози Господи.

31 октября. Прориктовано А. Л. Толстой. Бог есть то неограниченное Все, чего человек сознает себя ограниченной частью. Истинно существует только Бог. Человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве. Чем больше проявление Бога в человеке (жизнь) соединяется в проявлениях (жизнями) других существ, тем больше он существует. Соединение этой своей жизни с жизнями других существ совершается любовью. Бог не есть любовь, но чем больше любви, тем больше человек проявляет Бога, тем больше истинно существует.

Лев Н. Толстой
Дневници - избрано
1881 - 1910г.

Лев Н. Толстой
Дневници - избранное
1881 - 1910г.

Съставител/редактор Йордан Йорданов

Превод: Елена В. Рачева
Дизайн и предпечат: ателие „Бяло плюс“ ЕООД

Издател: НЧ „Ясна поляна - 2014“, Варна

Със съдействието на: <http://exodus.today>